

ЗАБЫТЫЕ

П. И. МАРИКОВСКИЙ

На пути к Балхашу
В горах Анрахая
Пустыня Жусандала
Забывтые острова
По берегам озера
Следы рассказывают
Вдали от Балхаша
На обратном пути

ОСТРОВА

Наскальные рисунки не принадлежат определенному времени и народности. Судя по всему, первые рисунки выбиты человеком далекого каменного века. Такие рисунки обычно грубы, глубоки и очень сильно покрыты загаром и лаком. Рисунки-первенцы всегда служили стимулом для других художников древности: увидит пастух или охотник рисунок на камне — и сам захочет сделать то же.

П.И.МАРИКОВСКИЙ

ЗАБЫТЫЕ ОСТРОВА

Москва «Мысль» 1991

ББК 26.89(2К)
М26

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
ПО ГЕОГРАФИИ СССР

Рецензент В. А. Николаев

М $\frac{1805080900-026}{004(01)-91}$ 73-91

ISBN 5-244-00563-4

© Издательство «Мысль». 1991

НА ПУТИ К БАЛХАШУ

На пути к Балхашу. Первый выезд в экспедицию как самый большой праздник. Всю долгую зиму я готовлюсь к предстоящим поездкам: обдумываю многочисленные подробности и варианты путешествий, проверяю и налаживаю экспедиционное имущество и уж, конечно, больше всего занимаюсь своей машиной.хлопот — уйма, и, когда они остаются позади, на душе становится как-то особенно легко, настроение радостное, и так весело сидеть за рулем, прислушиваясь к ровному рокоту мотора и поглядывая на зеленеющие поля и на гряды тянующихся рядом гор. Через приоткрытое стекло лицо обвеивает весенний ветер, пахнущий свежими травами, и первая крохотная пчелка, залетевшая в машину, встречается с вниманием, как предвестник многочисленных знакомств с насекомыми, зверями и птицами. Вспоминается стихотворение Ю. Линника:

Хороша эта жизнь без уздечек;
Здесь свидетелем будет кузнечик,
Соглядатаем только светляк...

Нас трое — я и два моих молодых спутника, научные сотрудники Института зоологии Казахской академии наук, Николай и Ольга. Да еще по вещам, которыми загружена машина едва ли не до самого потолка, прыгает с места на место самый неугомонный и нетерпеливый участник экспедиции — четвероногий друг фокстерьер Кирушка.

Николай будет заниматься пауками, Ольга — скорпионами. Меня же интересует весь животный мир, в особенности насекомые. Наши планы обширны. Весну, лето и осень мы посвятим синему озеру пустыни Балхашу, его северным берегам. Меня интересуют его многочисленные острова: что они собою представляют и нельзя ли один из них предложить для организации маленького заповедника. Казахстан отстал в организации заповедников и находится в этом отношении на последнем месте в Советском Союзе. Сейчас заповедать территорию очень трудно, так как ни районные, ни областные власти не согласятся на изъятие земель из сельскохозяйственного оборота. Вот почему я, давний сторонник маленьких заповедников, рассчитываю на свой страх и риск найти и предложить для заповедника один из островов Балхаша. Они никем не исследованы, не используются, забытые острова... Пока же до синего озера далеко, торопиться не будем и на пути к нему побываем в пустынях.

Сегодня нам много не проехать: слишком поздно выбрались из города. Первый бивак придется разбить на лёссовых холмах предгорий Заилийского Алатау. Впрочем, мне хочется поскорее остановить машину и глянуть на то, что происходит в природе. И вскоре, отъехав подальше от шумной трассы, мы находим тихое и уютное место в ложбине.

Тесная связь. Вокруг зеленые травы, расцвеченные похожими на незабудки голубыми ляпулями и какими-то лиловыми крестоцветными, среди них кое-где пламенеют красные маки. Стрекохут обеспокоенные нашим появлением суслики, в небе поют жаворонки. Сквозь густую весеннюю зелень всюду проглядывают светлые, кажущиеся почти белыми холмики возле нор сусликов, да выбросы кучек земли неутомимого подземного труженика слепушонки.

Едва я вышел из машины, как сразу увидел над одним светлым холмиком крошечное логовище маленького паучка, ядовитого каракурта, в виде шапочки, ви-

сящей на паутинных тенетах. Я осмотрелся: везде над голыми участками земли висят такие же логовища каракуртиков. Но ни одного логовища нет среди травы. Паучку обязательно необходима хотя бы крохотная площадка, над которой он и налаживает свое сооружение. Она непереносимое условие его жизни, без нее он погибнет в первую же неделю своей жизни.

Когда-то я подробно изучал жизнь каракурта. Первая добыча паучка — чаще всего муравей. Едва он заденет за одну из паутинных нитей, прикрепленных к земле, как паучок стремглав выскакивает из-под своей шапочки, бросается к добыче и выстреливает на нее капельку липкой жидкости. Теперь муравей привязан к месту, и, пока он пытается освободиться от неожиданного плена, паучок поспешно прикрепляет к нему паутинные нити и постепенно поднимает его над землей. Как только муравей повис в воздухе и потерял опору, он становится совершенно беспомощным и попусту размахивает ногами. Теперь его участь решена, вокруг ни травинки, ни стебелька, за которые можно было бы зацепиться.

Когда в пустыне наступает жара, высыхают и выгорают травы, а все живое прячется в тень, каракурты, повзрослев к тому времени, переселяются во входы нор грызунов. Здесь они находят убежище от солнца и надежное укрытие от копыт пасущихся животных. Днем ночные насекомые прячутся в норы и попадают в логовища черного разбойника. В годы продолжительных засух, когда пустыня становится безжизненной, выживают только те каракурты, которые поселились в норах.

Грязнули. Сейчас бы отдохнуть от хлопот первого дня путешествия, да разве удержаться от желания побродить по полю, разведать окрестности! Всюду — загадки. Вся лочва в норках: выползли из своих глубоких укрытий первые вестники весны — небольшие коренастые жуки-кравчики. Самые крупные из них будто нарочно перепачкались в земле, а поменьше — чистенькие, сверкают вороненой сталью рыцарских лат. Почему так?

Еще прошлой весной жуки-кравчики выкопали во влажной земле глубокие норки и сделали по несколько пещерок. В каждую из них утрамбовали траву и отложили по яичку. Из заготовленного корма вскоре получился отличный и ароматный силос, который

с аппетитом съели личинки. Потом они окуклились, превратились в жуков и заснули в своих темницах на все сухое лето, дождливую осень и долгую зиму. Когда же сошли снега, пришла новая весна и голую землю разукрасили первые цветы лёссовой пустыни, глубоко под землей в своих колыбельках пробудились молодые кравчики и стали выбираться наверх.

Труднее всего пришлось жуку-первенцу, чья пещерка располагалась выше всех. Его каморка была устроена родителями самой большой, пищи в нее заготовлено вдоволь, и жучок вырос богатырем. Пока он откапывал землю, выбирался наверх, весь испачкался в светлой лёссовой мокрой почве и стал серым. Зато его братья и сестры вышли по уже проложенной дорожке чистенькие, в нарядных костюмах и разбрелись во все стороны.

Когда ярче зазеленеет пустыня и сизая пахучая полынь поднимет свои росточки, кравчики разобьются на пары, каждая выроет себе семейную норку и примется, так же как и раньше их родители, строить колыбельки и заготавливать в них зеленый корм. Тогда уже все жуки выпачкаются в земле. И к лучшему: на светлой почве пустыни они не так заметны.

Так делают не только кравчики. Вот, например, ни за что бы не заметить эту чернотелку. Она вся покрыта светлой глиной, похожа на комочек земли. Только на самых кончиках острых шипиков тела глине не удержаться, и они, будто черный пунктир, украшают обманщицу. Пытаюсь с нее отмыть грязь. Сразу же показались на спинке жука глубокие борозды. Они не случайны: чтобы прочнее держалась глина.

Не только жуки-кравчики и черно- и серотелки покрывают свой изящный костюм грязью. Всем, кто любит бодрствовать днем, приходится маскироваться.

В пустыне многие звери, птицы и насекомые окрашены в светлые тона. Куда деться в черной одежде на светлой почве и при дневном свете? Не поэтому ли многочисленные виды семейства жуков-чернотелок днем сидят в норках и под кустиками, а выходят только ночью?

По земле от травинки к травинке перебегают едва заметный серый, как почва, плоский паук. Заметен, только когда шевельнется, замрет — ни за что не рассмотришь. Это паук-краб. Так его называли за то, что плоским телом, корезистыми, расставленными в сторо-

ны ногами в миниатюре напоминает краба. Паук-краб — тоже грязнуля, измазал свое тело тонкой взвесью глины, и она среди густых волосков сидит так прочно, что ее сразу не отмоешь. Эта «одежда» очень помогает пауку маскироваться. В ней он неразличим: насекомые, не видя хищника, легко попадают в его цепкие лапы.

Другие виды пауков-крабов охотятся на цветах. Они, как хамелеоны, принимают окраску цветка: белую, желтую, сиреневатую или даже красную. Бывает и так: отцвели в пустыне белые цветы и ярко-белому хищнику приходится перебираться на какой-нибудь красный цветок. Сидит он на нем и всем виден. Такому пауку в охоте неудача, все облетают его стороной. Он же ничего не может сделать, не умеет даже грязью вымазаться — приходится ждать, пока не покраснеет. Некоторые пауки-крабы, оказавшись в таком положении, находят быстрый выход — если в цветке много пыльцы, они пачкаются в ней, да так сильно, что не узнать паука. Тогда берегитесь, доверчивые пчелки! Яд паука-краба очень силен, и прожорливый хищник мгновенно убивает свою добычу.

Комары-вегетарианцы. Первый бивак всегда отнимает много времени: надо поставить палатки, потом распаковать вещи и наконец приготовить еду. Работа, несмотря на старания моих помощников, не очень спорится. То и дело объявляются поиски вещей. Так вначале всегда бывает. Пройдет немного времени, все наладится и станет на свои места. Зато как крепко, освежающе первый сон на чистом воздухе при необыкновенной тишине, под небом, сверкающим яркими звездами!

Утром повторяется тот же переполох, только в обратном порядке. Зная, что сборы в путь отнимут время, и заранее зарекаясь не торопиться с маршрутом, я снова отправляюсь побродить по холмам.

Сегодня тепло, настоящая весна... Журавли летят, унизали все небо цепочками, перекликаются. Холмы только начали зеленеть, и желтыми свечками засветились на них тюльпаны. Воздух звенит от песен жаворонков.

На душе радостно и легко. Чувствуется всюду биение пульса жизни. Надо бы присесть, присмотреться. Но не могу остановиться, уже полчаса бреду к горизонту, к странному белому пятну на дальнем бугре. Что за

необыкновенное пятно, почему колышется: то застынет, то вновь встрепенется? Вблизи все становится понятным: расцвел большой куст таволги и весь покрылся душистыми цветами. Откуда он здесь взялся, в лёссовой пустыне?*

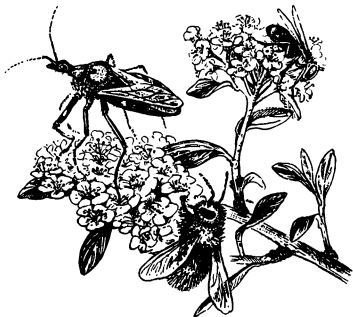
На цветах же пир горой. Все они обсажены маленькими серыми пчелками-андренами. Сборщицы пыльцы и нектара очень заняты, торопятся. Кое-кто заполнил свои корзиночки пыльцой, сверкает ярко-желтыми штанишками и, отягченный грузом, взмывает в воздух. А на запах прибывают все новые посетители.

Сколько их здесь! Наверное, несколько тысяч собралось со всех концов. Еще трудятся пчелки посветлее и побольше. Ленивые черные и мохнатые жуки-оленки не спеша лакомятся пыльцой, запивают сладким нектаром. Порхают грациозные голубянки. Юркие блестящие, как полированный металл, синие мухи шмыгают среди белых цветочков. На самой верхушке куста уселся клоп-редувий. Ему, завзятому хищнику, вряд ли нужен сладкий нектар.

Куст тихо гудит. Здесь шумно, как на большом вокзале. И еще необыкновенный любитель цветов — самый настоящий аздес каспиус. Он старательно выхаживает по цветам на своих длинных ходульных ногах и запускает хоботок в кладовые нектара. Забавный комар, какой-то чудной. Он не один. Масса комаров лакомится нектаром. Я рассматриваю их в лупу и вижу сверкающие зеленые глаза, роскошные, вычурно загнутые коленцем мохнатые усики, длинные, в завиточках, щупики, слегка прикрывающие хоботок. Это самцы, благородные вегетарианцы. Они, не в пример кровожадным самкам, способны насыщаться живительным сиропом, припрятанным на дне крошечных кувшинчиков цветочков. Быть может, когда-нибудь человек научится истреблять комаров, привлекая их на искусственные запахи цветов: без мужского населения не смогут класть яички самки-кусаки.

Вооружаюсь морилкой и пытаюсь изловить элитных незнакомцев. Но они удивительно осторожны и неуловимы. Сачком ударяю по ветке растения.

* Предгорные холмы Заилинского Алатау по существующему геоботаническому делению относятся к сухим степям. Но это деление относительно. В бедные осадками годы они становятся настоящей лёссовой пустыней, а в годы, обильные осадками, типичная лёссовая пустыня превращается в степь.

Куст внезапно преображается, над ним взлетает густой рой пчел, голубянок, мух, клопов и комаров. Многоголосый гул надолго заглушает и пение жаворонков, и журавлиные крики.

Сразу вспомнилась весна 1967 года. Она выдалась затяжной. Потом неожиданно в конце апреля наступил изнуряющий летний зной. Насекомые быстро проснулись, а растения запоздали: почва прогрелась не сразу. Странно тогда выглядела пустыня в летнюю жару. Голая земля только начинала зеленеть. Ничего не цвело. И вдруг у самого берега Соленого озера розовым клубочком засверкал тамариск. Он светился на солнце, отражался в зеркальной воде и был замечен далеко во все стороны. К нему — этому манящему пятну на унылом светлом фоне пустыни — и поспешил я, удрученный томительным однообразием спящей природы.

Розовый куст казался безжизненным. Но едва я к нему прикоснулся, как над ним, звеня крыльями, поднялось целое облачко настоящих комаров в обществе немногих маленьких пчелок-андрен. Комары не теряли попусту время. Быстро уселись на куст, и каждый сразу же занялся своим делом: засунул

длинный хоботок в крошечный розовый цветок. Среди длинноусых самцов оказались и самки. Они были тоже сильно заняты поисками нектара, а у некоторых уже изрядно набухли животики. На комарах виднелась пыльца цветка. Не думал я, что кровожадное племя может быть опылителями растений! И странно. Я пробыл возле розового куста не менее часа, крутился возле него с фотоаппаратом, щелкал затвором, сверкал лампой-вспышкой, и ни одна из комарих не воспользовалась возможностью напиться крови, ни один хоботок не кольнул мою кожу.

Среди комаров встречаются особенные приверженцы вегетарианского питания. Однажды во время обеда на варенье из ежевики, положенное на хлеб, уселась самка комара кулекс modestus и долго наслаждалась лакомством. Она была настолько поглощена этим занятием, что не обратила внимания ни на то, как мы с интересом разглядывали ее, ни на то, что хлеб с вареньем находился в движении. Насытившись сладким, комариха мирно полетела в заросли трав переваривать обильную еду.

Вероятно, у каждого вида комаров природа завела особые касты вегетарианцев. Если так, то это полезная для них черта. В особенно тяжелые годы, когда из местности по какой-либо причине исчезали теплокровные животные, комариный род продолжали выручать любители нектара. Они были особым страховым запасом на случай такой «катастрофы». А среди любителей нектара находились и желающие крови.

Как все в природе целесообразно! Еще бы! Миллионы лет были потрачены на подобное совершенство.

Охота поневоле. Предстоящий наш пробег недолог. Через несколько десятков километров — поворот в сторону станции Копя с главной трассы, ведущей из Алма-Аты во Фрунзе и Ташкент, и небольшой и хорошо мне знакомый распадок. Прежде мы ехали на запад. Теперь наш путь — к северу.

Осторожно веду машину между крутых лёссовых холмов. В это время наш фокстерьер насторожился, стал усиленно втягивать воздух, потом забеспокоился, заскулил и начал метаться по кузову. Едва машина остановилась, как он выскочил из нее и мгновенно исчез.

На поверхности зеленых холмов, прикрытых коротенькой травкой, собаку легко заметить издали.

Но ее нигде не было. Я забеспокоился. Вскоре появился фокстерьер, измазанный светлой лёссовой пылью, взволнованный, с раскрытой пастью и высунутым языком. Я привык к охотничьим подвигам своего четвероногого друга и поэтому, удовлетворившись тем, что пес благополучно возвратился, начал заниматься своими делами. Вдруг мне почудилось, будто на шерсти собаки что-то мелькает. Пригляделся. Оказывается, наш беспокойный участник экспедиции кишел великим множеством крупных блох. Они энергично носились по шерсти, ныряли в густое переплетение волос, выскакивали наружу, вновь скрывались и, казалось, были необыкновенно обеспокоены на своем новом хозяине. Где за такое короткое время собака умудрилась подцепить этих несносных насекомых — уму непостижимо!

Пришлось оставить дела и приняться за ловлю этих неутомонных созданий. Вскоре половина бутылочки эксгаустера из-под пенициллина заполнилась крупными блохами. Они поблескивали на солнце лакированными покровами, сцепившись в один клубок. Никогда в своей жизни не видал я такого изобилия этих несимпатичных насекомых.

Ловля блох оказалась не столь простым делом. Вскоре показалось, что в общем наша охота завершена с успехом. Но едва мы уселись в машину и завели двигатель, как блохи, очевидно повинувшись какому-то сигналу, возможно вызванному вибрацией машины, все дружно, как атакующие крепость воины, полезли на голову собаки, а некоторые стали бодро скакать по вещам. Пришлось заглушить мотор и вновь продолжить охоту поневоле.

Теперь каждому стало чудиться, что блохи забрались под одежду, мы стали чесываться, проклиная нашего неразумного пса, и напоминали собой шелудивых собак. А фокстерьеру хоть бы что! Он не чувствовал паразитов и, наоборот, наслаждался, когда мы возились в его шерсти. Пока мы занимались блохами, солнце основательно разогрело землю.

Бегунок-летунок. Ожили ящерицы, замелькали от кустика к кусту. Муравьи-бегунки носятся по земле. Один из них меня поразил: не бежит, а будто летает. Я давно, заглядываясь на бегунков, удивляюсь их неутомимому и быстрому бегу. Это скорее даже не бег, а короткие и длинные прыжки. Муравей, слегка прикасаясь ногами к земле, стремительно передвигается с короткими

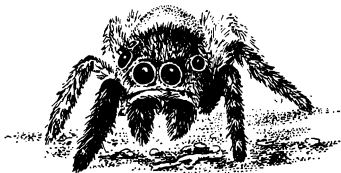
остановками. После остановки — снова прыжок с подталкиваниями. Совершая горизонтальный прыжок, муравей демонстрирует чудо эквилибристики: на лету поворачивается под углом. Долго и с удивлением я рассматриваю чудесного бегунка, его стройное, несколько необычное от металлического отблеска тельце. Муравья-бегунка кормят ноги: чем больше земли обследуешь, тем больше и добычи встретишь!

Паучья дипломатия. До того загляделся на бегунка, что забыл об окружающем. Залаял Кирюшка. Оглянулся: на вершине бугра Николай размахивает руками, что-то кричит. Оказывается, мои помощники забеспокоились, давно ждут. Но наш переезд недолог. Разве миновать такие чудесные распадки между холмами, разукрашенные весенними цветами! Одна за другой следуют остановки, и время летит незаметно и быстро.

Весной более всего оживленны пауки. Мальши выбираются из коконов, разлетаются по ветру на паутинках. В одном распадке особенно много пауков-скакунчиков, всюду мечутся перебежками. Видимо, какие-то нарушились механизмы, управляющие численностью этих всегда бодрых созданий.

Внимательно приглядываюсь к паучкам. Небольшие, пучеглазые, коренастые, волосатые, с крепкими коротенькими ножками, они невольно вызывают симпатию: вечно в движении, будто не знают ни усталости, ни покоя. Самочки крупнее, светлее. Глаза зеленовато-синие, очень выразительные: спереди два самых больших, будто фары на автомобиле, две другие пары — поменьше и подальше, по бокам головогруды. И еще пара самых маленьких глаз — сверху на голове. Четыре пары глаз смотрят в разные стороны, даже назад, — паучки отлично видят на большом расстоянии. Иначе им, хищникам, нельзя.

Нагляделся на паучков, потеряв к ним интерес, да неожиданно заметил необычную парочку. Точно по следу самки, соблюдая приличную дистанцию в двадцать — тридцать сантиметров, пробирался самец. Иногда он, описав круг, останавливался сбоку, следя сверкающими на солнце глазами за своей спутницей. Но вот самка заметила преследователя, повернулась в его сторону, скакнула ему навстречу. Самец поспешно отбежал в сторону. Нет, он не глупышка, он знает законы своего племени: в паучьем обществе самки нередко пожирают своих самцов.

Сейчас произошло неожиданное... Самка запрокинулась на спинку, показав светлую нижнюю половину брюшка, и быстро замахала в воздухе всеми своими восемью ногами. Самец внимательно следил за странным поведением незнакомки. Потом и сам «зачудил»: стал размахивать светлыми и мохнатыми маленькими ножками у рта — педипальпами, но не как обычно, а забавно — из стороны в сторону, будто моряк на палубе, сигналивший флажками. Еще несколько раз оба паучка перебежали в отдалении друг от друга: самка, падая, размахивала ногами, а самец отвечал ей выразительной жестикуляцией педипальп. Я с нетерпением ожидал конца этой игры. Но представление неожиданно закончилось. Сближения не произошло. Самец остался на месте, а самка поспешно ускакала далеко в сторону.

Поведение обоих паучков было, без сомнения, частью ритуала ухаживания, очень сложного и специфического для каждого вида. Но почему этот ритуал не был доведен до конца? Быть может, еще не пришла пора свадеб и паучкам полагалось побродить и подкормиться или оба они принадлежали к разным видам или расам и не подошли друг к другу, обменявшись взаимными опознавательными приветствиями?

...День пролетел, как всегда, незаметно. К вечеру нахмурилось небо, подул сырой прохладный ветер. Он принес непогоду. Ночью несколько раз накрапывал дождик. Я опасался, что, если он пойдет по-настоящему, нам по размокшей почве не выбраться из лога на шоссе. Впрочем, спать спокойно на этот раз не пришлось и по другой причине. Блохи уже явно скакали по нашим телам в тщетных попытках выбраться из спальных мешков,

что, как мне казалось, усиливало их неукротимую энергию и кровожадность.

Как известно, блохи, не в пример другим кровососущим насекомым, могут выпить крови во много раз больше, чем способен вместить их небольшой желудок. Излишек крови выбрызгивается наружу и предназначается для питания червеобразных личинок, обитающих в земляных норках. Столь необычным путем эти насекомые проявляют трогательную коллективную заботу о своем потомстве.

Следующие дни нашего путешествия мы вылавливали блох уже не столько на собаке, сколько на себе, и каждому из нас постоянно мерещились эти неутомные существа. К счастью, блохи почти не кусались. Кровь человека их не прельщала. Каждый раз, когда мы, улучив время, продолжали охоту, казалось, что она была проведена до победного конца. Но блохи появлялись бесконечно, запасы их были неисчерпаемы.

Блохи принадлежат к виду пулекс иританс, считающемуся человеческим. Они часто паразитируют и на крупных животных, а к лисицам настолько привыкли, что к нам, их истинным и давним хозяевам, отнеслись с неприязнью, чему мы, конечно, были рады. Видимо, собака забралась в брошенную нору, блохи же изрядно проголодались и дружно на нее набросились. Мы насчитали около двухсот блох. Но какой царил порядок в этом скопище беспокойных насекомых! Самцов оказалось на одного больше самок!

Что с ним? Мы спустились с холмов и приблизились к пустыне. Поникли самые первые цветы ее: белые с желтым сердечком тюльпаны и желтый гусиный лук.

Иногда через тонкую кисею облаков начинало слабо просвечивать солнце, и тогда муравьи-бегунки, сбившись кучкой, принимались ловить его слабые лучи. Через бинокль с лупами-насадками я долго рассматриваю это вялое скопище. Куда делось былое оживление! Везде царят апатия и беспробудная лень. В ложбинке между палочек, поникнув головой, лежит муравей. Кончики его ног слегка подергиваются, будто он спит. Неужели нельзя было выбрать место удобнее, в подземных камерах? Они сейчас забиты засонями. Тут же спящего постоянно задевают, кое-кто возле него задерживается на мгновение и, пощупав усиками, ползет дальше.

В прохладный день насекомых нет, и после вчерашнего похода по пустыне хорошо посидеть на месте. Я уст-

роился возле муравейника с полевым дневником, изредка поглядываю на странного муравья. А он все такой же, без движения, скрючившийся. Но лапки его уже не вздрагивают. Не последний ли сон сковал его тело?

Осторожно беру муравья пинцетом, кладу на ладонь, отогреваю, тщательно осматриваю, пытаюсь найти какие-либо признаки старости. Он такой гибкий, будто живой. И костюм его, как и у всех, сияет чистотой. Осторожно кладу его обратно. На него сразу же набрасывается кучка любопытствующих. Наверное, теперь от него пахнет чужим, моими руками. Вскоре кучка рассеивается. Но засоня не оставлен без внимания. Им начинают все больше и больше интересоваться, щупают усиками, челюстями массируют брюшко (так муравьи делают, когда пытаются оживить утонувших), голову, ротовые щупики. Кто знает, быть может, любопытствующие впервые видят своего сородича бездыханным и впервые в их маленькой головке рождается дополнение к инстинкту, крошечный опыт о жизни и смерти!..

Один большой муравей внимательно ощупал бездыханного, отполз в сторону, будто одумавшись, возвратился и снова стал гладить, щупать, переворачивать с боку на бок. И так три раза. Все сомневался, не мертв ли. Наконец, схватил за усик, потащил, но бросил. А время идет. Солнце все сильнее просвечивает сквозь пелену облаков, члены тела муравья уже не такие гибкие, как прежде, и уже нет ни у кого сомнения, что бедняга мертв. Рослый муравей-рабочий, быть может, тот самый, не раздумывает: грубо и решительно хватает за усик ношу и тащит ее во вход муравейника на съедение.

Отшельники. Холодный ветер гонит над пустыней серые тучи. Они медленно вползают на далекие потемневшие горы и, переваливая за хребет, скрываются в свинцовом мраке. Из-под ног с голой земли, усыпанной камнями, поднимаются облака пыли. Ветер подхватывает их и развеивает по сторонам. Пустыня, большая, сухая и безмолвная, будто замерла в суровом молчании.

Какая унылая весна! Может быть, ветер разгонит тучи, и тогда все станет по-другому. Но тучи будто с каждой минутой опускаются ниже. Все замерло. Сколько ни вглядывайся в сухую землю, везде пусто. Вон только у кустика солянки копошатся муравьи-жнецы. Я рад им — хоть есть что-то живое.

Муравьи очень заняты, как всегда, суетливы. Пока в почве есть влага, усиленно строят камеры. На блестящем черном одеянии жнецов сверкают изящные серебристые волоски. Трудятся главным образом малыши. Больших грузных и большеголовых солдат нет. Впрочем, вот один возвращается в гнездо, останавливается, чистит усы: голая пустыня, без урожая, и пока нет никакого смысла тратить время на разведку.

Серый паучок, будто опасаясь открытого пространства, стремительно перебегает от камешка к камешку. Он держит путь прямо к муравейнику. Не добежал до него немного, остановился, затаился, замер. Может быть, лень бежать дальше в такой холод или почуял недоброе: с дружными муравьями опасно связываться.

Муравьи без конца выносят в челюстях комочки земли, бросают и спешат обратно за новым грузом. Когда я делаю резкое движение, те, кто у входа, замирают, вытягивают усики, обнюхивают воздух. Сзади их подталкивают носильщики: кто тороплив, бросает ношу тут же, у входа, и скрывается в темноте подземного жилища. Некогда принюхиваться, вон сколько работы!

Серый паучок оказался лукавым. Нет, он не испугался, не заснул и не случайно остановился вблизи муравейника. К камешку с затаившимся в засаде хищником приблизился не подозревающий об опасности муравей. Молниеносный прыжок — добыча схвачена, и помчался удачливый охотник прочь от муравейника, юркнул под камень. Уж не потому ли так осторожны те, у входа, с вытянутыми усиками?

Под камнем я вижу несколько мертвых муравьев. Внимательно рассматриваю землю вокруг муравейника, приподнимаю другие камни и под многими из них нахожу серых паучков с умерщвленной добычей. Так вот, оказывается, какой у вас коварный промысел! Напасть потихоньку, схватить и спрятаться под камень, чтобы никто не заметил.

А ветер все крепчает, налетает порывами, несет по пустыне мелкие камешки и шелестит солянками. Серые тучи совсем опустились и почти закрыли почерневшие горы. Редкие капли дождя ложатся темными пятнышками на сухую и холодную землю пустыни.

Ласточки и овцы. Правильно ли утверждение, что ласточки летают над самой землей только перед дождем? Неправильно! Вот уже второй день я не вижу ласточек в небе. Все они кружатся над самой землей,

прижимаются к ней, едва не задевая за травы, а на небе уже нет туч, и ясное солнце освещает весеннюю зеленую пустыню. Третий день дует свирепый северный ветер, и мы страдаем от него. Он раскачивает во все стороны роскошные ферулы, пригибает к земле серебристые метелки ковылей, а палатка наша беспрестанно вздрагивает: то вздувается пузырем, то сожмется и хлопает по голове.

Ветер холодный, нудный — скорее бы кончился. Замокли жаворонки, будто их здесь никогда и не было. Иногда какая-нибудь пичужка поднимется в воздух, но ее ветер метнет в сторону и бросит к земле. Все насекомые спрятались под кустами, забились в щелки, скрылись; при таком ветре не поднимаешься в воздух — вмиг унесет невесть куда. Ласточкам хуже всех. Они голодают в безуспешных поисках пищи.

Вчера, в первый день непогоды, ветер утомился к концу дня, и, хотя солнце стало заходить, выползли на траву насекомые, и радостно защebetали птицы.

Сегодня солнце садится за дальние горы, а ветер не стихает ни на минуту. Всю ночь напролет дрожит палатка и хлещет по спальному мешку. И утром также мечутся от ветра травы. В ожидании хорошей погоды истощилось терпение, мы покидаем цветущую долину в пустыне и едем дальше.

По пустыне бродит отара овец. Ей ветер не помеха. Но овцы не одни. Возле них стаями носятся ласточки, кружатся, не отстают ни на шаг, все собрались к овцам.

— Баран мошку из травы гоняет! Еще у барана своя мошка есть, — объясняет мне чабан. — Баран сейчас кормит ласточку!

Стайки ласточек опускаются на автомобильную дорогу и усаживаются на ней. Черный асфальт теплее, чем светлая земля пустыни, на асфальте чисто, вокруг видно, и врагу не подобраться незамеченным. На асфальте лучше, чем на телеграфных проводах.

Трудное время переживают ласточки, и мне жаль беспокоить бедных птиц, сбавлю газ и объеду их тихо стороной.

В ГОРАХ АНРАХАЯ

Кончились лёссовые холмы с предгорными степями и пустынями. Хребет Заилийский Алатау с заснеженными вершинами от нас все дальше и дальше. Теперь мы в настоящей пустыне. На северном горизонте показалась сиреневая полоска небольшого хребта Анрахай (около ста километров длиной). Пересекли низину с ярко-белыми солончаками в редких темно-зеленых кустиках солянок, переехали крохотную, едва заметную речку Кора, за ней миновали железную дорогу. И вот перед нами начало хребта: каменная пустыня, прикрытая темно-коричневым щебнем да редкими крохотными и приземистыми кустиками боялыша.

Хребет Анрахай — сильно сглаженный, тянется с востока на запад, состоит из пологих холмов. Мы могли бы сейчас по маршруту его пересечь, продолжая путь к северу, потом, повернув на запад, доехать до Балхаша. Но торопиться некуда. Весною Балхаш холо-

* Горы Анрахай — название старое, его можно прочесть на картах 30—40-х годов. Сейчас их стали называть Чу-Илийскими.

ден, беспокойен, вероломен, и плавать по нему в это время опасно. К тому же так интересно побывать в ущельях хребта, где текут маленькие прозрачные ручьи в обрамлении узких лент трав и кустарников, а на камнях можно увидеть наскальные рисунки.

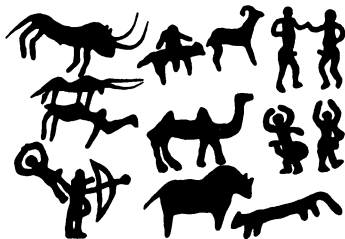
Неожиданные скалолазы. К вечеру увидели обширную межгорную равнину, свернули с дороги и, отъехав от нее на порядочное расстояние, стали возле одинокого кургана. Солнце садилось за горизонт, закат был удивительно чистым, его золотистые тона постепенно переходили в нежно-зеленые цвета, затем сливались с темной синевой неба. Справа виднелась одинокая гора со скалистой вершиной. Заходящие лучи солнца скользнули по камням и отразились на них красными бликами.

Рано утром, наспех собравшись, я пошел к скалистой горе. Красные блики на камнях говорили о том, что скалы покрыты загаром пустыни. Такие скалы — излюбленное место для древних наскальных изображений. Почти сорок лет интересуюсь ими, и, признаюсь, маршрут моих путешествий нередко отклонялся в сторону, когда появлялась возможность посмотреть и скопировать наиболее стоящие рисунки, выбитые на камнях.

На вершине горы у высоких скал, образовавших подобие каменной ограды, собака, оставив которую на биваке было равносильно самому суровому наказанию, хрипло зарычала и стала усиленно царапать когтями камни. Эти явно воинственные действия означали крупную добычу. Перепрыгивая с камня на камень и сдерживая учащенное дыхание, я поспешил к высоким скалам и увидел... двух черепах.

Как и зачем они забрались по высокому крутому каменистому склону? Вокруг лежали просторы пологих холмов, покрытых зеленой весенней растительностью! Впрочем, черепахи — я это давно заметил — проявляют подчас удивительное упорство в преодолении всевозможных препятствий, оказываются в самых неподходящих местах. На обширной солончаковой впадине Сорбулак, вблизи Алма-Аты, ныне затопленной сточными водами, я часто находил черепах, увязших в полужидком грунте. Судя по следам, они попадали туда с берега, направляясь куда-то по прямой линии и не желая сворачивать никуда в сторону.

Наскальных рисунков на горе не оказалось...

Рисунки на камнях. Горы все круче и выше, на нашем пути все чаще ущелья с ручейками и скалами. Кое-где на вершинах стоят каменные пастушеские столбы — немые свидетели давних времен. Сейчас такие уже не ставят. Столб — это целое сооружение, напоминающее размерами и четырехугольной формой кибитку, сложенную из камней.

Наконец я вижу черные скалы из порфирита. Они сильно загорели на солнце и слегка поблескивают, отражая синее небо. Это так называемые пустынный загар и лак. Первый из них образуется от постоянного нагревания породы солнечными лучами, к ее поверхности постепенно просачиваются марганцевистые и железистые окислы, придающие коричневый, а затем и черный цвета, второй — от постоянно дующих ветров, несущих пылинки, которыми поверхность камней как бы слегка полируется и становится блестящей. Не все камни способны загорать и покрываться лаком пустыни. Порфириты в этом отношении идеальны. На их ровной поверхности очень хорошо выбивать рисунки. Достаточно ударить по камню несколько раз другим камнем, как тончайшая поверхностная пленка загара и лака разрушится и из-под нее выйдет светлая, почти белая порода. Свежий рисунок совсем светлый и очень далеко выделяется на черном фоне камня. По давнему опыту я знал: здесь должны быть наскальные рисунки, которыми так богата Средняя Азия.

Наскальные рисунки не принадлежат какому-либо определенному времени и народности. Судя по всему, первые рисунки выбиты человеком далекого каменного века много тысячелетий назад. Такие рисунки обычно грубы, глубоки и очень сильно покрыты загаром и лаком. Рисунки-первенцы всегда служили стимулом для других художников древности: увидит пастух или охотник рисунок на камне — и сам захочет сделать то же.

Первое, что я вижу, — это не особенно искусное изображение животного, уже давно исчезнувшего с лица земли, — быка тура: стройное тело, могучий торс и длинные загнутые рога. Много лет назад я впервые встретил изображение этого быка на камнях и опубликовал о нем в научном журнале статью — зоологи встретили мое сообщение с большим недоверием. До того времени считалось, что тур обитал только в Западной Европе. О туре в Азии никто никогда не упоминал. Но прошли с момента находки рисунка два года, и в Казахстане палеонтологами были найдены останки тура, а затем из торфа извлекли и прекрасно сохранившиеся его рога. И вот теперь я снова вижу подтверждение моих прежних находок!

Чуть было не пропустил еще рисунок, он почти рядом, здесь тоже изображен тур, ниже его — верблюд. Вот два человека: один поднял руки над головой

и сомкнул их — это ритуальная поза, другой держит лук со стрелой с большим наконечником. Рядом — совсем необычное: на лошади всадник, но без головы, а возле него изящное изображение козла. Два человека, взявшись за руки, пляшут, потом еще человечки с поднятыми кверху руками — возможно молящиеся. Вот спокойный и величавый верблюд, а недалеко от него какая-то странная лошадь, даже не лошадь, а короткорогий бизон, обитавший в этих краях много тысячелетий назад. Рисунок очень стар! По мнению ученых, короткорогие бизоны вымерли около пятнадцати тысяч лет назад. А вот этот рисунок — явно тигр, только нарисован он немного примитивно, но характерные черты не упущены: длинное туловище, относительно короткие ноги, длинный хвост. Вырублен он очень глубоко, сильными ударами и очень стар. Сколько ему лет? Теперь тигра давно нет ни здесь, в горах Анраха, ни во всей Средней Азии. Но рисунок остался.

Очень забавен козлик со скрещенными рогами над головой. А вот и змея, притом точно изображенная: в хвостовой половине туловища виден анальный щиток, за которым и располагается собственно хвост пресмыкающегося. Возле головы змеи нанесены точки, видимо, под ними следует подразумевать яд. У козлика рога не как у всех, а разведены в разные стороны. Рисунок необычен. Справа от него располагается фигурка собачки, очень похожая на современного фокстерьера. Что-то веселое и детское есть в этом рисунке. Наверное, какой-то смысл заложен в рисунке, на котором изображен олень, а перед ним — человек с разведенными в стороны руками. На его голове широкополая шляпа.

Замечательна группа из трех грациозных козликов, впереди них вроде бы лошадь. А вот какой-то знак, по-видимому родовой, — тамга, и очень грубое и глубокое изображение козла, в которого вцепился зубами волк или собака. Два кружка, соединенных перемычкой, — возможно, балло (орудие охоты: два или три камня, соединенных веревкой), — ловко брошенное на животного, опутывало его ноги и сваливало на землю. Балло широко употреблялось аборигенами Австралии, Северной Америки. Чарльз Дарвин в описании своего путешествия на корабле «Бигль» рассказывает об этом простом, но действенном орудии охоты, которым повсеместно пользовались. Весело выглядит козлик с лихо закрученным и немного длинноватым хвостиком. Рядом

по горбоносой морде можно узнать сайгу. Но рога ее стилизованы.

Вдали, через распадок, еще видны загорелые камни, и, похоже, на одном из них что-то виднеется. Придется перебраться по каменистой осыпи через крутой спуск и подъем. Я не жалею затраченного времени и сил. Уж очень своеобразен и загадочен рисунок: человек, нет, не просто человек, а, судя по хвостику и большой голове, ряженный, держит за хвост тура и верблюда. Что это? Разве скажешь с уверенностью и будет ли когда-либо расшифрован загадочный смысл этого рисунка? Быть может, это условное изображение одомашнивания этих животных?

Долго и тщательно разыскиваю рисунки и нахожу только один — человека с длинной веревкой, а выше него — чудесного козлика. Кажется, больше нет рисунков в ущелье. Многие рисунки едва заметны или заметны только при особом освещении и так легко могут быть пропущены. Впрочем, хватит, мой улов неплох! Пойду скорее на бивак, обведу рисунки чернилами, полюбуюсь своими находками.

Тайное убежище. Желтые ферулы рассеченные заняли все ущелье и при луне светятся будто свечки. Днем надо осмотреть их. У основания каждого листочка ферулы находится глубокая, продольно вытянутая чашечка, тесно смыкающаяся своими краями. В этой чашечке, в отличном и темном убежище, на день затаиваются разные насекомые. Интересно взглянуть на них.

Едва позавтракав, я перехожу от ферулы к феруле. Вот паучок-скакунчик забрался в чашечку и сидит в ожидании добычи. Другой обвил себя со всех сторон нежной тканью, линяет. Кто-то из пауков закончил эту трудную операцию и покинул убежище, оставив шелковый домик. Но больше всех ухверток. Они всегда путешествуют компаниями и уж если займут ферулу, то битком набьются в ее пазухи: в них и безопасно, и солнце не печет, и, главное, влажно, не сушит воздух пустыни.

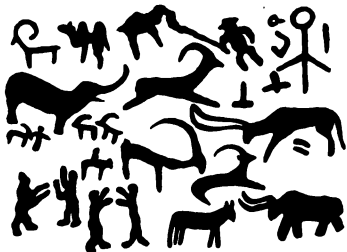
Каждый раз, как только я открываю убежище ухверток, они приходят в величайшее возбуждение и, грозно размахивая клешнями, в волнении и спешке разбегаются во все стороны. А когда ферулы завянут, ухвертки переселятся под камни и начнут выводить потомство.

В пазухах листьев нахожу больших зеленых, с белой каемкой по бокам, гусениц. Многие из них больны, покрылись ржавыми пятнами, а некоторые погибли, сморщились. Неужели гусеницы устраиваются сюда только на время болезни? Ведь кое-кто из них, выздоровев, покинул укрытие, оставив после себя серые комочки испражнений.

Забрались сюда крошечные муравьи-пигмеи, оживленно снуют, что-то ищут, к чему-то присматриваются. Они не едят ткани растения, не сосут из него влагу, не собираются здесь устраивать жилище. Оно у них — в земле, отличное, старое, с многочисленными камерами и сложными лабиринтами-ходами. Что им тут надо? Загадка муравьев не дает покоя. Но вот наконец найден ответ. Большой отряд крошечных подземных жителей переселил сюда своих кормилиц — больших черно-коричневых, головастых, с длинными хвостиками цикадок, живущих на корнях растений. Видимо, им нужен новый корм или пришла пора брачных свиданий. Но как муравьи-лилипутики перегнали сюда свою скотинушку? Наверное, с помощью каких-то особенных приемов. Цикадки — все их достояние. От них зависит благополучие муравьиной семьи. Когда я раскрыл убежище, наполненное ими, маленькие труженики, растерянные и беспомощные, в величайшем беспокойстве заметались.

Жизнь ферулы скоротечна. Она, такая большая, выросла совсем недавно, и пройдет еще немного времени, когда от растения останутся одни сухие палочки, которые ветер разметет по пустыне. Припекает солнце. Поднимается легкий ветер и раскачивает растения. От ферулы начинает исходить тонкий и нежный аромат. По запаху к ее цветам мчатся со всех сторон многочисленные насекомые, жадно льнут к нектарникам, расхватывают желтую пыльцу. Они тоже, как и ферула, очень торопятся все успеть за короткую весну.

Анрахай нас задерживает. Я чувствую, что горы меня скоро не выпустят и наш план продвижения к Балхашу нарушается. Едва только отъехали, как на пути встретилось опять ущелье, склоны которого сверкают загоревшими камнями. Здесь должны быть рисунки. Как их пропустить! Быть может, не скоро здесь придется побывать, может, и недолго они будут красоваться на скалах — погибнут в фундаменте какого-нибудь здания. Я снова с карандашом и бумагой осторожно вышагиваю

по острым камням, останавливаюсь подолгу на месте находок, к великому неудовольствию своего четвероногого спутника, для которого немые камни совсем не интересны, а от хозяина отходить далеко строго запрещено.

Кажется, быть большому улову в этом ущелье: камни черны от загара, ровны и тянутся на большое расстояние. Вот первая находка в самом низу: крошечный козлик и знак-тамга — круг с крестиком. Таким же знаком в Древней Греции обозначался женский пол. До сих пор этот знак принят в зоологии и обозначает самку. Здесь это, видимо, случайное совпадение. Потом вижу изображение козла, верблюда.

Осторожно подбираюсь через завалы камней к большой скале с ровной поверхностью — и замираю от неожиданности. Передо мной большое, очень похожее изображение слона с поднятым хоботом. А ниже его козлик, всадник, человек, раскинувший в стороны руки. Слон здесь не обитал, но мог появиться с караванами из далекой Индии. Или, быть может, его нарисовал чужеземец, прибывший из этой страны, или даже абориген, побывавший в ней. Два человека стоят друг против друга, подняли кверху руки, как будто в угрожающей позе: наверное, дерутся. Другие два — тоже в подобной позе. Что это: драка или кулачный поединок, прообраз современного бокса?

Рисункам нет конца, они так выбиты, что заметны со дна ущелья. Представляю, как четко виднелись они, когда были свежими, почти белыми. Вот человек в широкополой шляпе ведет на поводу маленького верблюжонка, мчится козлик, слегка согорбившийся тур вытянул вперед голову с длинными рогами. Вдруг целая серия знаков. Что они обозначают? Народы, обитавшие на территории современного Казахстана, не оставили после себя никаких следов письменности. Может быть, в каждом знаке заложен особый смысл? Или это просто родовые знаки? Козлик смотрит вниз, лошадь, грациозная фигурка козла, будто остановившегося на полном скаку. Изображений козлов очень много. Они всюду, и я зарисовываю лишь наиболее интересные из них.

Встретилось очень неплохое изображение тура, у него могучее тело, сильные, характерно изогнутые рога. Четыре подряд нанесенных на камень крестика, наверное, тоже не случайны и что-то обозначают. Уж не существование ли одной из ветвей христианской религии — несторианства, которое было широко распространено в Азии?

Здесь много непонятных знаков. Наверное, такие рисунки, как вот этот, на котором козел с двумя головами и сросшимися рогами, вызывали в свое время улыбку простодушного дикаря. Подобные рисунки с оттенком комизма мне встречались не раз, подтверж-

дая, что на скалах древние художники запечатлевали свои творения не только ритуального и мистического значения, но и юмористического. А вот горизонтальная восьмерка — наверное, родовая тамга.

Но вот, кажется, закончен осмотр ущелья, и я с облегчением вздыхаю: теперь можно возвращаться к биваку. Но за маленьким поворотом открывается громадная скала, и, хотя до нее далеко, глаза различают неясные очертания наскальных гравировок. Снова перебираюсь через ущелье, поднимаюсь вверх. Кажется, мои усилия не потрачены попусту. Здесь целая панорама рисунков. Рядом с могучей фигурой лошади — козлики и типичная фигура тигра. Впрочем, может быть, это и барс.

Перевожу взгляд на скалу, исписанную рисунками настолько, что на ней нет свободного места. Здесь и козел, и тур, и барс или тигр. Обращают на себя внимание тщательно выписанные фигурки людей в длинных одеждах с поднятыми над головами руками. Повидимому, это ритуальные позы. Прежде мне такие не встречались, они характерны именно для гор Анрахая. Многие рисунки забиты настолько, что от них остались лишь неясные пятна. Видимо, им придавалось какое-то особенное значение, если кто-то, обеспокоенный, опасаясь их магического действия, занимался тщательным уничтожением.

На другой панораме те же фигурки людей с поднятыми вверх руками: одна из них, без сомнения, женщина. Очень значительны изображения стреноженных лошадей. Что это: прирученная лошадь или, быть может, лошадь приманочная, к которой могли подойти лошади дикие, попав под убойный выстрел затаившегося охотника? Тщательно выписанный круг сплошной выбивки не приходилось встречать ранее. Может, это солнце или луна, игравшие в мировоззрении древних народов большую роль. Но ниже среди неясных знаков и полуразрушенных рисунков я вижу такой же круг, но с хвостиком, делающим рисунок похожим на изображение яблока. Когда-то в ущельях Анрахая росли яблони.

В горах Чулак, сходных с горами Анрахай, на правобережье Или, километрах в четырехстах отсюда, кое-где еще сохранились дикие и сильно угнетенные яблоньки. Возможно, постепенно их уничтожили животноводы во время зимовок. О когда-то более бо-

гадой растительности гор говорят и отдельные чахлые деревца боярки и железного дерева.

Голодающая фаланга. В начале путешествия нашли фалангу, засадили в маленький проволочный садок и забыли о ней.

Вечером я вспомнил о фаланге. Она, еще живая, но совсем вялая, едва двигалась. Тогда я налил в садочек немного воды. Как оживилась наша пленница, как обрадовалась живительной влаге, засунула в нее голову, задвигала своими острыми челюстями! Долго фаланга пила воду. Не подозревал я, что жительница сухой пустыни окажется таким водохлебом. Но есть отказалась. Ни гусеницы-пяденицы, ни молоденькие кобылочки ее не прельстили, хотя к каждому нашему приношению она относилась с должным вниманием — хватала ногами, слегка покусывала челюстями.

Обычно фаланги — прожорливые создания. А эта какая-то странная оказалась. Худое и стройное тело, длинные ноги и особый отросток на голове выдавали в ней самца. Может быть, ему не было надобности набивать свой животик едой: поджарому легче бегать, рыскать по пустыне в поисках подруг. В этом было жизненное назначение, и ему было подчинено все поведение мохнатого создания. А может быть, фаланге пришло время кончать счеты со своей жизнью. Фаланга вскоре погибла, не попробовав ни одного из преподнесенных ей угощений.

Древний календарь. Мы едем по невысоким холмам, но, увидев ущелье, вновь забираемся в горы. Ущелья издавна служили приютом кочевников, скотоводов, охотников. В них вода и жизнь.

При входе в ущелье — несколько развесистых деревьев. Там должен быть родник — нужно пополнить запасы воды. Возле старых раскидистых ив расположена зимовка скота. Отары овец отсюда давно откочевали на равнины, и следы человека и животных закрыла молодая весенняя трава. Небольшой родник, начинаясь в яме возле одного из деревьев, течет вниз не более ста метров и исчезает среди камней. Недалеко от места, где он заканчивается, находятся два каменных кургана. Их поверхность выложена крупными черными камнями, загоревшими на солнце. Вблизи курганов сложены четыре кучки таких же камней. Они очень старые, полузасыпаны почвой — им не менее тысячи, а возможно и более, лет. Надмогильными насыпями они не

могли служить — уж очень малы. Стою на одной из них, расположенной в стороне от трех других, и вдруг меня осенило... Предположение кажется смелым, хотя до этого я открыл подобный календарь древних обитателей Казахстана в особенных, так называемых курганах с грядками.

Неужели и здесь то же самое? К счастью, со мной в машине буссоль. Тщательно устанавливаю ее на маленьком кургане и замеряю направление на три маленьких курганчика. Азимут первый: слева направо с севера на юг 57° , азимут среднего кургана почти точно на восток — 90° , азимут на южный курганчик — 124° . Все совпадает! Небольшие расхождения объясняются магнитным склонением местности. Не ожидал я так просто встретить и здесь этот древний календарь. Хорошо бы его сохранить, отметив охранным объявлением или, быть может, даже оградкой. Чем дальше в горы, тем они круче, и чаще в них ущелья со скалами. Я не в силах оторваться от поисков наскальных рисунков. Убежден, что встреченные мною — лишь незначительная частица того, что разбросано по укромным уголкам. Когда-нибудь все, что только нанесено на камнях, будет зарисовано и сфотографировано. Но как скоро это произойдет и не погибнут ли к этому времени многие рисунки?

Продолжаем путь к западу, попадаем в большое ущелье с текущим ручьем, и мои помощники, оценивая предстоящую стоянку, основательно готовят бивак.

Опять рисунки. Первое, что я вижу на дне ущелья, — это камень с хорошим рисунком лучника, стреляющего с колена. Поверхность камня зеленоватая, а сам рисунок черный от загара. Пожалуй, такое встречается мне впервые. Скорее всего она покрыта какими-то наслоениями, препятствующими загару. Камень тяжеловат. Но я сохраню его от гибели, пусть едет с нами. Здесь же, на дне ущелья, его или занесет отложениями ручей, или он попадет на строительство зимовки.

Как интересен рисунок джигита! Всадник стоит на спине лошади, в руках у него какой-то загадочный предмет, возможно, особенное, теперь всеми забытое боевое или охотничье оружие. Очень старое и глубоко выбитое изображение всадника на лошади. Приручение ее относят ко второму тысячелетию до нашей эры. Но, кто знает, быть может, человек приобрел себе этого друга значительно раньше? Очень странный

всадник на верблюде: распростер руки подобно крыльям гигантской птицы. Отвратительная сцена убийства: верховой на лошади, вооруженный копьем, поразил своего врага, в руках которого щит. Рисунок очень слабый и не высечен, а скорее всего нацарапан железным предметом, и поэтому его можно отнести к средним векам, времени угасания наскальных писаниц. Человек ведет на поводу верблюда, едет верхом на туре; камень, где должны быть изображены рога, обломился. Больше мне никогда не встречались рисунки верховых на туре. Два человека пляшут, встретившись друг с другом, приветливо машут платками или это сцена примирения между враждующими.

Рисунки, условно названные мною лабиринтами, я встречал и прежде. Они очень загадочны и что-то обозначают. Это не план общинного жилища, слишком запутанны линии. Чудесный козлик смотрит куда-то вдаль. К рисунку лошади какой-то шутник приделал длинные козлиные рога и хвост. Этот рисунок очень стар, выполнен грубой отбивкой камня. Техника такой обработки камня, пожалуй, присуща человеку каменного века. Кто же здесь изображен? Массивное и грузное тело, крупная голова на короткой шее и короткие рога. Неужели вновь короткорогий бизон, давно исчезнувший с лика Земли?

Конечно, животного, изображенного на рисунке слева от бизона, не существовало. Тут у художника

разыгралась фантазия. Разве могут из головы расти прямо кверху сразу восемь рогов. Но потом я узнал, что в Индии обитает четырехрогий олень, у которого известна и восьмироговая вариация.

Изображение оленя я вижу впервые и смотрю на него с интересом. Жил когда-то здесь олень, когда в ущельях росли леса, климат был влажнее. Тут же на камне — тур, короткохвостая собака и традиционный козленок. Олени будто сбежались вместе, у одного ноги в своеобразной иноходи. Скачет собака или волк, стоит какой-то зверь с вычурной фантастической головой.

В мире изобразительного искусства всегда были оригинальности и вычурности. Так и здесь. Каким необычным, пожалуй, даже уродливым выглядит на рисунке козел, нанесенный тонкими линиями! Хочется сказать ставшую тривиальной фразу: «Ничто не ново под луной», абстракционисты уже существовали во времена далекой древности.

Наконец, я вижу рисунок лабиринта, хочу пройти мимо, но неожиданно упавший на него свет сбоку проявил в нем контуры зашифрованных изображений двух животных — козла и верблюда. Вот где вскрывается загадка лабиринтов! Рисунки не всегда просты. С ними связаны суеверия, приметы, заклинания. В какой-то мере они были еще и неприкосновенны. Эти два простеньких изображения кого-то беспокоили, и несколькими хитроумными и ловко проведенными линиями они были зашифрованы, исчезли, перестали

существовать, хотя и не были уничтожены, художник к ним не притронулся рукой. Как жаль, что ранее я не подозревал об этой особенности. Теперь буду смотреть внимательно на рисунки лабиринтов, если только они когда-нибудь мне еще встретятся.

Зеленый мысок. На следующий день мы много и долго разъезжаем по горам. Когда солнце склонилось к горизонту, пришла пора думать о ночлеге. Забрались в пологий распадок. По его дну весело журчал ручеек. Вокруг все зелено. Но в распадке основательно попаслась отара овец, всюду оставив свои следы. В таком месте ночевать неприятно. Искать новое — мало времени. К счастью, здесь оказался совсем нетронутый уголок: небольшой уютный и зеленый мысок, который огибал ручеек. Его пощадили животные, миновали стороной.

Все быстро выскочили из машины, моментально расстелили тент, принялись готовить еду. Но вот у Ольги зачесались ноги, Николай засунул руку за пазуху, разыскивая кого-то, бесцеремонно забравшегося на тело, а на тент сразу появилось несколько десятков неторопливых муравьев-тетрамориумов. Только тогда я догадался посмотреть себе под ноги: земля на мыске слегка влажна, трава отлична. Чем не райское место для этого муравья-малютки! Почва кишела ими и всюду виднелись комочки земли, вынесенные наружу. Здесь испокон веков обитала громадная колония муравьев. Это место — их обитель, не доступная более никому из насекомых, да и, пожалуй, всем другим животным.

Атаки крошечных забияк становились настойчивее. Наверное, всем доставалось, кто пытался вторгнуться в их владения. Овцы не случайно обошли стороной зеленый мысок. Кому хочется связываться с храбрыми крошками, к тому же вооруженными кинжальчиками с ядом?

Пришлось, забросив вещи в машину, ехать в другой распадок.

Негостеприимная долинка. Наспех выбранное место стоянки в горах Анрахая оказалось тоже неудачным. Голые склоны, вытопанные овцами, обглоданные кусты пустынной вишни, колючки, мелкий щебень, острые камни да сухая земля. Тоскливо укладываться спать на таком биваке.

Рано утром я тихо, чтобы не будить никого, быстро

одевшись, спешу на разведку. Через два небольших перевальчика в крохотном, сглаженном годами ущелье открывается буйная и свежая зелень, такая необычная среди красных скал, голой земли и серой полыни. Она расцвечена яркими желтыми, красными, фиолетовыми цветами, и над всей этой чудесной роскошью, как факелы, — стройные, высокие, почти с рост человека ярко-желтые цветы коровяка. Зеленая долинка огорожена густыми кустами шиповника с белыми пятнами цветов. Какая замечательная долинка! И переехать сюда совсем не трудно.

Спешу на бивак и поднимаю всех на ноги. Через час мы в царстве зелени. С наслаждением бросаемся на мягкую траву. Лежа на земле, я слежу глазами за дикими пчелами, вижу ос-аммофил, деловито вышагивающего палочника и в это время чувствую сразу несколько болезненных укулов. Кто здесь оказался таким неприветливым?!

Подо мной опять копошатся все те же муравьи-тетрамориумы. Им здесь неплохо в зеленой ложбинке. Для них она настоящее царство. Они везде: под каждым камешком, цветком, кустиком, в каждой ямке. Весь зеленый распадок безраздельно принадлежит им, они его хозяева и, быть может, много тысяч лет живут здесь, как и дальние их предки, поселившиеся после ледникового периода. Опять я обманулся в выборе места, обрадовавшись роскошной зелени!

Тетрамориумы вытеснили из долинки всех муравьев других видов. Мало здесь и саранчовых, мелких жуков; почему-то совсем нет тлей и их поедателей божьих коровок. Брожу по зеленой долинке и присматриваюсь к жизни многомиллионного народа. Влажная почва и тепло способствовали процветанию этого вида. Но как относительно это процветание! Всюду видны зловещие темные кучки мертвых муравьев. Это их кладбища. Колонию постигла заразная болезнь. Она губит маленьких жителей зеленой долинки, оставшиеся в живых без устали сносят мертвецов в кучки. На поверхности земли в сухом климате пустыни, под лучами знойного солнца мертвые не опасны — зловредный грибок в них умирает.

Местами кладбища достигают больших размеров. Вот среди пахучей полыни скопище диаметром почти в полметра и не менее пяти сантиметров толщиной. Я собираю мертвых муравьев и заполняю ими до

отказа две литровые банки, подсчитываю, сколько мертвецов в десяти кубических сантиметрах, делаю расчет. Только в одном этом кладбище находится около миллиона мертвых муравьев. Влажная, теплая зеленая ложбинка — рай тетрамориумов, место их процветания — оказалась такой коварной. Вспоив своих обитателей, она стала местом их страшной гибели. На сухих же склонах, где жизнь проходит в постоянной и жестокой схватке с голодом и недостатком влаги, нет никакого мора. Где же лучше жить муравьям? Разве можно сказать, когда в жизни все так сложно и так относительно!

Крошечные хозяева зеленой долинки невзлюбили нас. Они добираются до кожи, деловито вкалывают в нее свое острое жало. Вскоре на месте укула появляется припухлое пятнышко. Оно болит и чешется. Зеленая травушка! Не потому ли издревле в русском языке она называется муравушкой?

После жаркого дня плохо спится. В сумерках загудели хрущи. Их много, от них шевелится трава. Вскоре хрущи смолкают, и в воздухе начинают мелькать белые бабочки. Вместе с ними трепещут таинственные аскалафы. Потом запевают сверчки, и горы звучат их песнями.

Душно. Сквозь сон я чувствую, как по телу ползают наши маленькие мучители и деловито втыкают в кожу свои жала, слышу, как ворочаются в пологах мои товарищи. Какой длинной кажется нам ночь!

Рано утром мы быстро и молча упаковываем вещи и с облегчением покидаем негостеприимную зеленую долинку.

Опасная остановка. Утром небо ясное, чистое. Солнце, едва показавшись над горизонтом, стало пригревать землю.

— Будет сегодня жарко! — решил я. — Достанется!

Но вскоре из-за далекого хребта Заилийского Алатау показались длинные перистые облака, за ними поползли серые тучи. Потом они закрыли солнце, и стало прохладно.

Путь сегодня наш недолог. Между голых холмов, недалеко от дороги, выбрав уютную ложбинку между скал, я завожу в нее машину. Останавливаемся готовить обед.

Облака все гуще и гуще, загредел далекий гром. Кое-где протянулись к земле космы дождя. Большая

черная туча медленно плывет мимо нас: чуть-чуть накрапывает дождик. Обед готов, но есть придется в машине, в тесноте. Под мерные звуки редких, но крупных капель дождя, падающих на тент нашего газика, приступаем к еде.

Мои спутники заняты оживленным разговором. Я слушаю их рассеянно. Вдруг до моего сознания доходит странный, незнакомый и непонятный шум. Гляжу в окно и вижу необычное: по нашей ложбинке к нам несется вал черной грязной воды.

— Смотрите, селы! — говорю я не своим голосом.

— Какой сель? — в недоумении спрашивает Ольга.

— Селы! — кричу я. — Скорее хватайте вещи в машину, скорее!

— Да какой тут может быть сель! — собираясь, как всегда, порассуждать, удивляется Николай. Если даже и есть сель, он не прочь поспорить о нем, прежде чем приняться за дела.

Тогда я ору громким голосом и выскакиваю из машины. Мои помощники наконец поняли, в чем дело, дошло до их сознания, тоже выскочили из машины. Ольга хватает вещи, бросает в машину. Николай, вот настоящий рыцарь, растерялся, смотрит на приближающийся грозный вал грязи.

Как назло, машина завелась и заглохла. Снова завелась и опять заглохла. Сель уже мчится мимо нас. С каждой секундой все выше и выше буруны волн, посредине вздыбились бугром. Вот поток раздвоился и помчался ручьем позади нас. Теперь мы на крошечном острове. К счастью, поток, отрезавший нам путь, еще неглубок. Мы благополучно въезжаем в него, но остывший мотор не тянет на бугор. С большим трудом вывожу машину из предательской ложбинки. В это время новый вал грязного и бурного потока закрывает то место, где мы останавливались. Еще несколько мгновений — и мимо нас мчится большая густо-коричневого цвета река, и не верится, что тут был всего лишь небольшой лог среди голых холмов. Она бурлит, кипит, пенится, беснуется, ударяясь о камни, поднимается валом, рассыпая в стороны каскады брызг.

Пораженный, я смотрю на это буйство стихии, столь неожиданно свалившееся на нас среди тихого покоя замершей пустыни. Больше не доверяя воде, я вывожу машину еще выше и подальше от разбушевавшегося потока.

Мои спутники напуганы неожиданно разыгравшейся стихией. Ну кто бы мог подумать, что среди безводной пустыни нам мог угрожать водный поток. Неожиданно вспоминаю Саади:

Беги, пока вода
Дошла тебе до ног,
Что сделаешь, когда
Зальет тебя поток?

— А здорово! Прямо будто про нас сказано! — говорит Николай.

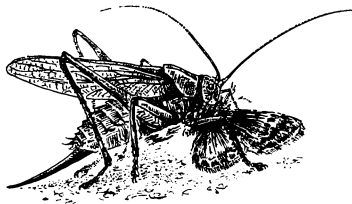
Наши потери невелики. В суматохе пролит суп, рассыпан сахар, разбросаны куски хлеба. Но что бы произошло, если бы на этом месте мы устроили бивак и залегли на отдых! Кто бы мог подумать, что эта небольшая ложбинка представляет собой продолжение длинного лога с большим бассейном! Сели по ней, наверное, спускались очень редко, разве только раз в сто лет или даже еще реже.

Целый час мимо нас мчался грязный поток. Потом взошло из-за туч солнце, его лучи засверкали в бурных волнах. Чуть-чуть стала спокойнее вода, ровнее ее поверхность. Мы покинули коварное место, где так удачно избежали катастрофы, вскоре свернули на проселочную дорогу и поехали по сухим и бесконечным холмам.

На память об этом происшествии у меня осталась фотография. На ней хорошо виден грязный желто-бурый поток и две скалы, мимо которых он мчался. Об эти скалы наша машина неминуемо разбилась бы вдребезги, да и от нас ничего бы не осталось.

Мне, уроженцу Амуро-Уссурийского края, с детства приходилось немало бродить в дремучих лесах. Среди густой растительности зрение мало помогало, зато всегда тренировался слух. С тех пор, бывая на природе, я всегда все слышу. Сейчас это пригодилось.

Кузнечик-хищник. Пустыня покрыта зеленой травкой. По ней скачут кобылки-тметисы, богомолы. Их появление меня удивляет. Я хорошо знаю это место у подножия гор Анрахай. Здесь три года подряд царила страшная засуха, и все живое замерло, сгнуло, исчезло. Откуда же взялись весной взрослые богомолы и кобылки-тметисы? Неужели проспали все время засухи, переждали где-нибудь в укромных щелках и норках, а сейчас почуяли пробуждение пустыни, ожили? Насколько хорошо приспособлены к суровым условиям жизни обитатели пустыни!

Пока я об этом раздумываю, из-под ног с легким шумом вылетает кто-то большой, сверкает темными крыльями, так заметными на светлом фоне пустыни, залитой солнцем, и садится у кустика терескена. Без труда я ловлю незнакомца. С удивлением узнаю в нем белолобого кузнечика — обитателя полупустыни, кустарниковых зарослей. Его появление здесь необычно. Это самка с длинным яйцекладом, упитанная, с крупным и полным брюшком. Она недовольна пленением. Широко раздвинув в стороны мощные челюсти, отрывает изо рта большую зеленую каплю желудочного сока, а потом ловко и больно хватая меня за палец.

Вынимаю из сачка только что пойманную большую ночную бабочку — темную совку. Кузнечик тотчас же захватывает мой подарок цепкими ногами, запускает в него челюсти и принимается жадно перемалывать несчастную добычу. Кузнечика несколько не смущает то, что он в плену, что его довольно бесцеремонно держат за крылья. У него отличнейший аппетит, который подавляет все остальные чувства. Вскоре от бабочки ничего не осталось, темные крылья ее падают на землю, а он с не меньшим аппетитом начинает уплетать вторую бабочку, быстро разделяется с нею и, закончив трапезу, принимается тщательно облизывать лапки.

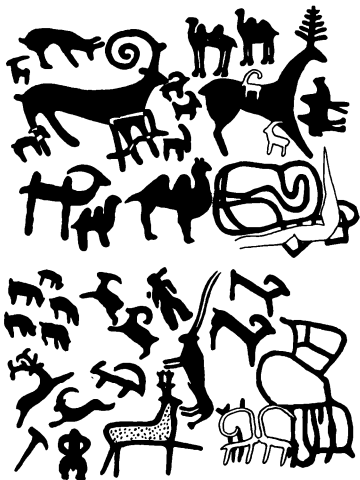
Картинная галерея. Давно бы пора свернуть с гор Абрахай в пустыню Жусандала по направлению к Балхашу, но я не в силах вырваться из ущелий со скалами, покрытыми черным загаром.

Наскальные рисунки всегда вызывают особенное ощущение древнего бытия человеческого. И тот, кто

впервые их встретил, обязательно на них засмотрится. Мои помощники тоже заразились охотой за рисунками, и с их помощью мои находки обогатились, быстрее обследуется ущелье. Поиски их не надоедают — наоборот, чем больше ими занимаешься, тем больше хочется искать.

На большом гладком камне — изумительное по красоте, очень большое изображение козла и маленьких лучников. Такой рисунок неплохо поместить в одном из музеев изобразительного искусства или в музее археологии. Когда-нибудь так и будет сделано, если только время не испортит и не уничтожит следы труда художника. А два «больших» козла нарисованы разными лицами и различной техникой: левый — сплошной отбивкой, правый — нанесением только контурных линий, второй рисунок более изящный. Под крупным рисунком оленя два человечка пляшут, взявшись за руки. Интересны рога оленя. Они неправдоподобны, изображены елочкой. Такова, видимо, была традиция, мода, часто встречаемая на нескольких рисунках. Красив козел, остановившийся на полном скаку. На рисунке очень загадочная фигура, будто кентавр. Возле изображения оленя — следы глубоких ударов, наверное, от стрел. Ранее мне встречались такие рисунки-мишени, и, хотя при стрельбе по ним портились наконечники стрел, возможно, подобное действие выражало какой-то ритуал. Быть может, перед тем, как отправиться на охоту, лучник стрелял в изображение зверя. Не слу-

чайно сохранилась старинная пословица, отражающая этот обычай: «По камням стрелять, только стрелы терять!»

Случайно перевертываю камень, лежащий у основания большой скалы,— и вздрагиваю от неожиданности и восторга. На нем изумительной красоты изображение козла с козленочком. Необычайно стройное тело, грациозная поза, сила и мощь животного чувствуются в контурах тела! Я очень рад находке «мадонны» и тому, что смогу ее спасти от уничтожения временем: камень, на котором она изображена, отвалился от ска-

лы и сам раскалывается на несколько частей. У полутораметрового изображения горного барана, судя по лихо закрученным рогам, ноги опутаны какими-то линиями. Не означают ли они особое ловчее приспособление?

Удивительно много в этом ущелье больших, прямо-таки монументальных, изображений козлов. Изображение животного, будто смотрящего со скалы вниз, длинноухого, короткохвостого, меня поразило: точно такое же я встречал в другом месте — в отрогах Джунгарского Алатау. Неужели оно относится к виду, исчезнувшему с лика Земли и еще не известному ни зоологам, ни палеонтологам?

Опять кто-то подшутил и приделал верблюду рога, хотя, быть может, художник сразу выбил этот комический сюжет. Зато до чего строен, величав и поразительно реалистичен следующий рисунок верблюда! За ним шествует маленький верблюжонок. Опять монументальная камнепись — рисунок оленя. К нему позже подрисовали обычные фигурки традиционных козлов. Рога оленя тоже стилизованы, в виде елочки. Два козлика несколько необычны, один ложится на колени, другой — с гордой осанкой — стоит. Хотя, впрочем, некоторые археологи полагают, что так изображалось галопирующее животное. Загадочен лабиринт. Стадо пасущихся кабанов вижу впервые. И вновь перед глазами проходят вереницы верблюдов с путами на ногах,

бегущие козлы, олени. Интересны изображения чека-на — боевого оружия скифов, фигурка человека в ритуальной позе. Внизу, на плоском камне у самой ложбины, вижу изумительное, хотя и несколько утрированное, изображение тура. Когда я специально поехал в горы Анрахай, намереваясь увезти это изображение, находившееся на отдельном камне, и отдать в один из музеев, то застал его уже искалеченным: какой-то невежда при помощи зубила и молотка выбил на нем свой автограф.

С вершины горы открывается далекая пустыня Жусандала — «полынная пустыня». Завтра мы прощаемся с горами Анрахай и едем в низину. Сейчас же, пока мои помощники ставят палатки и принимаются готовить ужин, я переваливаю через небольшой хребтик и снова попадаю в царство рисунков. Здесь мне хватит работы, и я тороплюсь.

Солнце село за холмы, на землю спустились сумерки, и рисунки разглядывать стало нелегко. Давно пора кончать поиски, к тому же на биваке меня, наверное, заждались. Я нарушил твердые экспедиционные правила: одному далеко не полагается уходить с бивака, не указав направления и продолжительности отлучки.

После ужина при свете лампочки мы рассматриваем мой очередной и, увы, последний «улов». Он очень интересен. Во-первых, я встретил большой камень с

множеством рисунков, целую каменную галерею, большая часть которой тщательно забита. Но сохранились изображения козлов, фигуры человека в ритуальной позе.

Не мог я пройти мимо некоторых рисунков козликов, как показалось, наиболее интересных среди их величайшего множества. Один из них, большой по сравнению со знаками и обычными козликами, был особенно изящен, хотя слегка обезображен каким-то шутником, попытавшимся подрисовать к нему лошадиный хвост. Всегда в мире были рядом с художниками варвары, с творцами — разрушители. Другие козлики привлекают своим необычным обликом, манерой изображения. Верблюды большей частью нарисованы грубо. На серии рисунков представлены разнопородные собаки и волки. Многие из них преследуют козлов.

Более всего поразили очень старые и глубоко выбитые рисунки тигров. На них подчеркнуто главное, характерное — мощное длинное тело, слегка прогибающаяся посередине спина, длинный хвост. Один рисунок тоже похож на старое изображение тигра, найденное мною в самом начале гор Аирахай. Кошачья круглая морда, длинные высокие ноги и длинный хвост — кто бы мог быть таким, кроме гепарда! На другом рисунке гепард несколько утрирован. Это еще недавно обитавшее в Казахстане животное ныне совершенно исчезло. Завершают находки рисунки человечков. На последнем из них, возможно, хоровод.

Рисунки на камнях пережили многие предметы искусства древних народов. Снято около полутора ста копий рисунков из величайшего множества встреченных. Итог неплохой, и я думаю о том, что завтра мы прощаемся с горами Аирахай, оказавшимися такими интересными.

Пустыня в цветах. Едем по кромке большой пустыни Жусандала и отдаляемся от гор Аирахай. По обеим сторонам нетронутой дороги сверкают желтые лютики. Давно не видал я это растение. Внутри цветок блестящий, будто покрыт лаком, и каждый лепесток похож на параболическое зеркало, отражает солнечные лучи и фокусирует их на пестике и тычинках. От этого двойная выгода: в тепле энергичнее работают насекомые-опылители и скорее созревают семена. Сейчас же, весной, когда так коварна погода и так часты возвраты холода, маленькие солнечные батареи тепла — замеча-

тельное приспособление. Летом они ни к чему, да и нет таких цветов.

Появился цветущий ревень Максимовича с большими, размером со шляпу сомбреро, листьями. Встретилась одинокая чудесная ферула илийская. На ее толстом стебле — могучая шапка цветов.

На них копошатся серенькие мушки, черные муравьи-проформики — любители нектара, важно восседают зеленые клопы.

Я рад феруле, давно ее не видел, нашу встречу пытаюсь запечатлеть на фотографии. Потом случайно бросаю взгляд в сторону и вижу вдаль целое поле ферул, они заняли склон большого холма, оно протянулось светло-зелеными зарослями до самого горизонта.

Наша машина мчится от гор в низину и вдруг врывается в красное поле чудеснейших ярких тюльпанов. Как миновать такое раздолье! И я, остановив машину, брожу со своими спутниками по красному полю. Никогда не видал такого изобилия тюльпанов, хотя путешествую по пустыне четвертое десятилетие.

Приглядываюсь к цветам. Они разные. Одни большие, другие маленькие. У некоторых красный цвет лепестков необыкновенно ярок, будто полыхает огнем. Встречаются красные тюльпаны с желтыми полосками, а кое-где виднеются и чисто желтые. Ольга утверждает,

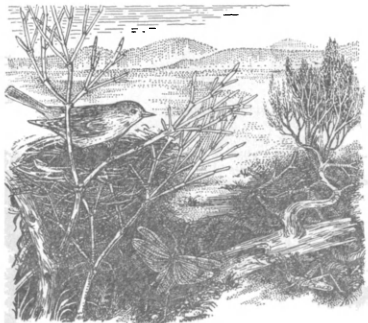
что и запах у цветов разный. У одних — сладковатый, у других — кислый, а есть и такие, от которых шоколадом пахнет...

Здесь, в этих зарослях, все тюльпаны принадлежат одному виду — тюльпану Грейга. Но почему у них так изменчив цвет и запах? Объяснение найти нетрудно. У очень многих растений цветы неодинаковы. Благодаря этому садоводы легко выводят различные сорта одного и того же вида. Видимо, изменчивость цвета и запаха не случайна. Вкусы и потребности насекомых-опылителей нельзя удовлетворить однообразием приманки. Одна и та же пища легко приедается.

Но насекомых совсем не стало после долгих лет засухи. Кто же опыляет такое величайшее множество цветов, для кого они предназначены? Вот где, кстати, разнообразие. Цветок, обладающий чем-либо особенным, выделяющийся в какой-либо мере среди обычных окраской и запахом, привлекает к себе больше опылителей.

Растения легче насекомых переносят невзгоды климата. Пусть будет несколько лет засухи, перевыпаса и голой безжизненной пустыни. В пыльной и сухой земле, дожидаясь хороших времен, пролежат семена зернами, луковичками, корнями и оживут. Не то что насекомые! А когда их мало — тоже не беда. Очень многие цветковые растения при недостатке насекомых способны к самоопылению, а некоторые и вовсе отвыкли от их услуг.

ПУСТЫНЯ ЖУСАНДАЛА

Орел, ежи и кобылки. Жусандала — ровная пустыня, поросшая полынью. С юга на ее горизонте виднеется синяя полоска теперь хорошо знакомых гор Анрахай, справа — желтые массивы песков Таукумы. Мы едем по шоссе, поглядывая на однообразный ландшафт. Пора бы становиться на ночлег, но вокруг все та же голая равнина. И вдруг показалась темно-зеленая полоска растений. Свернули, поехали к ней. И вот перед нами чудесный саксауловый лес, если только можно назвать лесом полудеревья-полукустарники, растущие друг от друга на почтительном расстоянии.

На одном дереве виднеется что-то темное и большое с ярко-белыми пятнами и черным предметом неясной формы на вершине. Я направляю туда машину. Темное и большое оказывается больших размеров гнездом, сложенным из сучьев, черный предмет — орлом-могильником, который поспешно взмывает в воздух, а ярко-белые пятна — его птенцы-пуховички. Их трое. Они лежат, распластавшись на плоской поверхности гнезда.

Среди них два расклеванных ежа. Немало шкурок ежей валяется и вокруг на земле.

Из нижней части гнезда вылетает шумная стайка воробьев, с запозданием выпархивают отдельные парочки. Никогда не видел в одном гнезде орлов такой большой компании пернатых квартирантов, пользующихся защитой своего покровителя. Тут их не меньше полусотни, жилище орла со всех сторон напичкано гнездами.

Захотелось сфотографировать орлят, и как можно скорее, не беспокоя родителей. Орлы, их уже оказалось двое, кружили высоко в небе. Пришлось подогнать машину почти вплотную к дереву. Но птенцы не желали позировать, лежали пластом, будто мертвые. В таком виде снимок получится невыразительным. Вдруг один птенец поднялся, раскрыл клюв, зашипел. Потом растопырил голые, без перьев, крылья и замахал ими. Глаза его засверкали и глядели сурово из-под насупленных пушинок. Вид у него получился очень грозный и воинственный; он явно решил защищаться от нарушителей покоя.

Я до того увлекся фотосъемкой, что не заметил: земля кишит множеством кобылок. Вначале я подумал, что случайно набрел на их скопление. Но весь саксаульник изобиловал ими. Это была известнейшая своими периодическими массовыми размножениями кобылка-атбасарка. Кое-где из-под ног взлетали, сверкая изящными красными и черными крыльями, кобылки-пустынницы, но их было мало.

Шустрые самцы кобылок, выскакивая из-под ног, совершали в воздухе сложный поворот назад, стараясь приземлиться в стороне и чуть сзади. Некоторые на скаку перевертывались кверху белым брюшком и, свернув им, как бы терялись из глаз, принимая на земле обычное положение в своем сереньком одеянии. Самочки менее шустры, больше размерами. Несмотря на кажущуюся неразбериху среди этого скопления мечущихся насекомых, каждая кобылочка в общем держалась своей определенной территории, в чем было нетрудно убедиться, если ходить за одной и той же кобылочкой, заставляя ее спасаться. Через пять — десять прыжков-взлетов она явно уставала и легко давалась в руки. Скачок, оказывается, предпринимался только как способ защиты от опасности, он требовал большой энергии.

Отчего здесь в таком количестве размножилась кобылка? Предшествующие годы были засушливыми. Неужели потому, что не стало врагов кобылок — ос-парализаторов? Обездвиженную ударом жала добычу они, отложив на нее яичко, закапывают в землю. Сами охотницы подкрепляют свои силы нектаром цветов. В засушливые годы пустыня не цветет. Та же участь, возможно, постигла других врагов — мух-тахии, откладывающих яички на взлетающих кобылок под крылья. Могли быть и другие причины, способствующие благоденствию кобылок.

Интересно бы понаблюдать за кобылкой-атбасаркой. Но мой пес, ярый охотник, вскоре находит ежа и устраивает над ним истерику. Собака обезумела от ярости, исцарапала пасть об иголки. Ежик спасен, помещен в машину, вскоре развернулся, показал свою остроносую мордочку, увенчанную большими ушами. Пока я рассматриваю нашего пленника, снова раздается злобный лай собаки: нашелся другой ежик, потом третий. Собаку приходится сажать на поводок. Здесь, оказывается, немало ежей, и собрались они отовсюду в эту местность не напрасно, а ради легкой добычи. Не зря возле гнезда орла валяются шкурки этого истребителя саранчи. Выходит, что громадная рать кобылок выручает орлиное семейство.

Краснохвостая песчанка. Рядом с нашим биваком под кустом саксаула бегает крошечная и очень миловидная краснохвостая песчанка. У нее типичная, так называемая пустынная окраска — светло-серо-желтая, но белый кончик морды и ярко-рыжий хвост с кисточкой черных волос на конце. Песчаночка очень быстро свыклась с нами, перестала пугаться и вскоре начала забегать в нашу палатку.

Она очень энергична, очень занята, все время что-то разыскивает на земле, набивает защечные мешки. Забралась на саксаул и стала собирать семена. Бегала она по дереву ловко, почти как белка. Потом забежала на колонию большой песчанки. Внезапно из норы выскочила жительница колонии и стала гоняться за своей крошечной нарушительницей. Но та, шустрая, так быстра, что догнать ее не удавалось. Казалось, будто она даже играючи мечется по территории колонии хозяйки. Погоня продолжалась около минуты. Вдоволь покрутившись по чужим владениям, краснохвостая песчаночка убежала.

Около колонии большой песчанки на одном дереве, ветви которого основательно подрезаны грызунами, увидел крохотное, давно опустевшее гнездышко. Оно могло принадлежать разве что пустынной славке. Потом нашел такое же гнездышко, тоже старое, на саксауле, на краю другой колонии этого же грызуна.

Неужели между крохотной птичкой и большой песчанкой существует какое-то содружество? Славка может тревожными криками извещать своих соседей о приближении врагов: лисицы, корсака, хорька или даже волка. А песчанки, чем они могли быть полезными пичужке?

Неожиданная находка. Бреду по саксаульнику, присматриваюсь. Недалеко от бивака на чистом, свободном от зарослей пространстве идеально правильной формы белый круг, диаметром около пятнадцати метров. Когда-то этот круг был построен из невысокого вала, сейчас же от него осталось едва заметное глазу возвышение: время почти сровняло его с поверхностью земли. На восточной стороне круг прерван небольшими воротами. Они слишком широки, чтобы служить для загона овец. Да и круг, зачем такой правильной формы? В том, что это ритуальная площадка, сомневаться не приходится. Нахожу остаток чугунного кувшинчика. По форме он очень напоминает кувшинчики из обожженной глины ручной лепки, которые археологи находят у изголовья погребенных саков и усуней, народов, обитавших на территории современного Семиречья в первом тысячелетии до нашей эры и начале первого тысячелетия нашей эры. Казахский ученый Ч. Валиханов, изучавший древнюю историю азиатских племен, сообщал, что еще в начале XIX века в низовьях реки Или и частично в Джунгарии обитало племя, которое называлось «рыжие усунь». Это племя считало себя остатком большого народа.

Иду дальше и вскоре замечаю на земле светлое кольцо около четырех-пяти метров в диаметре. Внутри него к северной стороне прилегает продольный холмик. Он ориентирован по оси юг — север и очень похож на могильный. Холмик и кольцо снаружи обведены вторым кольцом из земли. Кольца овальные, слегка примыкают друг к другу в одном месте. Все это очень похоже на захоронение с оригинальной орнаментировкой. Круг земли вместо камней! Где здесь, в пустыне Жусандала, взять камни? Может быть, все это случайно?

Продолжаю путь дальше и вновь натыкаюсь на точно такую же фигуру. У нее холмик слегка сдвинут с оси юг — север. Две одинаковые фигуры уже не случайность. Осматриваюсь вокруг: вот и третье захоронение. На нем холмик прилегает с противоположной южной стороны внутреннего кольца. С северо-востока расположена колония большой песчанки. Зверьки полностью оголили землю. Здесь, если что и было, все закрыто высокими бутанчиками возле отверстий многочисленных нор. С юго-запада расположены густые заросли саксаула. Под одним из деревьев хорошо проглядывает холмик могилы и часть двух колец. Под другим деревом — земля в пологих бугорках, разобраться в них невозможно.

Итак, здесь явный могильник с оригинальным типом захоронения, не известным археологам. Он принадлежал какому-то роду, племени, издавна обитавшему в этой равнинной глинистой пустыне. Не этому ли народу принадлежит и только что найденная мною ритуальная площадка? Быть может, это тот же народ, обитавший в низовьях реки Или в пустыне Сары-Есик-Отырау.

Как стар могильник? Ответить на этот вопрос могут только тщательные раскопки захоронений. На валу одной из могил выглядывает старый-старый пенёк саксаула. Он почти сгнил, трухляв, а ведь отмерший саксаул многими столетиями сохраняет свою прочность. Кому принадлежат захоронения? Слово за археологами.

Мох в саксаульнике. Земля в саксаульнике почти сухая и голая. Лишь кое-где под кустами с восточной стороны алеют маки — там, где зимою были надутые ветрами сугробы снега. Серая земля, серый саксаульный лес, серые дали. И только голубое небо скрашивает унылый пейзаж весенней пустыни.

Но кое-где в понижениях среди кустов саксаула на светлой земле видны большие, почти черные пятна, разукрашенные зелеными и желтыми крапинками. Они невольно привлекают внимание. Мох и лишайники, низшие растения, которые мы привыкли видеть в местах влажных, в умеренном климате, в лесу. Этот же мох приспособился к пустыне, сухой и жаркой, а сейчас, ранней весной, пока почва влажна и ее днем обогревает солнце, торопится жить. Когда наступят лето и жара, он замрет надолго в ожидании весны и влаги. Очень раним и нежен этот мох. Там, где ходят овцы, разрушенный копытами, он надолго исчезает.

Под лупой передо мною открываются чудесные заросли из остреных зеленых росточков. Настоящий дремучий лес, кое-где украшенный янтарно-желтыми прозрачными шишечками со спорангиями, похожими на миниатюрные модели церковных куполов. Еще я вижу мох другой, почти черный, собранный в круглые и слегка выпуклые лепешки. Его заросли располагаются аккуратными рядками, будто лесополосы. Над каждым росточком развеваются, слегка покачиваясь от движения воздуха, тоненькие светлые ворсинки. Среди зарослей мха всюду отвоевали себе участки крохотные лишайники в плоских ажурных лопастинках, то ярко-желтые, как добротная киноварь, то черные, как смоль, то сизовато-голубые или нежно-кирпично-красные. По этому необычному и таинственному лесу разбросаны круглые камешки-песчинки: ярко-красные, желтые, прозрачно-белые или похожие на золотые блески.

Я забываю о серой пустыне. Будто необычный и ранее невиданный мир неожиданно открылся передо мною, и я, как лилипутик, отправляюсь по нему в далекое путешествие, желая узнать, кто живет и скрывается в густых переплетениях зеленых, черных росточков мха и цветастых лопастиночках лишайников.

Ждать приходится недолго. Ловко лавируя между росточками, мчится крохотное существо гораздо меньше булавочной головки. Его темно-серое, с синеватым отблеском неба тельце снабжено белыми, чуть прозрачными ножками. Передняя пара ног длинная и подвижная. Чудесный незнакомец размахивает ими с величайшей быстротой, ощупывая и обнюхивая ими вокруг все встреченное. Это клещик, но какой и как называется, вряд ли скажет даже специалист: так велик и многообразен мир клещей.

Затем пробегает небольшой паучок. Он тянет за собой тоненькую, заметную только по отблеску солнечного света паутинную ниточку. Паучок тоже куда-то спешит.

Наступает долгая пауза. Никого нет, и мне приходится немало попутешествовать, ползая на животе с лупой в руках. Вот как будто посчастливилось! Быстро несется по мху ярко-желтое создание, еще более крошечное и едва различимое в лупу. Под лучами солнца оно сверкает как драгоценный камешек, то скроется в зарослях, то, вспыхнув огоньком, снова появится. Это тоже клещик, но с вычурным вздутым кончиком

тельца и очень мохнатыми ножками. Он забегает на желтый лишайник и здесь в своей защитной одежде моментально исчезает.

Потом вижу маленького черного, блестящего, с красными точками жучка. Пробегает другой такой же, только с солидным и полненьким брюшком, видимо самочка. Оба они случайные посетители моховых зарослей.

Снова никто не показывается под моей лупой, и я возвращаюсь к действительности: начинаю чувствовать стынущие от холодной земли грудь, колени и локти. Но вдруг шевельнулась одна желтая колоколенка мха, из-за нее выглянула черная головка, а за нею показалось красноватое туловище маленькой гусеницы. Она медленно шествует, не торопится. Кто она такая, какая у нее жизнь? В пустыне так много неизвестных науке крошечных обитателей.

Долго я разглядываю мох. Готов пролежать на земле еще несколько часов, но солнце клонится к горизонту, от саксаула по светлой земле протягивается ажурная синяя сетка тени, и становится еще прохладнее.

Пора возвращаться на бивак, но в стороне от дороги белеет череп верблюда. Среди однообразия пустыни и он привлекает внимание. Перевернул его и увидел прошлогоднее гнездо ядовитого паука каракурта с коконами. Удивительное совпадение! Много лет назад на берегу Балхаша тоже нашел гнездо каракурта под черепом лошади. Впрочем, чему удивляться! Под черепом отличное укрытие для паука.

Сейчас коконы пусты, маленькие паучки проделали в нем дырочки и покинули свое зимнее убежище: разлетелись на паутинных нитях. Лишь некоторые из них осели поблизости, построив изящные логовища, висящие на паутине. Придет время, паучки подрастут, и один из них, став взрослым, вновь займет место под черепом.

Черепahi защищаются. Едем дальше. Среди зеленых холмов — остановка. Как всегда, едва только открылась дверь машины, из нее прежде всех выскакивает наш пес. Вскоре он прыгал возле ошетинившегося ежа. Потом нашел гадюку и (вот какой умница!), завывая, стал бегать вокруг нее на почтительном расстоянии. Гадюка оказалась с норовом. Высоко, столбиком, подняла переднюю часть туловища, раскачивая ею, стала угрожать, прямо как настоящая кобра. Чтобы гадюка так

вела себя, я увидел впервые, хотя встречал эту змею великое множество раз...

Как будто здесь нет черепах, и наш неумный фокстерьер будет меньше скандалить. Но возле бивака неожиданно появились их неуклюжие фигуры. Кирюшка обрадовался, и не прошло и получаса, как он притащил их целый десяток, уложил кверху ногами под машиной и, досадуя на немошь своих челюстей против крепкой брони добычи, стал завывать и лихо прыгать.

Черепahi, все, как на подбор, небольшие, примерно пятилетнего возраста. В этой местности работники зооцентра проводили несколько лет подряд массовую заготовку их. Бедных животных отправили во все города страны, в зоомагазины, продавали их в качестве живых и непритязательных игрушек для детей. Но почему мы не увидели черепах сразу? Неужели, заметив машину, остановившуюся среди холмов цветущей пустыни, черепахи, почуяв своего врага, затаились? Неужели это существо, вроде бы глупое и неповоротливое, так быстро выработало реакцию защиты?

Черепahi, взятые в плен собакой, лежали, не подавая признаков жизни: видимо, понимали — рядом недруги. В таком положении они пробыли всю ночь. На рассвете Кирюшка заскулил в палатке, разбудил всех, окрики на него не подействовали. Оказалось: через сетчатый полог палатки он увидел, как его пленники, исконные дневные животные, перевернувшись, стали поспешно расползаться в разные стороны.

Таукумы — Песчаные горы. Весь день мы разгуливаем по барханам, находим глубокие воронки выдувов, и на местах передвижки песков, да и просто на склонах барханов у нас для начала собран неплохой улов. Вот отщепы — так называют отбиваемые от камня большого «нуклеуса» мелкие пластины. Они тоже неплохое орудие труда: края их остры и даже сейчас годятся для разделки туши. В том месте, куда был направлен удар, на внутренней поверхности скола отщепы виден характерный пологий бугорок. А вот и отщеп, слегка обработанный и похожий на миниатюрный ножичек. Какой замечательной находкой мне кажется большой белый камень! Это рубило. Над ним основательно поработал человек, сделав острые и зубчатые края. Как жаль, что от него не сохранилась рукоять, откололась. Все каменные орудия относятся

к позднему или даже к среднему палеолиту и создавались десятки тысяч лет назад.

А вот и довольно частый предмет находок археологов — маленький круглый камешек с отверстием посередине. Это пряслице. Им пользовались и до недавнего времени, когда пряли шерстяную нитку.

И наконец, кажущееся главным! Я вижу кусок металла с почерневшей поверхностью, он весь в бугорках. Стрелка компаса, приложенного к нему, крутится, реагирует на железо. Неужели удача, неужели метеорит? Молотком я легко отбиваю его краешек. Обнажается край из мелких белых или чуть сероватых кристалликов. Скорее всего, это продукт переплавки железной руды, так как метеоритное железо вязкое, его легче отпилить, нежели отломить. В городе этот кусок отдам на экспертизу. Хотя зачем в городе — пошлю в метеоритную комиссию.

В песках так быстро и незаметно прошел день. Эх! Как было бы хорошо походить по пескам недели две в поисках неразведенного!

Показались слева блестящие пятна такыров. На такырах, возле которых мы остановились, еще сверкает вода, ветер рябит ее, совсем как на озере. Вдали видны несколько уток и пара гусей. Вода манит к себе, хотя к ней и не подступиться по топкому берегу. Солнце сушит такыры, и на них кое-где начинают появляться трещины, образующие многогранники.

По самому краю такыра, где он стал слегка подсыхать, уже поселились многочисленные землерои, закопались во влажную почву, выбросили наружу свежие и маленькие кучки земли. Кто они?

Невдалеке довольно быстро передвигается черная точка. Это чернотелка, небольшая, на очень длинных ходульных ногах — настоящая пустынноца. Такую длинноногую встречаю впервые. Как она, бедняжка, уцелела, как пережила годы засухи? Быть может, ей помогли длинные ноги и умение быстро бегать. Видимо, чернотелка вознамерилась пересечь такыр, да наткнулась на грязь и, испачкавшись в ней, повернула обратно.

Осторожно ступая по вязкому такыру, подбираюсь к жуку, чтобы лучше его разглядеть. А он, заметив опасность, приходит в неожиданное замешательство: подскакивает на длинных ногах, падает на бок, кривляется, бьется будто в судорогах. Среди величайшего

множества разнообразных уловок, при помощи которых насекомые спасаются от своих врагов, эта чернотелка избрала очень своеобразный способ ошеломить своих преследователей.

Смотрю на забавное представление, ожидаю, когда оно закончится, и сожалею, что нет со мною киноаппарата, чтобы снять все увиденное. А жук, будто очнувшись, вдруг начинает удирать со всех ног, очевидно решив, что озадачил или напугал меня в достаточной степени.

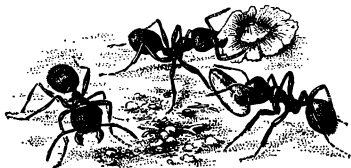
Жаль маленького артиста, суматошного кривляку. Я готов сохранить ему жизнь, но он мне совершенно незнаком: быть может, новый для науки вид окажется интересным для специалистов по жукам. Догоняю беглеца, еще раз смотрю на искусно разыгранное представление и сажаю в коробочку из-под спичек. Пусть едет с нами!

Обманщица. Бегунки уже покинули старые гнезда, строят на такыре свои излюбленные летние дачи. Скоро эти неутомимые жители пустыни будут носиться на своих быстрых ногах по голой земле, разыскивая добычу. Бегунки обосновались под кустиком солянки, на бугорке из наметенной ветрами почвы. Кроме того, они сами выбросили землю, подобно террикону возле угольных копей. Выброс земли направлен в сторону уклона. Так лучше, надежнее.

Жаль тревожить покой «дачников», но надо выяснить их дела... Группа «дачников» небольшая — около сотни рабочих вместе с десятком крупных куколок — крылатых сестер и братьев. Самки-родительницы здесь нет. Она, наверное, осталась в главном муравейнике на бутре.

Муравейник осмотрен. Пора сгрести обратно землю в ямку. Но в одном месте группа рабочих в страшной спешке оттаскивает челюстями в сторону комочки почвы покрупнее, ногами отбрасывает что помельче, наверное, спасают заваленного землей и подавшего сигнал бедствия товарища. Картина мне знакомая, но неплохо бы посмотреть, что получится на этот раз. Устраиваюсь поудобнее на походном стульчике и вынимаю бинокль.

Спасатели не жалеют сил, торопятся. Вот наконец показывается большое брюшко (неужели самки?), затем и вся самка. Но какая! Голова и грудь ярко-красные, брюшко длинное и узкое. Самка чужая, другого

вида, даже другого рода — она из племени саксаульного муравья кампонотус латералис.

Спасатели бережно переносят свою драгоценную ношу к разрушенному жилищу и прячут ее в щелочку под комочком земли.

Самки муравьев, закончив брачный полет и обломав крылья, по-разному устраивают судьбу. Обычно для каждого вида существуют определенные, установленные тысячелетиями обычаи. Некоторые самки сами, без чьей-либо помощи выкармливают своих первых дочерей-помощниц, которые потом уже берут все заботы на себя. Другие забираются в муравейники собственного вида. Есть и такие, что проникают в муравейники других видов, тайком уничтожают законную «королеву» и, обманув истинных хозяев жилища — рабочих, садятся на престол их матери. Потом из ячеек новой хозяйки появляются потомки: муравейник сперва становится смешанным, потом старые хозяева постепенно вымирают, а новые налаживают собственную жизнь, избавляясь от чужих.

Значит, наша находка — самка саксаулового кампонотуса — коварная обманщица? И да, и нет. Да — потому что забралась все же на «дачу» к чужим муравьям. Нет — потому что не убивала «королевы», просто умело взяла на себя роль хозяйки. Как бы там ни было, она ловко использовала «дачные» наклонности бегунков и, наверное, сама по себе не проявила в этом сложном деле изобретательности, а просто повторила установившийся опыт своих давних предков.

Потомству самки-обманщицы предстоит в будущем переселиться к саксауловым зарослям. Отсюда до них далеко, около двух километров. Но это уже дело второстепенное. Главное было совершено.

Усердные землекопы. Днем на такыре яркое солнце сплит глаза. Я прищуриваюсь от его белизны и присматриваюсь к безжизненной местности. Всюду равномерно рассеяны маленькие и темные кучки земли. На белом фоне они хорошо видны. Все кучки одинаковы, как будто устроены по стандарту, каждая в диаметре пять-шесть сантиметров, а в высоту — два сантиметра. На поверхности кучек нет никаких следов входа в норку, нет их и под нею, если ее аккуратно сдвинуть в сторону. Судя по всему, хозяин подземного сооружения никуда не отлучался и должен быть дома. Но кому понадобилось селиться в безжизненной почве, да не как попало, а равномерно по всей территории солончака? Придется заняться раскопками.

Почва солончака влажна, она прочно прилипает к лопатке. Чем глубже, тем влажнее земля, на глубине тридцати сантиметров она почти мокрая. Под маленьким холмиком выброса земли, оказывается, есть очень узкий, рыхлый ход, забитый землей. Чтобы его проследить и не потерять, пришлось вскопать десяток подземных жилищ таинственного незнакомца, и попусту: во всех ход потерялся.

Поиски подземного жителя солончаков утомляют своим однообразием и неудачами. Хочется их бросить и пойти к биваку. Но приходится брать себя в руки и трудиться. Одна из едва заметных норок на глубине около сорока сантиметров все же заканчивается камеркой, в которой я вижу крохотную, около сантиметра, жужеличку, светло-желтую, с темными продольными пятнами на крыльях. Она недовольна тем, что ее глубокая, сырая темница вскрыта: энергично работая коротенькимк ножками, пытается убежать. Я ловлю ее и с любопытством разглядываю. Меня поражает, как такая крошка, не обладая никакими особенными приспособлениями, смогла выбросить наружу столько земли, вес которой примерно в тысячу раз больше веса усердного землекопа. И для чего понадобилось так глубоко зарываться в эту совершенно бесплодную землю? Чтобы отложить яички? Но тогда чем же будут в этой соленой земле питаться ее личинки? Или, быть может, влажная почва солончака кишит неведомой нам разной живностью, микроскопически маленькими червячками или личинками водных животных, насекомых, которые оживляются только ранней весной, когда солончаковое пятно становится временным озером?

Белое безмолвие. Утром отправляюсь в поход по пустыне, перехожу с холма на холм и вдруг вновь набредаю на обширный солончак. Он сверкает на солнце. Белая площадь солончака мертвая, но вся в мелких бугорках. Теперь знаю: хозяева норок — крохотные жужелички. Вот еще кучки земли, но они другие — из катышков диаметром два-три миллиметра. Возле каждой кучки располагается аккуратный вход в норку. Он строго вертикален: травинка, опущенная в него, не изгибаясь, легко проходит прямо вниз. Таких норок немало. Но выброс почвы разный: или две кучки, расположенные рядом по обе стороны входа, или одна большая кучка в стороне, обязательно на запад.

Придется поискать хозяина норок. Пока я рою землю, таинственный незнакомец показывается во входе. Но поддеть его лопаткой не удастся: уж очень мгновенна его реакция на опасность — он быстро падает на дно своего подземелья. На глубине более полуметра вижу обитателя норки. Это забавная, как всегда, горбатая, с толстой мозолью на спине и с длинными кривыми и острыми челюстями личинка жука-скакуна. В норках с разными выбросами земли как будто обитают одинаковые личинки. Но кто знает?! Быть может, они принадлежат разным видам или в такой мелочи поведения проявляется характер будущих самок и самцов жуков?

Какую добычу ловят личинки скакунов в своих норках, когда вокруг голая и мертвая, белая, покрытая солью земля?!

Возле кучки светлой земли из мелких катышков замечаю прочную черную дверку, вылепленную из глины. Она наглухо прикрывает вход в жилище. На дне его вижу перепуганного моим неожиданным вторжением светлого сверчка. Он приятно «поет». Ученый, впервые его описавший, назвал этого обитателя пустынь по-латыни одикус, что означает «сладкозвучный».

Сверчок нашел здесь спокойное место, чтобы в выстроенном им жилище завершить в полном покое важное дело — сбросить старую шкурку и облачиться в новую. Мысленно извиняюсь перед ним: на такое злодеяние не особенно приятно решиться, но надо открывать секреты жизни своих находок.

Вот еще кучки из мельчайших комочков земли. Возле них с трудом нахожу крохотное отверстие. Оно ведет в извилистый ход, соломинку в него не протолк-

нешь. Ход, оказывается, ведет сразу в большую камеру и далее продолжается от нее узеньким отнорком, в котором я вижу маленького черного и блестящего муравья-жнеца. Он поспешно хватает свое сокровище — единственную личинку и мчится с нею, пытаясь избежать страшной катастрофы. Мне все понятно: здесь зачаточный муравейник самки муравья-жнеца с одной первой помощницей. Она пришла сюда, на соленую площадь, подальше от многочисленных врагов. Ей, бедняжке, было нелегко совершать долгий путь за добычей на далекий зеленый берег. Не буду искать самку-основательницу, оставляю в покое, быть может, ей удастся основать большую семью.

Покидая белое дно бывшего озерка, думаю о том, что, наверное, еще немало обитателей живет здесь скрытно и незримо.

Подземная история. Едем дальше и вскоре попадаем в царство обширных, уже высохших такыров. Делаем остановку возле небольшой рощицы саксаула. Радуюсь возможности побродить по такыру. Весь такыр в небольших многоугольничках, разноугольных площадках размером с ладонь. На них странные продолговатые ямки, все направленные слегка углубленным концом в одну сторону. Видимо, ранней весной, когда поверхность такыра была влажной, здесь прошел дождь с крупным градом и сильным ветром. Каждая градинка, падая, оставила после себя след.

Увлекся разгадкой странного рисунка такыра и не заметил, что по самому его краю тянутся полосой мелкие кучечки земли. Кто-то рыл норки. Но почему только по краю? И на такыре кое-где видны округлые, иногда неправильной формы маленькие и большие пятна слегка темноватой поверхности, окруженные слабым светлым валиком. Они сплошь усеяны крошечными кучечками темной земли. Рядом с ними голый такыр, и на нем никаких следов жизни.

Внимательно разглядываю одно из таких пятен, случайно опираюсь на него палкой и едва не падаю: моя палка легко и быстро погрузилась в почву едва ли не на полметра, потонула в полужидкой и черной грязи, прикрытой тонкой сухой корочкой. Я поражен необычным превращением твердого, как камень, такыра и начинаю внимательно обследовать остальные пятна. Да, везде там влажная и топкая земля, черная, как смоль, с резким запахом сероводорода — типичная лечебная

грязь: ниже ее светлая, но обильно пропитанная водою почва.

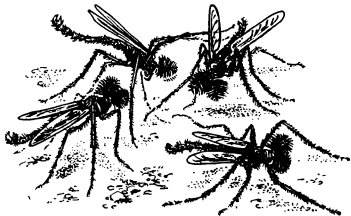
Почему эти пятна не высохли, не затвердели, не такие, как остальная поверхность такыра? Но раздумывать не приходится, из разрытой кучки черной грязи выскакивают небольшие хищные жучки стафилины, блестящие, светло-коричневые и... паучки. Их надо изловить, узнать, кто они. Как же сюда забрались паучки? Не могли же они, такие мелкие и слабенькие, с нежными покровами, сами закапываться в землю? Наверное, воспользовались норками, прорытыми жучками, а может быть, и охотились за ними.

Надо выяснить, как образовались эти влажные участки среди сухой и твердой земли. Роюсь глубже, весь измазался в грязи, колени мокрые, на брюках пятна соли. Вскоре натываюсь на твердую каменистую почву: теперь видно, как из нее сочится вода. Так вот в чем дело! На дне такыра кое-где прорываются ключики воды, текущей под землей из окружающих холмов каменистой пустыни. Слегка увлажнена и почва такыров возле самого края, смачиваемая дождевой водой, скатывающейся с холмов по поверхности.

Не только влага прельстила маленьких хищников. По-видимому, в этой мокрой земле есть что-то живое, питающее своих поселенцев. Закладываю в стеклянную банку землю, заливаю водой, взбалтываю. Постепенно муть оседает. В прозрачной воде ожидал встретить маленьких червей-полихет, но вижу множество крошечных, меньше миллиметра, таинственных шариков. Одни из них лежат неподвижно на поверхности осевшего ила, другие — висят в толще воды, кое-кто шустро плавает в разных направлениях. Так вот пища жучков и паучков!

Крошечные незнакомцы копошатся во влажной земле, видимо, питаются мельчайшими водорослями, простейшими, грибами и бактериями, живут, умирают, удобряют свою среду обитания, создают черную, очень соленую лечебную грязь, резко пахнущую сероводородом — продуктом гниения и разложения органических веществ. Влажная земля в сухом и горячем воздухе пустыни постепенно летом высыхает, испаряет воду, осаждавая и накапливая соль.

Пытался рассмотреть шарики, но лупа оказалась беспомощной: я не увидел никаких признаков ни конечностей, ни усиков. Просто шарики — и все! Но за-

метно, что неведомое существо покрыто коричневым панцирем, состоящим, будто у черепахи, из усиливающих прочность квадратиков. Этот панцирь — превосходный домик. Один шарик погиб и чуть-чуть раскрыл свое убежище на идеально ровные половинки. Форма шара представляет наименьшую поверхность для тела, а что, как не это качество, необходимо обитателю такыра: когда от жары все высохнет, он застынет в своей капсуле на долгое лето, осень и зиму до живой и влажной весны.

Несостоявшееся свидание. Серые облака медленно двинулись с запада, закрыли небо. Горизонт затянуло мглой, подул холодный ветер. Красные тюльпаны сложили лепестки, розовые тamarиски перестали источать аромат. Замолкли жаворонки, на озере-такыре тревожно закричали утки-атайки.

Брожу по краю небольшого болотца, по освободившемуся от воды солопчаку. Неожиданно замечаю, что по ровной поверхности сухой земли носятся какие-то мелкие точки. Это крошечные ветвистоусые комарики с пушистыми усиками, длинным тонким брюшком, небольшими узкими крыльями. Они очень забавны! Расправив крылья, трепещут ими, будто в полете, и шустро бегут, быстро перебирая ногами. Если комарику надо повернуть направо, то левое крыло на секунду складывается под брюшком, правое же продолжает работать, если налево — складывается правое.

Крошечные комарики носятся без усталости, что-то ищут, чего-то им надо. Иногда они сталкиваются друг

с другом и, слегка постукавшись ногами, будто подравшись, разбегаются в разные стороны. Иногда один из них мчится за другим, но потом отскакивает в сторону, прекращая преследование. Некоторые комарики складывают крылья и медленно «идут пешком», но недолго: крылья-пропеллеры вновь начинают работать с невероятной быстротой, и комарик вновь несется по земле, выписывая сложные повороты и зигзаги, подобно фигуристу на льду. Иногда это занятие как будто надоедает, и комарик, взлетев, исчезает в неизвестном направлении.

Но для чего это представление, какой оно имеет смысл? Если это брачный бег, тогда почему не видно ни одной спаривающейся пары? Да и самки здесь отсутствуют, все участники безумной гонки с роскошными усами.

Может быть, самки у комариков недоразвитые, сидят в мокрой земле, высунув кончик брюшка, как это обычно бывает у насекомых в подобных случаях? Но комарики не обращают внимания на землю. Почему же они не образуют в воздухе роя, как все ветвистосусые комарики, а мечутся по земле? Впрочем, в пустыне, особенно весной, сильные ветры, и нелегко совершать воздушные пляски. Чуть что, рой разметет по всем направлениям, и тогда... как собраться обратно! И летом часты ветры, поэтому они избирают для брачных плясок тихие вечерние часы и подветренную сторону какого-либо крупного, выступающего над поверхностью земли предмета. К тому же весной вечером воздух быстро остывает, а земля, наоборот, теплая. Вот и сейчас с каждой минутой усиливается холодный ветер, предвещающий непогоду, рука же, положенная на поверхность солончака, ощущает тепло.

С каждой минутой тучи все гуще и темнее небо. Наступают сумерки. Постепенно комариков становится все меньше и меньше. А самки так и не появились: то ли температура для них была низка, то ли они еще не успели выплодиться. Свидание не состоялось.

Выход в свет. Медлен и однообразен путь. Взлетит кобчик, погонится за жаворонком, мелькнет у дороги суслик и спрячется в свою норку. На горячем асфальте греются ящерицы, лежит раздавленная машиной змея. Какой шофер упустит случай, чтобы не расправиться с несчастным пресмыкающимся, оказавшимся на его пути? И вдруг на обочине торчит совсем белый суслик.

Мелькнул, скрылся в свое убежище. Никогда не видал суслика-альбиноса. Бедняжка, трудно будет ему, такому заметному, среди своего племени, да и врагам виден.

Темнеет. Доносится тяжелый запах сероводорода. Справа, из-за пологих каменистых горок, показывается белая полоска озера Алакуль в окружении широкой каемки белых и покрытых солью берегов. Оно когда-то было продолжением Балхаша, теперь же высохло.

Пора становиться на ночлег. Съезжаем с дороги и, проехав около полукилометра, останавливаемся на вершине холма над простором безжизненного, умирающего озера. Тяжелый запах гниющих водорослей портит настроение.

Зато как хорошо рано утром! Ветер изменился, отнес в сторону запах сероводорода, воздух чистый и свежий, хотя на термометре уже под тридцать градусов, жары будто нет.

Мы готовы мчаться дальше к Балхашу, но Ольга, переворачивая камни, находит совсем необычного, почти черного скорпиона ортохирус скробинулозус. В Семиречье и Прибалхашье обитают только два вида ядовитых паукообразных — скорпион пестрый (бутус еупес) и очень похожий на него скорпион желтый (бутус кавказикус). Они известны испокон веков. И вдруг такая неожиданная находка обитателя гораздо более южных районов Средней Азии. Не попал ли он сюда случайно? Надо искать еще. Мы помогаем в поисках. Проходит час, другой. Томительное однообразие поисков надоедает, и как мы радуемся, когда Ольга находит второго такого же скорпиона. Оба пленника посажены в банку, будут путешествовать с нами.

Хотя машина едет быстро, замечаю двух больших уток пеганок. Идут в небольшом отдалении друг от друга, а между ними ровной цепочкой — восемь птенчиков пухляков. Взрослые птицы-родители шагают хотя и степенно, но с тревогой поглядывают в нашу сторону. Зато у пухляков ножки семяток с необыкновенной быстротой.

Загляделся на мирное семейство. Все такое необычное: большая жаркая пустыня под синим небом, далеко за холмами белая полоска Балхаша и — заботливые родители со своим выводком и с извечными родительскими заботами. В их жизни сейчас такое важное событие!

Где-то вдали от озера в покинутой норе лисицы, вол-

ка или барсука утки вывели свое потомство, и вот теперь происходит первый выход в свет, переселение в родную водную стихию.

Тихо крадусь с фоторужьем, а бедные утки в панике раскрыли от волнения красные клювы, одна из них приседает на ходу, подает какой-то сигнал, наверное опасности, и восемь пар крошечных черных бусинок глаз на пестрых головках, поблескивая, уставились на меня с тревогой.

Сюжет необычен, интересен, и мне бы подойти поближе и снимать да снимать. Но, право, на душе беспокойно, совестно тревожить мирное и беззащитное семейство. Откуда им знать, что у меня самые добрые намерения. Сколько им, малышам, угрожает в жизни опасностей, прежде чем они станут взрослыми! Вот и сейчас, вдруг объявится в небе коршун или из-за куста выскочит лисица? Подожду я лучше на бугре, пока почтенное семейство доберется до воды.

ЗАБЫТЫЕ ОСТРОВА

Здравствуй, Балхаш! Шоссе вьется по каменистой пустыне, пересекает пологие горки с кое-где выглядывающими скалами, спускается в понижения между холмами, занятые солончаками. Узкая полоска воды, мелькнувшая за горами справа, скрылась, и снова впереди горы да солончаки. Но вот наконец показалось озеро Балхаш, его самая юго-западная оконечность — залив Шемпе.

Не остановиться ли здесь на берегу? Но очень странной кажется поверхность озера. Она вся в пятнах водорослей. Шемпе, оказывается, мелеет... и в прогреваемой солнцем мелкой воде бурно развивается водная растительность. Пройдет немного времени, залив еще больше обмелеет, на его месте воцарятся тростники. Потом и они усохнут, уступят место солончакам. Да, чудесное озеро пустыни, жемчужина Южного Казахстана, катастрофически мелеет, постепенно угасает.

Здесь, на берегу этого залива, был превосходный большой пионерский лагерь! Поселение на берегу из

десятка двухэтажных домов, находившееся когда-то среди тополевых зарослей, будто вымерло. Зияют пустые окна, вместо зеленых деревьев торчат сухие остовы-скелеты. Бездействует и насосная станция, когда-то качавшая воду в поселок. Пионерлагерь, оказывается, закрыт и подлежит сносу. Вода залива Шемпе не годна ни для питья, ни для хозяйственных нужд. В ней слишком много солей. А завозить пресную воду издалека, за несколько сот километров, накладно. Жаль эту некогда прекрасную здравницу!

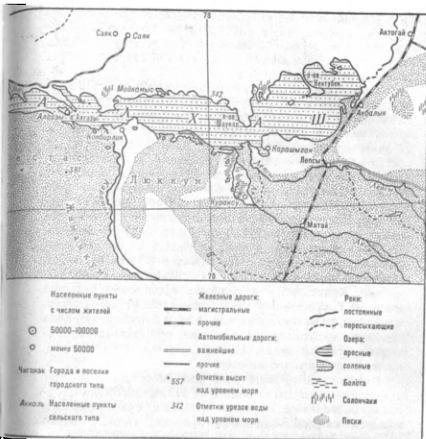
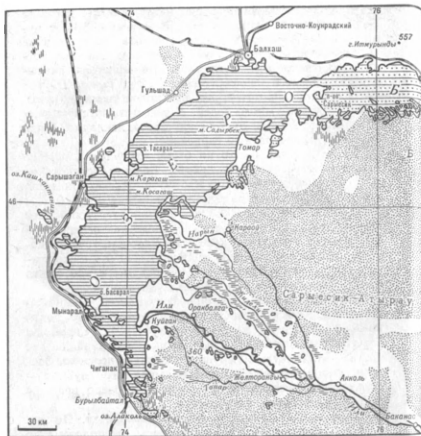
И все же, как бы то ни было, мы у воды, нам не страшна жара, пыль и духота. Вода — сосредоточие всего живого, теперь мы будем путешествовать не только по суше, но и по озеру.

По-казахски слово «Балхаш» означает «топь». Его южные берега низкие и топкие, тогда как северные — каменистые и местами скалистые. Впрочем, трудно сказать, переводимо ли слово «Балхаш», как и многие другие географические названия, пришедшие к нам, часто не изменившись, из очень далекой древности.

Береговая линия озера сильно извилиста, со множеством мелких и крупных заливов. В одном месте, почти по его середине, напротив полуострова Сарыесик, берега очень близко сходятся, разделяя Балхаш на две части — восточную, соленую, и западную, пресную. Озеро в общем мелкое. Самая большая его глубина — всего лишь двадцать шесть метров. В озеро впадают реки Или, Каратал, Аксу, Лепса, Аягуз.

Уровень воды в озере сильно колеблется. По его берегам обнаружены древние террасы, расположенные на высоте около ста сорока метров над современным уровнем. В очень давние времена Балхаш занимал значительно большую, чем теперь, площадь и соединялся с озерами Сассык-Куль, Алакуль. Ныне эти озера отделились и находятся от Балхаша на востоке. (Другое озеро того же названия, Алакуль, о котором уже упоминалось, было еще совсем недавно заливом, теперь же совсем высохло.)

О причинах резких колебаний уровня озера до сих пор нет единого мнения. В настоящее время уровень озера падает из-за того, что воды рек, впадающих в него, стали усиленно использоваться на орошение сельскохозяйственных угодий и, кроме того, на пути реки Или, питавшей озеро пресной водой, построено большое Капчагайское водохранилище.

Балхаш изобилует рыбой. По его берегам гнездились водоплавающие птицы: журавли, белые и серые цапли, колпицы, ибисы, пеликаны, чайки. Сейчас животный, да и растительный мир озера сильно сокращается. Это водохранилище отнимает у него воду и жизнь.

На озере очень много островов. Только крупных насчитывается около двадцати пяти, а мелких — более полутора сотен.

Меня очень интересуют острова Балхаша. Тем более что они совершенно не обследованы, и бесполезно искать о них какие-либо сочинения. Как-то они выпали из внимания. Забытые острова...

Сейчас во многих местах страны, даже по инициативе местных органов власти, стихийно возникают ма-

ленькие заповедники. Нельзя ли устроить маленький заповедник на одном или двух островах Балхаша? Они изолированы, их легко охранять от различного вмешательства извне, кроме того, природа островов не сильно изменилась из-за удаленности их от берегов. Посмотреть острова Балхаша для этой цели — главная, возникшая по личной инициативе, задача путешественника.

Необитаемые острова. Более пятнадцати лет пролежала в бездействии моя складная лодка-байдарка. И вот сейчас на берегу Балхаша мы пытаемся ее собрать. Постепенно разбираемся в премудростях конструкции нашего суденышка, радуясь его добротности.

Над нами синее небо, жгучее солнце, вокруг голубой простор воды, а впереди темная полоска одного

из многочисленных островов Балхаша. С непривычки грести нелегко, но наша байдарка без груза легко скользит, рассекая небольшие волны, а темная полоса острова растет, ширится, и вскоре мы ступаем на его таинственный берег.

Наш первый остров небольшой: метров двести в длину, пятьдесят в ширину. Его берега сложены из крупных белых камней. С одной его стороны высится крутая скала, с другой — его край заняли тростники. К ним примыкают небольшие заросли тальника. На остальной части — типичные растения каменистой пустыни. Но они не такие, как на материке, а чистые, раскидистые, целенькие, не тронутые скотом, благоденствующие. Цветут дикий чеснок, софора, какие-то астрагалы. Разукрасилась семенами курчавка. Светло-зелеными куртинками пышно разрослась пахучая полынь.

Здесь живет пара ворон, их гнездо на самом большом и густом деревце. На земле под ним валяются скорлупы крупных яиц: вороны основательно поразбойничали. Красть яйца и разорять гнезда они большие мастера. В тростниках монотонно скрипит камышевка, и, видимо, ради нее прилетела сюда и кукушка. Парочка горлинок испуганно вылетает из прибрежных кустиков и уносится вдаль. И больше никого: ни ящериц, ни жаб, ни лягушек, ни змей.

Кто же самые маленькие жители острова? Их тут достаточно. Вся земля кишит от величайшего множества красноглазых муравьев формика субпилоса, под каждым камнем — личинки, куколки, яички. Только у самого берега приютилось несколько небольших семей крошечного муравья тетрамериум цеспитум. И еще сверчки! Очень много сверчков. Шустрые, они с величайшей поспешностью разбегаются из-под камней.

Как и полагается, у сверчков самок крылья самых разных размеров. У большинства же крылья короткие. Их обладатели не могут покинуть остров. Совсем мало длиннокрылых, способных подняться в воздух. Они расселители и к тому же маленькие. Когда-то остров был заселен такими сверчками-авиаторами, прилетевшими с материка.

Чем же питаются сверчки и муравьи? Видимо, и те и другие поедают комариков-звонцов, для которых остров — место брачных встреч.

Второй остров побольше первого и подальше от берега. С него наша машина и палатки — едва заметные

точки. Как только мы причалили к острову, в воздух с визгом и причитаниями поднялась стая крачек. Подняли тревогу несколько куликов-сорок, черно-белых с красными клювами. Птицы сильно встревожены. Кто-то из них стреляет в нас белой жидкостью, но, к счастью, не попадает.

Птицы, оказывается, не напрасно беспокоятся. На самом высоком месте острова (какая предусмотрительности!) расположено множество гнезд. Собственно гнезд нет, просто в едва заметных ямках на земле лежат желтовато-охристые с темно-коричневыми пятнами яйца.

Красноголовых муравьев и сверчков на острове не оказалось. Что-то здесь не способствовало их процветанию. Может быть, виноваты были в этом крачки. В общем другой остров и другая на нем жизни!

Паучий остров. За станцией Чаганак, недалеко от длинного и узкого мыса, расположено три острова. Местные жители называют их «лесными». Возможно, лес и был, да исчез, изведенный человеком. Впрочем, в этом безлесном крае и крошечная рощица представляется лесом.

Надо посетить лесные острова. Но утром поднялся сильный ветер, по озеру побежали волны с белыми барашками.

К полудню ветер как будто стал стихать, и мы, собрав байдарку, тронулись в путь. Но чем дальше от берега, тем выше и круче волны. А когда большая волна, набегая сзади, поднимает корму, наше суденышко основательно зарывается носом в воду. Мы гребем отчаянно, не жалея сил. Но вот и берег. После путешествия по воде с такой радостью встречаешь берег и с удовольствием ступаешь на твердую землю.

Остров большой, почти в километр длиной. Едва причалили к нему, как неожиданно на берегу появился Робинзон. Он житель Чаганака, сюда наведывается часто. Здесь у него небольшая бахча, моторка и снасти для ловли рыбы. Робинзон с недоверием смотрит на нашу байдарку.

— А что, если волна разгуляется? Как возвратиться на своей посудине обратно? — не без иронии спрашивает он.— Иногда по три дня дует, и даже на моторке приходится отсиживаться.

На острове у берега — тростники, рощица разнолистного тополя-туранги, заросли кендыря, селитрян-

ки, тамариска, кусочек каменистой пустыни, пятно солончака... В общем мир растений довольно разнообразен. Есть и редкие кустики саксаула. Это дерево сильно поражается комариками галлицами и двумя видами листоблошек. Каждый из них образует своеобразные наросты — галлы, в которых развиваются личинки. Галлицы очень малы, живут несколько дней. Здесь же на деревцах их нет, живут только одни листоблошки: они крупнее, живут дольше, неплохо летают, добрались сюда на крыльях.

Толстостебельная повилика образует такие мощные заросли, что закрывает собою кусты-прокормители. Но она только там, где расположен шалаш огородника. Чем-то человек способствует жизни этого паразитического растения.

Вдруг я увидел шкуры сайгаков на зеленой лужайке. По словам Робинзона, зимой громадное стадо прошло из Бетпакдалы через острова в сторону низовой реки Или. Сайгаки, оставшиеся на островах, гибли от бескормицы: снег был глубокий. Гибли еще здесь и подранки, ушедшие от преследования охотников-промысловиков и браконьеров.

В одном месте берег совсем оранжевый: камни, оказывается, покрылись лишайниками. Стал приглядываться к маленьким обитателям острова. Из-под ног во все стороны прыгают кобылки, кузнечики. Очень много здесь кобылок! Почти на голых скалах обосновались многочисленные молодые каракурты. Сейчас они в красивом цветастом наряде: черное брюшко украшено ярко-красными пятнами, отороченными белыми каемками.

Находка ядовитого паука казалась необыкновенной. На материке он стал редок. Засуха, перевыпас сказались на его численности. А здесь этот опасный для человека и домашних животных паук сохранился и, судя по всему, процветает, возможно, еще и потому, что на остров не проникли его враги: поражающие паука осы-помпиллы, а его яйцекладки — наездники.

Каракурты могли сюда попасть молодыми паучками, едва выбравшимися из коконов, по ветру на паутинках. Еды на острове хватает — комариков-звонцов масса. А вот скорпион и фаланга не добрались до этого райского уголка: ни плавать, ни летать они не умеют.

Брожу по острову, почти обошел его со всех сторон.

Кажется, все примечательное заметил, но случай преподносит еще сюрприз. На мысе голые кустики прошлогоднего кендыря сплошь увиты беспорядочными нитями и белыми, плотными, размером чуть больше наперстка паучьими логовищами. Тут настоящая община благожелательно относящихся друг к другу хищников, пауков аранеа корнутус. Редкое явление общественной жизни среди пауков. Все паучье население сидит в глубине своих паутинных сооружений. Яркое дневное солнце и ветер, видимо, располагают их к лени.

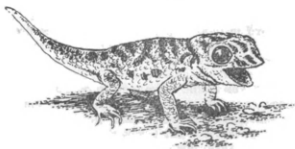
Осматриваю логовища обитателей острова и всюду вижу толстых паучих. Кое-где с ними мирно соседствуют самцы. Рисунок брюшка однообразен, напоминает что-то похожее на крест с двойными перекладинами и большим черным пятном. Но цвет варьирует в очень широких пределах — от светло-серого до темного и кирпично-красного.

Паучья компания живет по строгому распорядку: все население состоит из взрослых, все напитались, почти закончили брачные дела, должны откладывать в коконы яички. Не без труда нахожу кокон. Вопреки паучьему этикету при нем нет родительницы, и его охраняет самец. Осторожно отталкиваю его в сторону, но он с самоотверженностью, достойной настоящего мужчины, пренебрегая опасностью, возвращается обратно.

Больше нигде нет скопищ общественных пауков. Верные своим обычаям, они поселились только в одном месте острова тесной, сплоченной общиной. Так, видимо, легче жить.

Приют огородников. Три маленьких острова длиною не более двадцати—тридцати метров примыкают почти вплотную к самому ближайшему к Чагану лесному острову. При нашем приближении с них поднимается в воздух целая туча крачек и начинает истерическую какофонию. Здесь их прибежище, уже с лодки видны крошечные пухляки. На самом острове обосновались чайки, и мы пытаемся быстро миновать птичьи владения, усиленно всматриваясь под ноги. Крошечные пушистые птенчики прижались к камешкам — не отличишь. Кое-где в ямках на земле лежат пестренькие яички. Чайки быстро успокаиваются, едва мы минуем их поселение.

Почти половина острова занята огородниками. Стрекогут моторы, подающие воду. Здесь для чаек че-

ловек привычен, и я радуюсь мирному соседству. Птицы благоденствуют благодаря человеку: хищники сюда боятся заходить.

Вижу помет зайцев.

— Их на нашем острове много! — говорит один из огородников. — Живут сами по себе, овощ не трогают.

Но насекомых нет: ни кобылок, ни каракуртов, ни общественных пауков. Все они съедены чайками.

Остров, будто крепость, обнесен со всех сторон высокими береговыми валами из мелкой черной гальки. Озеро отошло от берегов, и валами завладели высокие луговые травы, тростники да кустарники.

Сверкающий глазами. Наш бивак располагался возле песчаной гряды. Наступила ночь. Черное южное небо сверкало звездами, неясными силуэтами виднелись кусты. Залаяла собака, пришлось выбираться из палатки. Прислушался: будто слегка зашуршал песок, качнулся куст, и вновь воцарилась глубокая тишина. На всякий случай осветил фонариком бархан — и едва не вздрогнул от неожиданности. В нескольких метрах от меня загорелись четыре ярких зеленовато-синих фонарика. Они слегка переместились с места на место, замерли, снова передвинулись. Вдруг одна пара фонариков за-

сверкала красным цветом, блеснула вновь зеленовато-синим и еще сильнее покраснела.

Видение было настолько необычным, что я, пораженный, застыл от неожиданности. В голове пронесся вихрь мыслей о каких-то совершенно необычных животных. Осторожно, сдерживая дыхание, медленно шагнул вперед... Тогда и разглядел обладателей чудесных фонариков: ночных ящериц — сцинковых гекконов. Их было двое. Один из них, очевидно не выразив желания со мною знакомиться, сверкнул красным зловещим отблеском глаз и юркнул в ближайшую норку, другого же я успел накрыть ладонью и прижать к песку.

Утром внимательно разглядел пленника. Это было очень своеобразное существо: большеголовое, тело раскрашено широкими полосами и покрыто крупными чешуями. Что-то в нем чудилось очень древнее и неземное. Геккон передвигался не спеша, будто неуверенно, как ребенок, делающий первые шаги, покачивая большой головой с круглыми глазами. Но иногда это меланхоличное создание неожиданно совершало резкие скачки и, как бы желая наказать меня за излишнее любопытство, ощутило кусало мои пальцы. Победить недоверчивость геккона казалось невозможным. Всем своим поведением он показывал неприязнь, а глаза его глядели с какой-то особенной безучастной скорбью.

Виновниками же ночной тревоги собаки были джейраны (я узнал по следам). Они тихо подошли почти к самому биваку, потоптались и потом ускакали.

Интересная находка. Два дня пришлось отсиживаться на берегу. На озере разыгрался шторм. Сильный восточный ветер гнал бесконечные волны, они обрушивались на берег и откатывались обратно. Не желая терять зря времени, брожу по пустыне. Недалеко от берега, в понижении между холмами, нашел большой солончак. В этом месте когда-то было озерко. Но упал уровень Балхаша, озерко усохло, вода из него ушла под землю и оставила большое белое пятно в бордюре зеленых солянок да мелких кустарничков.

По краю белого пятна слегка вспухла и растрескалась на многоугольники земля, на небольшой глубине располагается влажный слой почвы. Вот большое темное отверстие крупной норки. Направляю туда лучик солнца, отраженный от зеркальца, и в глубине загораются, переливаясь всеми цветами радуги, будто драгоценные камни, глаза. Я хорошо знаю их облада-

теля — крупного паука южнорусского тарантула. Недалеко от него аккуратная воронка. На ее дне, зарывшись в мелкую пыль, затаилась хищная личинка муравьиного льва. Еще видны круглые норки, опускающиеся вниз по прямой линии. Это жилище и ловушка другого хищника — личинки жука-скакуна.

На голой и пока еще влажной земле видны маленькие комочки, а под ними крошечные жужелички. Как будто все здесь обычное, и ничего нет нового, можно идти к биваку. Остается лишь взглянуть на выбросы небольших рыхлых кучек сухой земли. Их немало. Норка, откуда вынесен грунт, очень пологая, в рыхлой почве стенки ее неровны. Тут и не выстроишь другой. Продолжаю рыть лопаточкой. Через десяток сантиметров вижу в норке какие-то палочки и соринки. Их все больше и больше, вскоре весь ход забит ими. Палочки совершенно сухие, явно занесены сюда недавно жителями норок, но зачем?

Около четверти метра норка шла на глубине около десяти сантиметров в почти сухом слое, но затем пошла вниз до влажного слоя. Здесь тоже все забито палочками. Какое странное сооружение! Осторожно вынимаю пинцетом палочки, освобождаю ход и вдруг замечаю какое-то юркнувшее вглубь синевато-серое тельце. Да это небольшая, нежного телосложения мокрица! Поверхность ее тела очень блестящая, будто покрытая лаком. Она очень похожа на пустынных мокриц рода гемилепистус, только тело ее гладкое, без гребешков и бугорков, да покровы тоньше и нежнее.

С интересом разглядываю незнакомку: ее выразительные глаза, очень забавную головку с размахивающимися коротенькими усиками. Это самка.

У всех пустынных мокриц — моногамия. Может быть, у этой мокрицы норка — тоже дом и в ней семья. Еще несколько сантиметров норки — и вижу другую мокрицу, на этот раз самца, такого же размера, и кучку крошечных, едва ли не в два-три миллиметра, деток. Семья большая, малышей около трех десятков. Так вот кто выбрасывает наружу небольшие кучки рыхлой земли! Я заинтересовался находкой, забыл о том, что пора идти на бивак. Еще бы! Сколько лет знаком с мокрицами — обитателями пустынь, и вдруг необычная встреча с мокрицей, явно не знакомой науке. И биология у нее другая, чем у мокриц, мною изученных, и жилище иное.

Белых облаков все больше и больше. Вот одно большое набежало на солнце, и светлое дно бывшего озера становится синим. Подул прохладный ветерок. Мокрицы — хозяева норок будто обрадовались тени, показались во входах, выползли наружу, занялись делами: кто тащит сухую палочку, кто, пятясь назад, выбрасывает из норки землю, усиленно размахивая многочисленными ножками, — благо наклонный ход позволяет использовать такой прием, некоторые же сидят во входах, будто греются.

Оказывается, сухие палочки — добыча мокриц. Они поражены грибками и, видимо, поэтому съедобны. С палочки мокрицы сгрызают поверхностный слой, проросший грибками. Кроме того, над этим прилежно трудятся некоторые мокрицы и наверху, вне норок. Так мокрицы вызывают разложение древесины, удобряют почву, рыхлят ее, способствуют проникновению влаги, воздуха; палочки, без сомнения, выполняют роль своеобразных стропил, поддерживают все строение в ненадежной рыхлой почве пухлого солончака. Случись обвал, и гладкие мокрицы переберутся через палочки наружу. Еще сквозь густое переплетение палочек в норку нелегко пробраться какому-либо хищнику: жуке-лище, скорпиону, жуку-стафилину или ящерице.

Во всех норках я нахожу супружеские пары, нигде нет ни вдов, ни холостяков, но крохотных мокричек завели себе пока немногие, сейчас только наступает пора рождения потомства. Еще я заметил, что те, кто сидит во входе, высунув наружу свой хвостик, — самочки. Они прогревают свое тело, ускоряя развитие потомства. Мокрицы очень осторожны и при первых признаках опасности тотчас же прячутся в самые глубокие покои своего жилища.

Вот вы какие, солончаковые мокрицы! Для поселения избрали рыхлую почву, не роете вертикальных норок, не защищаете их вход своим телом, да и не имеете для этой цели защитных гребешков, не выносите землю с помощью кишечника.

Долго думаю о своей находке, перебираю в памяти и восстанавливаю радостные минуты маленького открытия; подумываю о том, как мне придется описывать в научной литературе эту мокрицу, и подбираю для нее различные названия. Проще всего дать ей имя по названию местности, окрестив мокрицей солончаковой, или назвать по месту обитания — балхашской, как

делают многие зоологи. Но может так оказаться, что мокрица широко распространена по пустыням Средней Азии. Неожиданно в памяти всплывает трагический образ одного из исследователей Средней Азии, Г. С. Карелина; я останавливаюсь на этом имени, желая почтить его память. Пусть эта мокричка будет названа хемилипистус Карелина.

Трагична судьба этого талантливоего исследователя. Он родился в 1801 году. Был артиллерийским прапорщиком. Способного молодого офицера заметил печально известный временщик граф Аракчеев. Он перевел Карелина на службу в штаб военных поселений. Здесь молодому человеку было поручено ведение топографических съемок. Веселый и жизнерадостный, Карелин как-то дежурил на гауптвахте в Петербурге и нарисовал веселую карикатуру на своего покровителя. На гербе Аракчеева был написан верноподданнический девиз: «Без лести предан». Карелин изменил в одном слове только одну букву, и получилось: «Бес лести предан». И эта буква решила его участь. Аракчеев немедленно сослал Карелина в Оренбургскую крепость.

Но молодой человек не пал духом и с присущей ему энергией занялся изучением края. Он исследовал Киргизский край, Башкирию, был первым русским, изучившим залив Кара-Богаз-Гол, берега Каспийского моря, прошел через Каракумы и Кызылкум до Астрабадского залива в пределах Ирана. Были им также обследованы и детально изучены Семиреченский край, территория современного Восточного Казахстана и даже Западный Китай. Он составил карту Семиреченского края, собрал богатейшую коллекцию из тысячи шестисот видов растений, тысячи трехсот шкур животных и около десяти тысяч насекомых.

В 1842 году Карелин послал в Петербург с молодым, любимым учеником И. Кирилловым важное донесение о состоянии Киргизской степи и Заиртышского края. Кроме того, Кириллов вез семь толстых тетрадей дневников путешествий Карелина. Но по пути в Петербург в одной из гостиниц И. Кириллов внезапно умер, бесследно исчезли в день его смерти и все материалы.

Одно за другим несчастья продолжали терзать ученого. В 1845 году у Карелина появился новый influentialный недруг — сибирский генерал-губернатор Горчаков. После длительной травли и преследований он

выслал Карелина из Семипалатинска, где жил и работал ученый. После этого семь лет Карелин прожил в Москве.

Отправляясь в свою последнюю поездку — в Гурьев, он сдал на хранение в кладовые Храма Спасителя в Москве все свои богатейшие коллекции и образцы полезных ископаемых, в которых находилось только одних золотых самородков сто восемьдесят образцов. Казалось, более надежного в то время места не найти, но все эти коллекции таинственно исчезли, бесследно пропали.

Карелин поселился в Гурьеве. Здесь он не прекращал своей работы. В 1872 году в его маленьком домике внезапно вспыхнул пожар, уничтоживший все рукописи, карты, записные книжки, дневники. Вскоре после этого удара судьбы Григорий Силыч Карелин умер.

Сохранились ли где-либо материалы о жизни замечательного ученого, бескорыстного, преданнейшего патриота Родины? Может быть, в архивах Гурьева, Алма-Аты, Уральска, Семипалатинска, Омска, Оренбурга и Ташкента будут найдены документы, проливающие свет на тайну самой большой трагедии для ученого — гибели плодов его многочисленных экспедиций и всего самоотверженного труда?

Ночной огонек. Ночью, проснувшись, я вижу возле своей постели за стенкой полога светящийся комочек. Он сияет голубым огоньком и так ярк, что в темноте вокруг него видно почти на полметра во все стороны. Из полевой сумки — она всегда со мной, даже ночью — я вынимаю эксгаустер, в бутылочку осторожно заталкиваю необычную находку и только тогда рассматриваю в лупу. Да, так и есть — это ветвистоусый комарик. Он неподвижен, мертв. Нет ли еще таких комариков-огоньков?

Тихо, чтобы не будить своих спутников, обхожу вокруг бивака, но ничего более не нахожу. Кладу баночку со светящимся комариком возле полога, но он так ярк, что мешает спать, прикрываю баночку краем полога. Перед сном вспоминаю встречу. Со светящимися комариками «познакомился» на Балхаше в одной из самых первых поездок на озеро — около пятнадцати лет назад. Тогда их было множество, весь берег сверкал ими. Утром я вытряхиваю из баночки комарика. Он высох и уже не светится. Все же этот комарик необычный, очень яркий.

Кряковая утка. Наконец прекратился ветер, и вода, которую он нагнал на западный берег Балхаша, ушла, обнажив песчаные отмели. Возле маленького острова, к которому мы причалили, выглянули из-под воды камни, и я удивляюсь, что они такие ярко-зеленые. Оказывается, у берега обильно разрослись зеленые водоросли. Даже мир водорослей живет по-своему у каждого островка, в зависимости от сложившейся обстановки. Островок сложен из крупного камня. Его вершина густо заросла вьюнком, молочаем, кендырем, злаками, разными густыми травами, а на его середине красуется одинокий пышный куст розового тамариска.

Нет на острове ни птиц, ни зверушек — очень он маленький. Зато величайшее множество бабочек желтушек и голубянок крутится на цветах. Летают осы с красными пятнами на брюшке, жужжит ярко-оранжевая пчела-антофора, легко и грациозно перелетают с места на место кобылки-летуны. И все они такие удивительно доверчивые, не боятся нацеленного на них объектива фотоаппарата.

В заросли трав не хочется лезть. Чуть их шевельнешь — и вылетает туча комариков, звенят тревожно крыльями, забиваются в одежду, волосы, лезут в уши. Еще здесь обитают крупные пауки. Загляделся на них. Большие толстые самки в белых паутинных логовищах сидят, не показываются наружу, ожидают ночи, комариных плясок.

Пересекаю островок поперек, и вдруг из травы, из-под ног, громко хлопая крыльями и задев мою руку, вылетела кряковая утка. Описала круг над островком, села вблизи на воду. На земле, под травой, — большое круглое, покрытое пухом гнездо и девять яиц. Чуть не наступил на них! Бедная кряква! Не посчастливилось ей вовремя вывести свое потомство. Видно, кто-то помешал, может, те вороны, которые угнездились на первом острове... Теперь с таким запозданием она стремится наверстать упущенное. Скорее надо выбирать с островка и плыть к берегу!

Древние курганы. Вот и второй остров у нас под ногами. Он будто двухцветный, посередине высится рыжая пустыня, покрытая щетиной уже выгоревших растений. По берегу у воды зеленеют растения. На самом высоком месте острова из уголкового железа сделана вышка и на ней аккумулятор и фонарик — это маяк. Он автоматически зажигается ночью. Маяк,

оказывается, стоит на древнем кургане, сложенном из камней и земли. Недалеко от него расположен второй курган, поменьше. Сколько тысячелетий курганам и кто в них захоронен? Древний обитатель этих краев голубоглазый и русоволосый сак, или сменивший его усунь, или пришедший издалека гунн? Оба кургана целы. Грабители до них не добрались.

Остров красив, окружен тугаями. Быть бы ему заповедником: здесь и лох, и разнолистный тополь, и чингил, и саксаул. Но лох сильно пострадал от какой-то гусеницы. Вокруг еще масса высохших широченных листьев ревеня Максимовича. Верблюжья колючка высокая, вся в цвету. В ее лиловых листьях гудят пчелы. Не бывает такой колючки в настоящей пустыне.

В понижениях кое-где образовались пятна солончаков, и на них вижу свежий след сайгака. Остался один, умело прячется от человека, переживает в одиночестве лето. Придет зима, прикочуют с берега на острова стада его собратьев, и тогда кончится отшельничество.

В густом тугайчике у берега — буйство комариков-звонцов и раздолье паучьей жизни. Одно дерево все обвешано паутиной, и нет на нем свободного листочка, который трепетал бы от ветра. И здесь масса каракуртов, кобылок, ос, пчел, бабочек и уж, конечно, больше всех пауков — истребителей комариков.

Стайка скворцов не спеша перелетает с места на место. Добычи много. Но кроме них — никаких птиц! Почему?

Покидая остров, неожиданно замечаю на влажном песке слабый отпечаток крупной кошачьей лапы. Так вот кто здесь хозяин, враг мелких птиц, учредитель распорядков жизни! И косвенный покровитель насекомых!

Остров Ольджабека. Остров большой, назван, видимо, по имени одного из его бывших жителей. Сейчас он необитаем и пустынен. Наш путь к нему лежит мимо трех маленьких островков. Мы заглядываем на каждый из них в надежде найти что-либо особенное.

На первом островке нахожу гнездо вороны и под ним расклеванные яйца крякв. Черные разбойницы уже успели вывести потомство, основательно здесь попромышлять. На островок попал ядовитый брунец и разросся пышной куртинкой. Цветет несколько крупных кустов шиповника.

На втором островке очень много желтого крестовика, молочая, но они уже отцвели. Цветет серпуха. Красуются крупные шарики пушистой наголоватки. Не случайно эти растения заселили весь островок — их семена-парашютики легко переносятся по ветру. Быть бы здесь паукам: комариков в траве таятся немало. Да трудно здесь жить. Семена-пушинки всю паутину засоряют, и бедные пауки голодают. Сколько ни плети сетей, вместо комариков все забьют пушинки. Кто бы мог подумать, что растения с семенами-пушинками — друзья комариков-звонцов и враги пауков?

Третий маленький остров озадачил. Он такой же, как и первый, и сложен из валов нанесенного волнами щебня и плоской гальки. Но на берегу нас встречает веселая стайка энергичных жуков-скакунов, а в траве — множество кобылок. Неужели оттого, что возле одинокого куста ивы находится небольшая площадка из плотного песка?! Здесь кобылки могут откладывать в землю кубышки, а личинки жуков-скакунов строить свои ловчие норки. В щебне ни того, ни другого не сделаешь.

Теперь держим путь к большому острову Ольджабека. Длинный, около четырех километров, он когда-то был соединен с берегом и от него отстоит совсем недалеко. Здесь унылая каменистая пустыня, поросшая боялышем. Зеленая полоска тростника на берегу да кустики ивы и каратуранги немного оживляют его. Носятся над пустыней луговые тиркуши, в воздухе планирует пеликан, вдоль берега патрулируют черноголовые хохотуны и серебристые чайки.

На острове мы обнаружили четыре древних небольших кургана и развалины небольшой глинобитной кибитки. Самый крупный курган расположен на высоком месте острова. На нем топографы тоже соорудили вышку. Археологи, которые вознамерятся обследовать курган, окажутся в затруднении, так как запрещается порча топографических сооружений.

В пустынной части острова заметил одиночные камни. Под ними прятались маленькие гологлазы, крошечная фаланга и скорпион. Существование их здесь подтверждает недавнюю связь острова с материком. Еще под камнями были одиночные прыткие ящерицы. В панике они выскочили из-под своего перевернутого убежища и, отбежав на несколько метров, помчались обратно. Странно. Впрочем, чему удивлять-

ся? Здесь камни — единственное место, где можно скрыться от опасности.

Большой остров дал мало находок.

Неудачный рейс. Едва посветлело, как озеро расшумелось, потемнело и ветер погнал на берег гряды волн. Но взошло солнце, ветер затих, озеро успокоилось, посветлело, заголубело. И тогда с воды на берег, выходя из куколок и навсегда простившись с водной стихией, полетели ветвистоусые комарики и стали забиваться в кусты тамариска, чингиля и шиповника. Наша машина стоит на самом берегу, и немало комариков забралось и в нее. Хватит теперь и нам хлопот.

Мы раздумываем, плыть ли к далекому острову. До него грести не менее часа, а за это время коварный Балкаш может разгуляться. Разве угадать его капризы!

Меня беспокоит направление ветра. Куда он будет дуть, когда проснется? Если с запада, то нас прибьет к берегу. А если с востока? Тогда может далеко унести в открытую часть озера. Но все же поплыли. И вскоре раскаялись. До берега оставалось километров шесть, столько же и до острова, как внезапно налетел ветер и зашумело озеро. Бедная наша байдарочка, взлетая на волны и падая с них, поскрипывает жалобно, от встречных волн летят брызги, а на душе тревога: не переломится ли ее каркас.

Продолжать путь вперед нельзя. К тому же встречный ветер — большая помеха нашему движению. Надо поворачивать обратно. Едва только затеян маневр, как я вижу большую волну. Она катит на нас свой белый гребень, будто нарочно поджидала, чтобы расправиться с нашим суденышком, ударив по нему сбоку. Какой в этот момент она показалась мне противной! А произвелась она над нами вдосталь. Добралась, щедро окатила водой, да так, что осела наша байдарочка от тяжести, совсем погрузилась в воду и опрокинулась. Кое-как выливаем воду и забираемся в байдарку. Теперь бы скорее на сушу, но нам не холодно, гребем изо всех сил. Волны, подхватывая наш «кораблик», несут его все ближе к берегу. Все время отчерпываем воду, иначе снова надо бросаться в озеро, чтобы не утопить наше утлое суденышко.

Целой вечностью показалась борьба с расшумевшимся озером. Наконец близок наш бивак, прямо к нему

нас прибивают волны и ветер. Ольга бежит по берегу, мечется из стороны в сторону.

На твердой земле нас встречает жаркий костер. Молодец наша Ольга, заметила бедствие издалека, наготовила целую гору топлива.

— Вот и надежная байдарка! — укоряет она. — Больше в ней нельзя плавать в этом озере. Как хотите, если не послушаете, брошу экспедицию и уеду. Не желаю видеть вашу гибель... Ни за что!

Ее ультиматум излишен. Про себя я давно решил: надо ехать в город, доставать что-то другое и более надежное.

На следующий день на жарком солнце быстро высыхают наши вещи, и еще через день после нашего неудачного плавания мы мчимся домой, по пути только ради ночлега заглядывая в знакомый саксауловый лес.

Трудная жизнь орлиной семьи. Интересно взглянуть на птенцов орла-могильника. Какими они теперь стали? Вот и гнездо, и на нем виднеется что-то большое, коричневое. Оказывается, это молодой орленок. Он теперь уже почти такого же размера, как взрослый, стоит на краю гнезда, опустив голову и закрыв глаза. Спит, наверное, обдуваемый ветерком. Других не видно, лежат. В кузове машины твякнула собака. Орленок встрепнулся, открыл глаза, взглянул в нашу сторону и тотчас же лег, прижался к гнезду, спрятал голову.

Птенцов только двое. От третьего остались одни лапы с растопыренными когтями. Сами съели своего собрата от голода или один из родителей принес свое дитя в жертву другим? Обычно орлы выводят по два птенца. Неужели третий предназначался как своеобразный запас провизии на случай бескормицы? Жестокый обычай, но целесообразный! Лучше погибнуть одному, чем всем троице. Орлят сфотографировать опять не удалось. Крепко залегли пластом, будто мертвые. Такова реакция пассивной защиты.

Саксаульник изменился. Выгорели под солнцем и стали желтыми травы, хотя деревья все те же, зеленые. Исчезли кобылки. Отложили кубышки и погибли. Видно, откочевали отсюда и ежики, охотившиеся за насекомыми, и не стало орлиной добычи. Не выручили на этот раз кобылки орлиное семейство.

После катастрофы. В большой солончаковой низинке близ станции Копы мы были в начале путешествия, когда ехали к горам Аирахай.

Земля была сухой и жаждала влаги. Мокрицы успели разойтись со своих зимовочных норок, разбились на парочки, и каждая из них построила неглубокую вертикальную норку с сильно суженным входом. Пустынные рачки еще не перелиняли, оставались неполовозрелыми.

Теперь мы снова останавливаемся здесь, и я спешу узнать, как живут мои давние знакомые. Мокрицы стали взрослыми. Самцы украсились зубчатыми гребнями и небольшим бугорком на голове, похожим на рожок. Самочки темнее, гладкие, чуть меньше размерами. Заботливые родители обзавелись детьми: крошечными светлыми, даже слегка прозрачными мокричками. В каждой семье их от семи до двадцати, сидят недалеко от входа, охраняемого самцом, прогреваются.

И в этот раз много загадок. Разрываю одну за другой норки подземных жителей, иного способа нет, чтобы узнать их дела, и не могу понять, что случилось. Мокриц очень мало по сравнению с тем, что было прежде. Осталось не более одной четверти, и те сохранились по возвышенностям. В норках нет того порядка, какой царил прежде, встречаются такие, в которых или только один самец, или одна самка. У одного холостяка оказалось две малютки. Куда делись остальные? Вижу и такую норку, в которую набилось до десятка взрослых самцов и самок. Они — явные бродяги — нашли на день совместный приют в брошенном убежище. Нахожу и парочку мокриц, едва начавшую готовить свое помещение. Это сейчас, в конце мая! И еще загадка. В одной норке кроме самца и самки две партии мокричек. Они различаются по размерам: кто покрупнее — в камерке повыше, кто поменьше — в камерке самой нижней. Не могла одна и та же самка дважды принести потомство, нет такого обычая у мокриц. Скорее всего хозяйка погибла, и ее место заняла другая, еще не успевшая принести потомство. Но почему она бросила своего супруга и норку? Долго раздумываю над тем, что произошло в мире этих маленьких тружеников пустыни.

После четырех лет изнурительной засухи май этого года выдался отменно хорошим. Теплый и насыщенный влагой воздух из Средиземного моря встретился над пустынями с холодным северным. По небу стали разгуливать облака, и с небольшими перерывами пролились пожди. Они оросили и солончаковую низину. Раз-

жиженная и липкая глина проникла в норки мокриц, погубила их жителей. Не поэтому ли сейчас, после такой катастрофы, у самцов часть спинок, особенно та, которая украшена зубчиками, измазана прочно присохшей глиной? Бедные жители подземелий закупоривали собою вход в норки, спасая ее от затопления, тем же способом, каким они препятствуют вторжению незваных гостей...

Утром солнце засверкало над зеленой низинкой и быстро согрело землю. По ней всюду ползали мокрицы. Я пригляделся. Наверх вышла одна женская половина населения. Самцы сидели во входах, накрепко закрыв их своими зубастыми спинками. Самки были очень заняты, искали еду. То одна, то другая волочили к своему дому всякий мусор: сухие палочки, старые прошлогодние засохшие былинки, остатки колючих семян. Все это, если внимательно приглядеться, поросло черными грибками, они и составляли их главную пищу. Очень редко кто из мокриц тащил крошечный зеленый росточек, видимо разнообразивший столь скромную диету. Какие интересные создания! Нашли себе пропитание, никому другому не нужное, да еще такое, которого всегда вдоволь в самую тяжкую пору жизни пустыни, оказались вне конкуренции, царящей в мире животных.

Самочки неторопливы, но очень деловиты. Едва подтащив добычу к норке, они опускали ее одним концом во вход, тотчас же отправляясь за очередной порцией провианта. В это время самец затаскивал добытое в жилище. Но запасаемая еда, наверное, предназначалась для родителей, детей же, пока они малы, полагалось кормить отрыжками, точно так же, как это делают общественные насекомые — пчелы, осы, муравьи, термиты.

Утром, пока не поднялось высоко над горизонтом солнце, кое-где из норок показались малыши. Каждый из них, побегав вблизи своего дома и, видимо, приняв солнечную ванну, возвращался и прогревался в верхней части норки, вблизи входа.

В пробирке, куда я поместил несколько мокриц, мои пленницы быстро опорожнили кишечник, выделили плоские цилиндрики из земли. Таким способом, тяжким, с нашей, человеческой точки зрения, они, поедая землю и вынося ее наружу, строили свое жилище. Подобно дождевым червям громадная армия пустынных

мокриц пропускала через свой кишечник массу почвы, одновременно разрыхляя ее и обогащая органическими веществами.

Тоскливые авдотки. Сколько хлопот с нашей новой резиновой надувной лодкой «Пеликан»! Она тяжела, объемиста, но отзывы о ней самые похвальные: и устойчива, и работает с подвесным мотором, и Балхаш с его капризной погодой, неожиданными ветрами и штормами якобы ей не опасен. Судя по всему, наша байдарочка, движимая мускульной силой, ей во многом уступает.

Плоская лепешка на воде, которую легко и игриво болтают волны во все стороны,— таково первое ощущение от нашего нового суденышка. Старенький наш моторчик бормочет шумливо и с перебоями. Ветер свеж, и, если двигатель заглохнет, унесет нас в открытое озеро... Как добраться обратно? Коротенькими маленькими веслами не управиться.

Лодку болтает с боку на бок, иногда подбрасывает кверху, и тогда она со шлепком плюхается широким дном о воду. Брызгами залило одежду, небольшая лужа скопилась на дне. Но, слава богу, остров все ближе, мы причаливаем к его подветренной стороне. Здесь такая благодать, так тиха и спокойна вода и нет волн с белыми гребешками.

На острове хорошо! Нет следов ни домашних животных, ни человека. Чистые травы растут вдоль самого берега. В куртинке цветущего шиповника тихо реет густая стайка стрекоз-стрелок. Изумрудно-зеленые самчики такие нарядные по сравнению со своими скромно окрашенными охристо-зелеными подругами. Жужжат пчелы в белых зарослях толстолистного клоповника, от его мелких беленьких цветов исходит нежнейший аромат.

Наш фокстерьер первым выскочил на берег, забрался на вершину крутых скал. Оттуда раздаются громкие и тоскливые крики. Я спешу наверх и вижу пустынного кулика — авдотку. С полураскрытыми крыльями она бежит впереди собаки. Фокстерьер умен, знает — птиц трогать нельзя, да и нет смысла за ними гоняться, все равно поднимутся в воздух, оглядывается на меня, садится, не переставая наблюдать за незнакомкой.

Из сухой и коричневой травы вылетает другая авдотка. Обе планируют и в панике мечутся по траве, оглашая воздух тоскливыми громкими криками. С об-

рывистых скал поднялись несколько галок и затеяли гвалт, летая над нами.

Остров небольшой, слегка вытянутый, около трехсот метров длиной. Его поверхность с нетолстым слоем светлой почвы поросла низенькими пустынными злаками, красуются синие головки чеснока. В выгоревшей от летнего зноя траве скачет множество кобылок, среди них нет ни одной бескрылой. Между камнями по берегу, поближе к влаге, перебегают из убежища в убежище черные сверчки, всюду раздаются их короткие и отрывистые дневные трели.

В одном месте под землю прогулялся слепушонок и выкинул на поверхность цепочку холмиков светлой земли, перемешанной со щебнем. Здесь он недолго жил, не много для него нашлось поживы среди каменной почвы. И вскоре он покинул остров. Но как слепушонок сюда попал и как отсюда выбрался? Почти безглазый, с короткими ножками, он, оказывается, способен совершать кочевки, не останавливаясь перед водными преградами, повинуюсь могучему инстинкту расселения. В наших представлениях слепушонок — исконный подземник, не способный жить нигде, кроме своих темных хором. Зоологи со свойственным ученым скептицизмом тому, что я сказал, пожалуй, не поверят. Но факты упрямы: на острове оставлена только одинокая цепочка следов этого жителя.

Принимаюсь переворачивать камни и всюду вижу полусонных крохотных темно-серых ящериц-гологлазов. Их очень много, но у каждой свое собственное укрытие, свой дом, свой камень. Видимо, так полагается. Впрочем, одиночества не выдерживают даже самые отчаянные отшельники, когда дело касается продолжения рода. Один раз я застаю двух ящериц, самца и самку, а потом нахожу и счастливую обладательницу двух крохотных белых яиц.

Последнее, что привлекает на острове,— полоска розовых цветов кендыря среди зеленого бордюра. Здесь собрались бабочки-белянки.

Ветер крепчает и гонит волну. На обратном пути лодку еще больше бросает из стороны в сторону и обдаёт брызгами воды. Но, как я убедился, лодка превосходна: на волнах легко взлетает, плавно падает, удивительно устойчива, и я проникаю к ней доверием и уважением.

Крошечный островок. Островок лежит на нашем

обратном пути к биваку и расположен в полукилометре от берега. Мы основательно проголодались, на биваке нас ожидает обед, но работа есть работа!

Наше появление встревожило большую серебристую чайку. Прекрасная, снежно-белая на темно-синем небе, она с громкими негодующими криками стала носиться над нашим «Пеликаном».

Островок около тридцати метров в длину и восемь в ширину. Когда-то здесь была скала, но ветер и вода сделали свое дело, и сейчас от скалы остался лишь невысокий бугорок из мелкого серого гравия да несколько больших камней. Остров совсем низенький, возвышается над водой едва ли на метр и, видимо, недавно поднялся над поверхностью озера. Но как быстро им завладела жизнь! Густая зелень покрыла этот пятачок, сложенный из камня. Здесь всего понемногу: тростник, рогоз, у самой воды горчак, украшенный мелкими розовыми цветами, наголоватка. Алеет несколько цветов иван-чая, одна веточка крошечного тамариска тоже украсилась нежно-розовыми цветами. Очень много высокого в маленьких белых цветах какого-то растения. Над ними реют бабочки белянки и желтушки.

Едва я вступаю в заросли трав, как в воздух поднимаются тучи комариков-звонцов и во все стороны разлетаются несколько десятков кобылок. Звонцы — дело обыденное. Они бьются в лицо, лезут в глаза, прежде чем успокоиться и вновь усесться на траву. Но вот кобылки меня озадачили. Они, такие ловкие, стремительно переносятся с места на место, кое-кто, разогнавшись, выскакивает за пределы островка и, круто завернув в воздухе, возвращается обратно. Изобилие кобылок поражает — ничего подобного нет на берегу!

Кобылки все одинаковые, серые, длиннокрылые. Я легко узнаю кобылку-летунью амлопус оксианус. Называется она так не случайно, а именно за способность к ловким полетам. Обычно эти кобылки обитают возле рек в тугаях, легко перелетают с дерева на дерево, они единственные, кто переносит без всякого ущерба половодье. Здесь им во время шторма, когда волны перекатываются через островок, тоже приходится покидать землю. Глядя на то, как они ловко летают, я восхищаюсь: молодцы кобылочки, нашли необитаемый остров, маленький рай с безмятежной жизнью! Здесь достаточно зелени и нет ни пичужек, ни мух-паразитов.

Серебристой же чайке они не нужны. Она рыболов.

Но как летуны устраивают свое потомство, куда кладут кубышки с яичками? Почвы здесь нет, один голый щебень, заливаемый водой. Прилетают сюда с берега? Вряд ли.

Большие грузные пауки аранеа корнутус сидят в белом, сплетенном из паутины мешочке. Ловчих сетей не видно. Сейчас не до охоты. Вот наступит ночь, поднимутся в воздух мирнады комариков, и нескольких наспех протянутых нитей будет достаточно, чтобы поймать добычу и насытиться ею до отвала.

На белых цветах я вижу пчелку, оранжевую осу, черного помшилла. Кое-где ползают жуки-коровки. Здесь они также охотятся на звонцов, хотя их исконная пища — тли. Все они жители материка, свободно посещают островок, прилетая с берега. Ну и конечно, масса изящнейших стрекоз-стрелок реет между травами в поисках комариков.

Муравьев здесь нет, негде им жить, нет земли, одни камни. На всякий случай принимаюсь переворачивать прибрежные камни. Под каждым из них много прибрежных ухверток. Им не нравится свет. Очнувшись от дневного сна, в величайшей спешке они разбегаются в стороны, прячутся. Ухверткам здесь тоже, как и паукам, раздолье. Комарики-звонцы в изобилии, всем хватает.

Весь осмотрел островок, нет на нем никого более не замеченного. Хотя, возможно, где-то в зарослях приютились птенцы серебристой чайки. Уж очень тревожится за них мать, без усталости летает над нами, покрикивая тоскливым голосом.

Коровий остров. Этот остров очень красивый, высокий, вокруг него бордюры из растений. Расположен он против железнодорожной станции Мынарал и своим северным краем отделен от берега небольшим проливом шириной не более двухсот метров. Его венчают четыре скалистые вершины, и на ближайшей из них тотчас же появляются два ворона. Поблескивая глазами, они внимательно следят за нами.

Да, есть зелень, есть и немного кобылок, бабочек и ос. Но на свежем, намытом еще вчера волнами песке видны следы коров и коз. Истосковавшись по свежей зелени среди опустылевших желтых холмов пустыни, они переплывают с материка на этот островок.

На берегу островка красуются пышные и очень

колючие кусты шиповника и чингиля и несколько, видимо несъедобных, растений. Иду вдоль островка, и вороны перелетают с вершины на вершину, не сводят с меня глаз. К ним подседа серебристая чайка. Получился красивый контраст: белоснежная птица рядом с черными воронами на красной скале и на фоне синего неба. В одном месте в основании скалистого обрыва волны выбили небольшую пещеру. Возможно, спасаясь от жары, здесь были козы.

Близость островка к берегу прельстила не только потребителей зеленого корма, но и любителей и, к сожалению, осквернителей природы. Всюду валяются консервные банки и битые бутылки.

Сопровождаемый воронами, я обхожу со всех сторон коровий островок и возвращаюсь к лодке. Сейчас раннее утро, коровы и козы еще не успели приплыть на остров, и я первый посетитель этого живописного уголка.

Остров крошечных кобылок. Остров небольшой, но высокий, скалистый. Он будто кусочек берега, который обошла вода. Со стороны озера на нем угрюмые красные скалы. Одна за другой на них набегают волны, обдают брызгами и, обессилев, откатываются обратно. Чтобы пристать к острову, пришлось его обогнуть. Со стороны материка оказалась маленькая и уютная бухточка с несколькими раскидистыми ивами на берегу. Не успели выбраться из лодки, как нас встретила целая стая галок. Птицы подняли страшный гвалт. На обрывистой стороне берега, судя по многочисленным белым полоскам, в глубоких расщелинах находились гнезда. Но молодежь уже окрылилась, лишь несколько недорослей поспешно юркнули между камнями и скрылись. На острове не было ни одной кобылки! Лишь кое-где перепрыгивали с места на места кобылочки, очень шустрые и недавно вышедшие из кубышек. Все большие кобылки были давным-давно истреблены галками.

Под камнями нашел пару скорпионов, ящерок-гологлазов да одного подкаменного кузнечика. Все они, ночные жители, выходили из своих укрытий только с наступлением темноты, когда птицы, хозяева острова, спали. Иначе и они не уцелели бы.

Скорпионы — настоящие обитатели пустыни. Воду они не любят, плавать не умеют и моментально тонут. Пара найденных скорпионов представляла собой по-

томство тех предков, которые обитали в далекое время, когда Балхаш мелел настолько, что острова соединялись с коренным берегом.

Золотой курган. На узенькой и длинной белой косе, повернувшись головками к ветру, сидели крачки и несколько озерных чаек. Они не обратили внимания на наш тарактящий «Пеликан». И появление человека на острове их тоже не беспокоило. Над самым островом реяли чайки и падали на землю почти вертикально, как в воду, что-то с нее склевывая.

Берег был пологим, низким, шесть намытых волнами валов из скатанной гальки громоздились один за другим. По краям валов росли несколько ив и два разнолистных тополя. Кое-где куртинками зеленела эфедра. За валами сразу начиналась почти ровная пустыня, покрытая выгоревшей травой. В ее понижениях, где прежде были озера, зеленели сочные травы.

По ивам ползали красноголовые прибрежные муравьи формика субпилоза. Для них одинокие деревья служили единственной плантацией, которой они питались. Я перебрался через валы и едва ступил на коренную землю острова, как из сухой и реденькой травки во все стороны поползли, поскакали и полетели, сверкая разноцветными крыльями, кузнечики и кобылки, богомолы. Прыгающей братии было очень много. Кузнечики как будто все принадлежали к одному виду, серые, бледнокрылые, самочки с коротенькими черными, острыми, как кривые кинжалы, яйцекладами. Кобылочек при беглом просмотре можно было насчитать около десятка видов. Были среди них и прусы, и атбасарки, и разные хортипшусы, и коренастые тметисы, и различные сфингонотусы. Нигде по берегам я не видал такого изобилия этих насекомых.

С дальнего угла острова поднялись два серых журавля, пролетели над водой, курлыкнули, сели на землю, поклевали, но, заметив меня, в тревоге взлетели и на почтительном расстоянии несколько раз описали круги. Появление человека беспокоило осторожных и недоверчивых птиц. На противоположной стороне острова виднелись прибрежные заросли низеньких кустарников. Возможно, там прятались журавлята, и мне пришлось обойти это место стороной.

За кобылками охотились только чайки. Всюду в понижениях виднелись круглые норы тарангула. В их темноте поблескивали глазами сами хозяева — отмен-

ного размера пауки. Среди низеньких кустиков боялыша над самой землей на нескольких неряшливых паутинках сидели другие большие пауки аргиопа лобата. Обычно этот хищник плетет изящную и большую круговую сеть. Здесь ему негде проявить свое искусство: нет ни высоких трав, ни крупных кустарников, за которые можно укрепить ловушку. Да и к чему она при таком изобилии пищи. Небольшие сети достаточны, всюду на них повисли кобылки, опутанные белым саваном из паутинной пряжи.

На земле зияли черными отверстиями короткие, сделанные из плотной паутины трубки большого толстого темно-аспидного паука. Один из них прохладился у самого входа, увидев меня, с неожиданным проворством скрылся в своем убежище.

Загляделся на кобылок, кузнечиков, цикад и пауков и когда, услышав осторожное курлыкание журавлей, оглянулся, разыскивая глазами птиц, увидел такое, что поразило... День сегодня выдался пасмурным, облака тянулись с запада нескончаемой вереницей, дул слегка прохладный ветер. Он гнал крутую волну, и моя одежда все еще не просохла от брызг. Но сейчас появились голубые окошки, на остров упали лучи солнца, и тогда по его середине на пологом возвышении из темно-красного щебня засверкал ярко-золотистый купол, четко очерченный снизу черной каемкой. Кучка черных камней венчала его вершину. Это был очень древний курган, сложенный из земли и камня. Курган порос густым невысоким злаком, теперь выгоревшим на солнце. От него курган и золотился, озаряя древнюю могилу на темном каменном пьедестале. Как он величествен, этот одинокий курган на забытом острове!

Курганы, выделявшиеся густыми травами среди равнины, я встречал во многих других местах. Теперь же подумал о том, что, сооружая их, люди, быть может, нарочно перемешивали крупные камни с землей. Тогда насыпь земли хорошо промокала весной от дождей, сохраняя дольше влагу — главное условие для жизни растений. Эта догадка, конечно, вызовет множество возражений, но тот, кто видал курганы, выделяющиеся среди равнины своим пышным одеянием, со мною будет вынужден согласиться. Люди, жившие в древности, были близки к природе, наблюдательны и хорошо ее понимали...

Босарал — остров Главный. Небольшой рыбацкий поселок Мынарал (тысяча островов). Здесь Балхаш разлился среди каменистых сопок. Вершины их выглядят островами в окружении голубого простора. «Тысячи островов» здесь, конечно, нет, но всех, вместе взятых, больших и малых, на западной оконечности наберется несколько десятков. Самые значительные из них три острова: Босарал (Главный), Ортаарал (Средний) и Аякарал (Конечный). Кроме того, сейчас Балхаш мелет и из-под воды появляются небольшие островки.

Сегодня нам предстоит побывать на острове Главном — Босарале. Он большой, пожалуй, самый большой из всех островов, длиной километров десять, шириной около пяти.

Пролив, отделяющий Босарал от берега, небольшой, волны невысоки, и наш надувной корабль быстро преодолевает водное пространство. Ступаю на пустынный берег острова и за береговым валом вижу несколько лошадей. Иду к гряде гор на горизонте, надеясь с них осмотреть остров и увидеть его противоположный берег и озеро Балхаш за ним. Гора какая-то особенная, цветастая. С ее края, размытого дождями, проглядывают ярко-желтые и ослепительно-белые глины. Вся гора покрыта крупными окатанными булыжниками самой разнообразной окраски. Камни желтые, красные, ярко-белые кварцевые, совершенно черные и даже зеленоватые. От изобилия красок пестрит в глазах. Очень много камней из мрамора, слегка просвечивающих, еще больше из оранжевого кремня. Гора возвышается над уровнем озера метров на триста. Когда-то здесь плескалось древнее море.

Далее простирается плоскогорье с каменистой пустыней. Мелкий камень плотно уложен на поверхности земли. Лишь кое-где на ней видны полувысохшие растеньица боялыша. Нет на этой обиженной земле ни птиц, ни ящериц, ни насекомых. Даже муравьев — завсегдаев пустыни и вообще любого уголка земной поверхности, не видно. Зато человек оставил следы своего давнего существования: несколько небольших курганов. Они построены на вершинах холмов и, что удивительно, совершенно целы, и алчный грабитель их не коснулся. Курганы выложены из булыжника размером с кулак взрослого мужчины и хорошо выделяются среди мелкого красноватого щебня каменистой пустыни.

Особенно поразил один курган. Кто-то заботливый и почитавший умершего выложил края кургана красивыми и разноцветными булыжниками. Этот курган — настоящее художественное произведение. Так через камень человек далекого прошлого, исчисляемого несколькими тысячелетиями, донес до наших дней частицу красоты. В этой дикой и заброшенной пустыне, отгороженной от материка летом водою, а зимой льдами, царит покой, безмолвие и отрешенность от жизни.

Однообразие безжизненной пустыни угнетает, и такой радостной показалась голубая полоска Балхаша. На краю острова большое белое пятно — след от озера, высушенного знойным солнцем. Долго бреду к озеру. Здесь был залив, но волны намыли узкий и высокий береговой вал и отделили его от Балхаша.

На озере отдыхают птицы. На берегу застыло несколько уток-атаек, крупные бело-черные утки-пеганки лежат на воде, положив голову на спину. У берега по воде не спеша бродят ходулочки, сверкая красными ногами. На мыске замерли черные бакланы. Снежно-белыми точками на темно-синей воде красуются серебристые чайки.

Птицы меня не видят, а я от них далеко, сижу на вершине горки, рассматриваю в бинокль. Но когда подхожу поближе, пернатое царство приходит в смятение. Бакланы уносятся в открытое пространство Балхаша, атайки и пеганки спешно поднимаются в воздух и, описав несколько кругов, тоже улетают. Взлетели и серебристые чайки, а ходулочки надо мною завели громкие и тоскливые крики. Не доверяют птицы человеку, стал человек для них врагом. Видимо, сюда приезжает немало любителей поохотиться, и не случайно на земле валяются стреляные гильзы охотничьих ружей.

Озеро окружает зеленый бордюр кустиков солянок, тростников. Здесь не то, что там, на голых горках. Прыгают кобылочки, перебегают от укрытия к укрытию ящерицы, стайка жаворонков опустилась на землю, птицы что-то ищут, кормятся. Зеленая полоска растений тянется от озера к другой стороне. Когда-то здесь была проточка, разъединявшая остров на две части. Кто-то решил пробить на ее месте канал. Как раз напротив острова в этом месте виден рыбацкий поселок Мынарал. Канал, наверное, был необходим как корот-

кий путь в открытую часть Балхаша. Он сокращал маршрут рыболовецких судов, которым ныне приходится обходить остров. Но беспокойный Балхаш в первую же штормовую погоду забросал канал щебнем и галькой.

После ненастья. Сегодня после ночного дождя муравьи основательно поработали, расширяя подземные жилища: влажную землю легче рыть, чем сухую. Всюду виднеются холмики свежавынесенной земли. Происходит сооружение поверхностных камер и галерей, в которых предстоит прогревать яички, личинки, куколки.

У каждого вида муравья холмики имеют свои особенности. У муравья-бегунка чаще всего они в виде полукольца и состоят из мелких комочков, выложенных аккуратным валиком вокруг входа. У муравья-жнеца — из крупных кусочков земли. От чего бы это могло зависеть? Оба вида муравьев одинакового размера.

Работа муравьев-строителей еще продолжается. Устраиваюсь рядом с лупой в руках. Бегунки, едва удалившись от входа, бросают землю и спешат обратно. У жнеца манера другая. Частицы земли упакованы в крупный тючок. Сверху он поддерживается челюстями, а снизу висит на чем-то. Оказывается, на нижней стороне головы виден ряд длинных щетинок, образующих настоящую бороду. Так вот для чего она нужна жнецу! Борода — своеобразная корзинка для переноса сыпучего грунта. Ранее мне удалось доказать, что жнецы роют свои ходы очень глубоко — до грунтовых вод. Ходы могут проникать на пятьдесят и, возможно, более метров глубины. С такого расстояния без «корзинки» не донесешь груз целым.

Переход от утренней прохлады к теплу неожидан. Ожили насекомые. Из травы выбрались кобылки-хортиппусы, в воздухе стали носиться мухи, небольшая белесая бабочка выписывает замысловатые круги над саксаулом. По светлой почве ползает черная оса-помпилла, охотница за пауками. А за ней, не отставая ни на шаг, следует крупная муха-тахина. Оса не обращает на нее внимания, слишком поглощена своими поисками, выстукивает усиками твердую землю. Может быть, она ищет норку паука, прикрытую крышечкой.

Тахина становится все более назойливой. Наконец оса ее замечает: оборачивается, рассматривает и продолжает заниматься своим делом. И так несколько раз. Потом, видимо почувствовав неладное, она взмывает

в воздух. За нею летит и тахина. Чем кончится охота коварной мухи? Судя по всему, оса должна найти паука, парализовать его, отложить на него яичко и закопать в норку. А муха намерена подбросить на чужую добычу свои яички. Из них тотчас же выйдут личинки и быстро съедят парализованного паука.

Конечный остров. Сегодня наша цель — остров Конечный. Он далек от берега, дальше всех островов, до него восемнадцать километров. Я не свожу глаз с тоненькой и длинной полоски на горизонте. Ветер бушевал всю ночь, по озеру гуляли волны, яростно шумел прибой. Утром царит необыкновенная тишина, озеро гладкое, как зеркало, и смотрятся в него причудливые перистые облака.

Мотор — наш мучитель — заводится неохотно. Но наконец мы мчимся по голубому простору, оставляя за собою расходящиеся в стороны валы. На пути мотор несколько раз внезапно глохнет — такого с ним не бывало. От неожиданной остановки срезается шпонка гребного винта. И как всегда, не заготовили впрок на случай поломки. Но все же заветная полоска берега медленно приближается...

Берег покрыт мелким красным щебнем. Отправляюсь на разведку в веселую рощицу разнолистного тополя, и едва вошли, как мой фокстерьер с диким завыванием погнался за зайцем, потом переключился на другого и возвращается не скоро, запыхавшийся, с вывалившимся языком и раздвоенным блуждающим взглядом.

Всюду помет лисиц. С острова видна темной полоской дельта реки Или. И зайцы и лисицы заходят сюда из пойменных зарослей, а когда, как рассказывают, на нем задерживаются вечные странники сайгаки, на островке появляются и волки.

На другом конце острова тоже большая, почти полукilометровая, рощица разнолистного тополя. Все деревья увешаны гнездами грачей. Но птицы покинули остров. Рядом с рощей белеет высохшее озеро в окружении густых зарослей разнообразных солянок. Остров низкий, почва его глинистая с небольшой примесью щебня, и, видимо, поэтому здесь почти полный набор растений пустыни из тамариска, чингиля, лоха, терескена, верблюжьей колючки и многих других, нет только саксаула.

Кое-где от куста к кусту перебегают линейчатые ящерицы. Всюду много их норок с небольшим пылевид-

ным выбросом почвы, исчерченным следами от хвостов. Без труда раскапываю их укрытия. Ящерицы, закапывающиеся днем в норки, — необыкновенное явление. Типично дневные животные, они, судя по всему, перешли на ночной образ жизни.

Ящерицам живется вольготно из-за того, что на остров не попали их главные враги — змеи, особенно змея-стрела. К ночному образу жизни ящерицы перешли по простой причине: их основной и изобильный корм здесь — ветвистоусые комарики — деятельны только ночью. Кроме того, возможно, новому обычаю способствовали грачи. Для них ящерицы — неплохая добыча. Но ящерицы заметно поуменьшили число других насекомых, научились спасаться от грачей, и птицам пришлось покинуть колонию. До материка же далеко, за едой не налетаешься. Так на острове установились своеобразные отношения между его обитателями.

В конце рожицы слышу тихое многоголосое щебетание и вспугиваю своим появлением большую стаю скворцов. Они заядлые путешественники, и посещение удаленного от берега острова — нетрудная для них задача.

Конечный остров очень понравился. Здесь можно было бы организовать маленький заповедник. Разнообразная растительность, рожицы на берегу, озеро, вдающееся в остров, делают его привлекательным.

Шустрый наездничек. Прежде чем покинуть остров, на солончаке среди низкорослых пахучих солянок заметил довольно высокую аккуратную, с крутыми склонами насыпь муравьев-бегунков, очень похожую на миниатюрную модель действующего вулкана. Сюда бегунки переселились весной. Пока почва солончака была влажна, они отлично поработали, вырыли для своей семьи хорошее подземелье, а грунт из него, по принятым обычаям, выдали на-гора не как попало, а вот таким красивым курганчиком.

У основания насыпи лежит ягода селитрянки. Я думал, что она здесь случайна, но к ней примчался бегунок, схватил ее и потянул вверх. Но слишком тяжела ноша, очень крут склон, и сыпуча его поверхность. Ноги скользят, мелкая пыль да комочки земли из-под ног скатываются вниз. Не может бегунок затащить ягоду в свой домик, бросает ее, скрывается в подземелье, возвращается обратно. И так несколько раз.

В очередной попытке муравья затащить ягоду замечаю над ним быстро мечущуюся точку и сразу догадываюсь: это наездник, но на муравьях-бегунках вижу его впервые. Он, конечно, особенный, бегунковый наездник. Кто же может метаться с такой невероятной быстротой? Бегунок сам очень быстр и ловок, и, чтобы его перехитрить, необходимы сверхбыстрый полет и необыкновенная верткость.

Крошечное существо просто неуловимо, мелькает из стороны в сторону с необыкновенной быстротой. Откуда оно берет такую энергию? И все же слишком быстр и чуток муравей, и едва только к нему подлетает наездник, как он успевает обернуться и стать в позу угрозы, раскрыв челюсти.

У бегунка дело пошло все же успешнее. Нашел наконец себе помощника, призвал на помощь. Теперь два муравья без особого труда забираются на гору с ношей. Вот и дождался наездничек момента. Когда труженики сильно заняты, они не способны заметить коварного недруга. Все так же, дергаясь из стороны в сторону, он подлетел к муравьям сзади, улучил момент и за мгновение успел отложить одному из них яичко. Добился все же своего!

Сварливые и воинственные чегравы. Небольшой, но высокий и скалистый островок немного в стороне от нашего пути возвращения с Конечного острова на берег, но все же захотелось свернуть к нему. При нашем приближении с островка поднялась многочисленная стая чаек. Их было два вида: один — знакомая нам и обыденная крачка, второй — показался необычным: с ярким красным и большим клювом и маленькой черной шапочкой. Красноклювые чайки кричали громко, пронзительно неприятным голосом. Я не сразу узнал их, так как впервые увидел в природе. Это были чегравы.

С громкими воплями чегравы принялись за своеобразную «психическую атаку»: стремительно летели на нас, нарушителей покоя, резко меняя свой обманный маневр и поднимаясь прямо кверху, почти над самой головой.

Остров весь покрыт птичьим пометом и довольно густо заселен птицами. Но жизнь на нем не казалась безоблачной. Валялись убитые великовозрастные птенцы и пуховички чеграв, крачек, а также и взрослые птицы, еще встречались расклеванные и несидящие яйца.

Большие пуховички, вняв родительской панике, вскоре собрались компанией и спустились в воду, а малые пуховички не собирались расставаться со своим гнездом, не разумея происходящего вокруг. Один пуховичок громко и надрывно вопил, широко раскрывая рот, в то время как его братец (или сестричка) безмятежно спал. Но потом и он проснулся, с неожиданной яростью набросился на кричащего, ударил его пару раз по головке и схватил за клюв, проявив тем самым весьма сварливый и воинственный чегравий характер.

Не желая больше беспокоить птиц и намереваясь как можно скорее избавиться от чегравей «симфонии», мы поспешно оттолкнули лодку, но завести мотор уже не смогли. Несколько долгих часов до глубокой темноты, шлепая по воде веслами-коротышками, плыли к берегу, изнемогая от усталости и злости к нашей упрямой железяке. Хорошо, что Балхаш, на наше счастье, был тих и безмятежен. Этот тяжкий путь был самым трудным испытанием за время всего нашего путешествия по озеру.

В единении — сила. Сегодня утром Балхаш необыкновенен: тих, спокоен, сверкает голубизной. Редко бывает таким озеро. Тучи ушли на рассвете, сейчас солнце начинает разогревать землю. По гладкой поверхности воды наш «Пеликан» плывет спокойно, оставляя позади широко расходящийся в стороны след. Наш путь лежит к острову, расположенному недалеко за островом Золотой Курган. До него не более пяти километров.

Высоко в небе появляется пеликан и, планируя, облетает нашего «Пеликана». Потом лодку обгоняет большая голубая стрекоза-анакс. Она превосходная летунья, тоже путешественница и держит путь к тому же берегу. Еще нас настигает большой слепень-табанус, облетает вокруг, но не садится, не пытается полакомиться кровью, а летит, как и стрекоза, тоже к острову. По пути встречаем несколько плывущих в воде кобылок-атбасарок. Они отправились в полет, да не рассчитали силы.

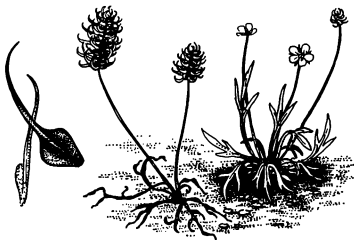
Из воды торчит небольшой каменистый островок. На его мыске, выдающемся в озеро, сидят баклан и возле него две сороки. Что им здесь понадобилось, на голой косе? Уж не ожидают ли они от искусного рыбака подачки? Многие птицы досаждают бакланам, отнимая у них рыбу. С другой стороны каменистого островка

в напряженной позе застыла серая цапля. Обеспокоенная нашим появлением, она не выдерживает, взлетает. Поднимается и баклан, за ним следуют сороки.

Вот и остров и глубокая бухточка, удобная для нашей лодки. Мы еще не успели пристать к берегу, как с него поднимается большая стая чаек с истеричными криками. Надо запастись терпением, обследовать остров. Он очень своеобразен — низкий, с пологими берегами из нежно-розовых гладких скал. По самой середине острова — кусочек каменной пустыни и небольшой солончак в понижении, зеленая полоска кустарника у галечникового прибойного вала. Удивительно разнообразие растений: высокий и колючий чингил, светло-сизый терескен, курчавка с красноватыми семенами, покрытый розовыми цветами тамариск, очень много самых разных солянок и сухих коротеньких злаков. Каждое растение разукрасило кусочек пустыни по-особенному. Всюду лежат выгоревшие от солнца совершенно сухие коричнево-красные листья ранневсеннего растения ревеня Максимовича. Его стебли с семенами давно обломались и, подобно перекати-полю, ускакали по ветру, упали в озеро, уплыли.

Но чайки не дают покоя, встревожены, крикливы. Среди них больше всех крачек, меньше малых крачек, еще меньше озерных чаек. Те же, чьи гнезда далеко, успокоились, часто взмахивая крыльями, повисают в воздухе над своим гнездом, прежде чем на него усесться. Нашли здесь приют и луговые тиркуши. Остров для них, любителей заболоченных лугов, необычен. Зато общество чаек кстати — вон какая большая и дружная армия выступила против нарушителей покоя! В единении — сила. Ради безопасности можно поступиться привычками предков и поселиться на сухом каменном острове, благо вокруг вода.

Осторожно ступаю по камням, боюсь отвлечься в сторону, чтобы не наступить на гнезда обитательниц острова. Яйца лежат просто в ямках, иногда окружены сухими палочками. Все они охристо-зеленоватые в многочисленных, подчас весьма замысловатых смоляно-черных точках, пятнышках, полосках, завитушках. В одних кладках яйца крупные, в других — помельче. Очень редки кладки из белых яиц, наверное, тиркуш. У птиц сейчас в разгаре откладка яиц, и птенцов еще нет. Больше трех яиц в гнездах нет. Такова предписанная жизненными правилами норма.

Птиц очень много, весь воздух пестрит от них. Поэтому я удивляюсь, когда вижу массу кобылок, всюду скачущих в траве. Что стоит такой ораве пернатых расправиться с ними! Но ни одна обитательница острова не охотится за кобылками, не трогает их. Значит, у чаек свои строгие правила поведения. На кобылок сейчас запрет, никто не имеет права их трогать до появления птенцов. Сейчас можно охотиться за кобылками только на других островах, где нет птичьих колоний. Не случайно над островом Золотой Курган реет так много занятых охотой чаек.

Подобный порядок, по-видимому, нередок среди птиц. Например, в окрестностях Алма-Аты скворцы до выведения птенцов улетают на охоту в пустыню, появляясь возле скворечников на короткое время только утром и вечером.

На крошечном песчаном пригорке обнаружил колонию ос-филантов, истребителей пчел. Их дела не особенно успешны: цветов мало, мало и пчел.

Шустро перебегают по земле ящерицы, шуршат сухими листьями ревеня. Под камнями спят скорпионы, приютилась фаланга, спрятались крошечные ящерицы-гологлазы.

Собираясь сесть в лодку, снимаю ботинки и удивляюсь: резиновые подошвы усеяны крошечными острыми семенами-шипиками. Не без труда их вытаскиваю и иду разыскивать растение, которому они принадлежат.

Оно совсем маленькое, низенькое, давно высохло, потеряло листочки, сохранило только стебель с шишечкой из семян, торчащих острием во все стороны. Каждое семечко — обладатель шипика, очень крепкого и острого, как иголка. Интересное растение! Наверное, приспособилось расселяться на копытах диких животных. Растение оказалось рогоглавником серповидным — цератоцефалус фалькатус.

Когда наша лодка отчалила от берега, большая стая птиц дружно и, как мне показалось, радостно проводила нас, очевидно желая нам более не возвращаться и не нарушать покоя их мирной обители.

Осиная столовая. У самого конца узкого и длинного полуострова Солончаковый расположен небольшой безымянный островок. Он высок, скалист и обрамлен по краям зеленью. Прежде на него нельзя было попасть без лодки, а сейчас к нему от полуострова тянется темная полоска воды — просвечивает дно. В шторм по мелководью перекатываются волны.

Сегодня по озеру плыть на лодке опасно, и мы решаем прогуляться на островок пешком. Брод неглубок, немного выше колен, но от волны не увернешься. Воздух сухой, горячий, и побыть мокрым даже приятно.

На полуостров Солончаковый в выходные дни по железной дороге приезжают рыбаки-любители. Некоторые из них добираются и до островка. Поэтому я не ожидал на нем встретить что-либо интересное. Но ошибся. Островок такой же, как и все удаленные от берега: на нем колония беспокойных крачек и тиркуш. Среди мелких камешков лежат их яички. Ступая по земле, поражаешься совершенству маскировки: гнездо как будто хорошо различимо, но только когда его увидишь. Между тем глаза многих не замечают. Иногда остановишься, хочется присесть, а приглядишься — вокруг лежат яички. В одном гнезде крачки оказалось другое яйцо, чуть уже, светлее, крапинки мельче. Чье оно?

Но на этом островке птицы не главное. По его краю расположены чудесные заросли цветущего кендыря с тонким нежным ароматом. Целое розовое поле. Рядом каменистая земля, вся покрыта стелющимся вьющимся ценанхумом. Его крошечные нежно-розовые цветы тоже чудесно пахнут.

На цветах паломничество сфексов — ос-парализаторов. Их «профессия» — заготавливать для своего потом-

ства добычу — различных насекомых. Каждый из них узкий специалист, охотится только на определенную добычу. Сами же разбойницы — строгие вегетарианцы, для подкрепления сил им нужен только один нектар цветов. Осы здесь разные. Вот очень большая черная с ярко-красным брюшком. Она смела, быстра, независима. Другая, великанша, вся желтая, в тонких черных полосках. Поразила одна оса, ранее никогда не виденная мной. Темное ее тело венчала голова с большими светло-серыми глазами. Они светились и сверкали, как огоньки. Мне бы, конечно, следовало ее поймать. Возможно, она новый для науки вид. Но рука не поднялась брать в плен такую красавицу. Пусть живет! Вдруг она очень редкая, исчезающая с лица Земли, таких сейчас немало в наш век преобразования человеком природы. Потом я долго вспоминал эту осу и мучился сомнениями: стоило ли упускать находку, могущую оказаться такой ценной.

Среди ос встречались и скромные труженицы — одиночные пчелы, на камнях кое-где виднелись искусно вылепленные из мелких камешков ячейки с детками пчел-осмий.

Откуда появилось это разноликое общество специализированных ос-хищниц? Превосходные аэронавты, они, без сомнения, слетались сюда со всех сторон, и маленький островок с кендырем и вьющимся ценанкумом служил для них спасительной обителью, чем-то вроде осиной столовой.

Среди компании ос быстро пролетело время. Между тем набежали тучки, солнце спряталось, осы притихли. Зато появились шустрые бражники-языканы. Virtuозные летуны, они не присаживались на цветы, а, повисая в воздухе, запускали свой длиннющий хоботок в кладовые нектара. Пока мы были на острове, ветер изменил направление, подул в обратную сторону, нагнал воду. Теперь брод доходил почти до плеч, и пришлось немало помучиться, прежде чем удалось перебраться с островка на полуостров, опасаясь за фотоаппарат.

Полуостров, очень давно бывший островом. День сегодня жаркий, и озеро, будто разморенное, заснуло, гладкое и ровное.

Издали, с дороги, среди равнины перед голубой полоской озера видны крутые черные горки, у одной из них — деревья рядом с кибиткой. Черные горки манят к себе, но попасть к ним сразу не удастся, путь

преграждает низина в рыхлых песках и усыхающих тростничках. Перед горками не так давно была вода, и они, окруженные ею, были островом. Горы сложены из красно-черных скал с прожилками из белого кварца. На горках видны многочисленные курганы. На самый большой из них взгромоздилась топографическая вышка.

К озеру скалы обрывистые, обработаны прибором, хотя вода отошла от берега. По краю обрыва сохранилась древняя тропинка. Иду по ней, нахожу небольшой нуклеус из голубовато-серого камня. На берегу озера нетрудно найти следы деятельности людей каменного века: то встретишь каменный скребок, то крохотный нож, а то и отщеп — осколок кремня, отскочивший при обработке орудия. У меня уже набралась их небольшая коллекция. У подножия скалы выглядывает из засохшего ила часть какого-то сосуда. Раскапываю, очищаю от грязи — и передо мной большой чугунный кубок. Странный сосуд, веет от него каким-то средневековым.

На горизонте гладкого озера, совсем недалеко от нас, явственно проступает черная и бугристая полоса. Она медленно становится все выше и выше, вдруг разрывается на три части, колышется, будто живая. Как мы сразу не заметили остров? Видимо, мешала жара и скрытый испарениями горизонт. Но, судя по карте, здесь не должно быть островов, хотя они могли недавно появиться.

Да, это был не остров, а мираж, отражение далекого южного берега Балхаша. А он казался таким заманчивым и правдоподобным...

Остров орлана-белохвоста. Утро тихое и ясное, и озеро спокойное, ласковое. Впереди, километрах в трех, лежит небольшой островок. Он как-то по-особенному светится и кажется нежно-золотистым. Нам бы сейчас туда ехать, да рыбаки подарили отличного сазана и пришлось его жарить.

С запада потянулись серые облака, вскоре они закрыли солнце, небо, и золотистый приветливый островок стал почти черным.

Мы заторопились. Забираясь в лодку, я видел на рукаве рубахи прекрасного молочайного бражника. Он настойчиво пробирался мне под мышку. Взял его в руки, подбросил в воздух. Бражник описал над нами круг и снова на меня уселся. Он явно не желал никуда

улетать и искал укрытия. Неужели бражники чувствуют непогоду?

После препирательства с мотором, не желавшим заводиться, мы помчались по озеру, но едва стали приближаться к острову, как нас настигли волны. Шторм был так неожидан и силен, что мы не успели как следует пристать к берегу — волна выбросила наше суденышко на галечниковый прибрежный вал, высотой почти с десяток метров. Здесь волны с яростью набрасывались на островок, находящийся посередине широкого залива. Немало они поработали, уложив валы галечника. Вся западная половина островка занята ими.

На островке густые кусты шиповника, усыпанные белыми цветами, несколько кустов тамариска, густая эфедра покрывала зеленую полянку. Особенно привлекательно выглядели небольшие заросли колокольчиков. Всюду высились тоненькие стебельки, увенчанные на концах шариками зреющих семян дикого чеснока. Высокая часть островка занята пожелтевшими от солнца злаками да крохотными кустиками солянки.

Как и следовало ожидать, нас встретили беспокойные и крикливые крачки, а прибрежные скалы чернели от галок. Стайка голубей сорвалась со скал и понеслась на материк. На самой высокой скале островка чернели три унылые и неподвижные фигуры уже оперившихся птенцов орлана-белохвоста. Их единственный родитель с беспокойными криками летал высоко над нами, сопровождаемый крачкой. Очень хотелось сфотографировать орлят, но двое из них, очевидно следуя сигналам с воздуха, залегли в гнезде и плотно к нему прижались. К тому же было пасмурно.

А волны стали еще больше: шумели, пенились и с яростью набрасывались на островок. Рыбачьи шаланды, маячившие вдали, давно разбежались по своим стоянкам. О возвращении на бивак не могло быть и речи. Мы оказались пленниками островка. В спешке и по беспечности не взяли с собою еды. Медленно и скучно текло время. Я улегся на вершину вала и стал наблюдать за жизнью обитателей этого кусочка земли, окруженного водой. Площадь островка около четырех гектаров. На нем обитают сотни три крачек и галок. Птицы давно успокоились и занялись своими делами. Крачки добывали корм в озере. Даже сейчас, в шторм, они ухитрялись, ловко лавируя над самой водой между волнами, склевывать выходящих из воды комариков. А гал-

ки? Кобылок на острове почти не было. Их давно склевали птицы. Неужели тоже пробавлялись комариками?

Крачки занимали два участка — узкие полосы земли с редкой растительностью. Здесь располагались их гнезда. Галки заселили прибрежные кусты и самую высокую часть, поросшую высохшими злаками. Если какая-либо из галок приближалась к территории, занятой гнездами крачек, на нее тотчас же с криками нападали хозяйки. Неприкосновенность границ соблюдалась строго.

К гнезду орла никто не подлетал — ни крачки, ни галки. Но если воспитатель птенцов поднимался в воздух, одна крачка все время его преследовала. Одна и та же? Возможно, когда-то орел или кто-либо из его сородичей нарушил нейтралитет, чем-то ее обидел...

Восточная сторона островка, обращенная к открытой части озера, образована обрывистыми скалами. Здесь нашли прибежище голуби. Они уже вывели птенцов и посещают остров по старой памяти. Голуби — отличные летуны и на кормежку могут летать за многие километры.

Берега острова усеяны рыбьими костями. Немало и черепов грызунов, видимо пищух. Большие чайки ловят их на материке, а здесь отгрыгивают их кости погадками.

Возле кустов шиповника с подветренной стороны держались стрекозы-стрелки. Они охотились на комариков, поднимаемых порывами ветра с густых зарослей растений. На яркой сине-зеленой площадке, поросшей эфедрой, сидело множество жуков-коровок, их личинок и куколок. Жуки тоже охотились на комариков, только мелких, прячущихся от ветра на земле.

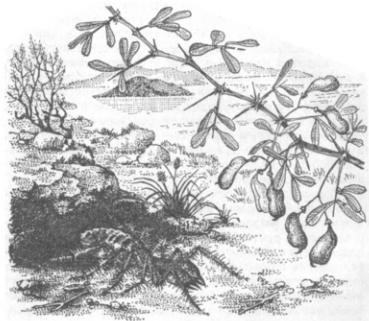
Галоши — лучшая обувь для поездки, в них можно забраться в лодку с воды. Но ходить в них по земле неудобно. Я снял галоши и стал надевать захваченные с собой ботинки. В одном из них нога натолкнулась на что-то твердое, оказывается, на кусок жареного сазана. У нашего Кирюшки утром не бывает аппетита, и свою порцию еды он прячет, дома же для этой цели любит использовать тапочки. Мы обрадовались Кирюшкиному подарку. Завернули в бумагу. Может быть, пригодится. Кто знает, сколько придется еще здесь торчать в ожидании хорошей погоды.

Приближался вечер. Далекie пустынные берега Балхаша все еще покрывала пелена пыли — свидетельство

продолжающегося урагана. Стали готовиться к ночлегу. Выкопали ямки-постели, вокруг них нагребли валики от ветра, натаскали сухого валежника и... спохватились: оба некурящие, не взяли с собой спичек.

Но Балхаш сжалился над нами. Поздно вечером ветер стих, исчезли белые гребешки на волнах, и тогда наш «Пеликан», подпрыгивая и звонко шлепая о воду своим широким дном, благополучно доставил нас на бивак.

ПО БЕРЕГАМ ОЗЕРА

Стрекозы-путешественницы. Утренний воздух еще прохладен и свеж. В щелке лобового стекла поет ветер тихую песенку. Однообразие бега машины сперва успокаивает, потом начинает усыплять. Для водителя такое состояние самое опасное. Мои же спутники давно залегли, оставив меня со своими мыслями. И вдруг необычное! Над дорогой реют стрекозы, целая стая! Проходит десяток минут, а наша машина все еще их не миновала. Скорость полета стрекоз небольшая, около двадцати — тридцати километров в час, друг от друга они не особенно близко, выдерживают дистанцию в несколько метров. Воздушная армада движется по ветру на запад, насекомые явно куда-то путешествуют.

Массовые переселения животных — явление широко распространенное. Громадными стадами кочуют дикие северные олени. Антилопы, сайгаки зимой переселяются к югу, где мало снега. Целыми полчищами бегут крошечные лемминги, обитатели тундры, не останавливаясь перед препятствиями и нередко погибая в водах ока-

завшихся на их пути рек и озер. Таежная жительница белка иногда, как бы обезумев, снимается со своих родных мест и мчится в одном направлении, неожиданно появляясь в крупных поселениях и городах. Летят и насекомые. Целыми стаями переселяются саранча, некоторые бабочки. Есть среди бабочек и такие, которые, подобно птицам, осенью регулярно летят на юг, а весной возвращаются на родину. Не так давно в пустыне Семиречья я видел массовое переселение сразу двух видов гусениц. Придется остановиться посмотреть, да заодно поймать несколько переселенцев.

Для пассажиров проезжающих мимо автомобилей, вероятно, смешное зрелище видеть, как пожилой человек, подобно мальчишке, гоняется с сачком за стрекозами. Но что поделаешь!

Скоро у меня стало несколько пленниц. Стрекозы небольшие, все одного вида симпетрум флавеолум. Полет их меня озадачил. Все они летят с Балхаша, пересекая ветер, дующий с востока на запад. Озеро отсюда недалеко, в одном-двух километрах. Достигнув асфальта, стрекозы поворачивают вдоль него и следуют над ним по ветру на запад. А стрекозам зачем асфальт? Может быть, над ним больше нагрет воздух и сильнее токи, над которыми лететь легче? Сейчас утро, по сравнению с дневной жарой прохладно, но ветер силен, около сорока километров в час, и вряд ли ощущается разница в температуре над дорогой и вне ее. К тому же почти все стрекозы летят на высоте около пяти — восьми метров над землей. Нет, тут что-то другое! Стрекозы явно следуют асфальту, возможно воспринимая его как реку, водный поток, вдоль которого и надлежит путешествовать как можно дальше. Жизнь стрекоз связана с водой, все их детство проходит в воде. Ну а стремление к расселению, к поискам новых мест, пригодных для жизни, к выселению оттуда, где скопилось слишком много сородичей, существует в той или иной степени почти у всех животных.

Дороги ушли от Балхаша далеко, и я, потеряв из виду синее озеро, будто что-то утратил. Вокруг же каменистая пустыня и бесконечные холмы. Наш путь теперь к острову Тасарал — Каменному. Долго едем по пустыне, минуем большое полувысохшее озеро, потом белый от соли участок в понижении между сухими и желтыми горками.

Уже двадцать километров, как мы съехали с шоссе,

а озера все нет. Наконец показывается вдали такая желанная синяя полоска воды, и мы, едва добравшись до берега, устраиваемся в редкой рощице тамариска.

Миролюбивые хищники. Рядом с нами лиловые цветы осота. Они раскачиваются от легкого ветра, ажурная тень тонких листьев и веточек растения скользит по тенту. Вокруг солянки, самые разные: желтоватые, с красным оттенком, изумрудно-зеленые, почти синие. Большое озеро тоже разное: зеленое, синее, лиловое. Ветер почти затих, замерли растения, не колышутся.

На осоте тонко жужжат крошечные пчелки-андрены, чуть пониже тоном — пчелы-листорезы, едва слышен шорох крыльев мух-жужжал, иногда раздается громкая песня осы-эвмены.

К вечеру озеро синее, покрывается легкой рябью, из тростников выплывают чомги и начинают громко кричать. В это время осот покидают насекомые, и песня их крыльев смолкает. А еще позднее, когда загорается первая звезда, над берегами озера сперва тихо-тихо, а потом громче, яснее, совсем громко поднимается тонкий звон. Над кустиками тамариска, над самыми разными солянками вьются в воздухе легкими прозрачными облачками мириады крошечных ветвистоусых комариков. Вьются деловито, настойчиво, исполняя предсмертный танец своих далеких предков под звуки траурной музыки прозрачных крыльев.

Рано утром первое, что видим на потолке противомоскитного полога, — бездыханные тельца комариков, светлые, почти прозрачные, с нежными перистыми усиками. У них скрючились ноги, высохло тельце, а две точки черных глаз продолжают смотреть, как живые.

Над кромкой тростников показывается красное солнце. Зеленые лучи пучками бегут по небу, отражаются в воде. Не спеша пролетают цепочкой белые цапли и тоже отражаются в воде. Под лучами солнца они совсем розовые с синими тенями.

Солнце открывает одну за другой ложбинки, покрытые солью, и тогда неожиданно над землей, над зарослями трав загорается тонкими нитями паутина. Она везде, особенно ее много на сухих веточках. И тот осот, что возле тента, тоже оплетен ею. Все опутано сверкающими нитями, и они увешаны гирляндами мертвых комариков.

Тут же по нитям вяло ползают пузатые, объевшиеся пауки: и полные степенные мамыши, и поджарые строй-

ные отцы, и множество паучков-детенышей самых разных размеров. Все они в нарядных костюмах, украшенных тончайшим узором из темных полосок, линий, зигзагов, точек. На прозрачной нежно-зеленой груди сверкают черные полосочки, на голове выпуклые черные глаза, на ногах торчат во все стороны острые щетинки. Никто из пауков не обращает внимания друг на друга. Все пауки — хищники, эти же такие необычные в своем миролюбии. Еще бы! Ночная трапеза закончена, а пищи все еще вдоволь. Вон сколько висит ее на нитях! Каждый сыт по горло, объелся, ленив, равнодушен к окружающему.

Солнце поднимается над озером, паутина перестает сверкать, блекнет, будто растворяется в воздухе. Ветер тронул воду рябью, зашуршали тростники, гирлянды комариков стали раскачиваться на нитях и осыпаться на землю. Прячутся пауки в надежные укрытия на весь долгий жаркий день: дети находят укромные места в тени у оснований кустиков, матери забираются в уютные, из тонкого белого шелка шатры, растянутые на сухих веточках растений, отцы пристраиваются вблизи белых шатров.

Когда на землю опадут все мертвые комарики, тогда станет видно, сколько всюду развешано маленьких, не больше самих пауков, коконов. Они сплетены из тончайшей паутины, а снаружи покрыты кудрявыми толстыми оплетками пряжи. В кокончиках находятся или аккуратно уложенные, зеленоватые, чуть продолговатые яички, или крохотные, только что родившиеся паучки, или паучки, уже готовые к самостоятельной жизни, быстрые, ловкие. Многие кокончики пусты. В них остались сверкающие белизной оболочки яичек и прозрачные рубашки паучков — первая их линька.

Еще выше поднимается солнце, еще жарче нагревается земля. Солянки источают особенный запах солончака. Над лиловым осотом начинают крутиться пчелки-андрены, пчелы-мегахиллы, осы-эвмены.

Вывеска лядвинца. За рощицей тамариска с лиловым осотом тянется низкий щебенчатый берег озера, украшенный красивой полоской цветущего эспарцетного астрагала. Здесь весело реют крошечные бабочки-голубянки, деловито снуют, звеня крыльями, небольшие пчелы-антофоры. Рядом зеленый луг. Сине-зеленое озеро гонит слабые волны на берег, они тихо и ритмично шелестят, навевая покой.

Кое-где между астрагалами полянку заняли крохотные изящные растения из семейства бобовых — лядвинец густолиственный лотус фрондозус. У него цветы разной окраски: часть желтые, часть ярко-красные. Забавный двухцветный цветок! Растение кончает цвести, цветов на нем мало, зато много длинных коричневых стручков. Они раскрылись, каждый скрутился в тугую и правильную спираль, высыпав маленькие серо-зеленые бобики. Стручков зеленых или почти созревших мало. Это растение заинтересовало меня, захотелось с ним поближе познакомиться.

Разглядываю цветок. У него, как и у всех бобовых, «парус», два «весла» и «лодочка». Ярко-желтые цветы, оказывается, свежие, еще не раскрыты, если их потормошить как следует пинцетом, цветок будто после посещения насекомого-опылителя расправляет весла, но лодочка остается на месте, прикрывая пестик. У цветов же опыленных, у которых начал развиваться стручок, весла только чуточку расходятся в стороны, а цветок полностью не раскрывается. Не нашел ни одного цветка, раскрытого по-настоящему. Кроме того, на тыльной стороне паруса появляются оранжевые пятна и полоски, потом парус и весла с лодочкой краснеют, весь цветок меняет окраску и становится ярко-алым. Это вывеска, она будто гласит: «Цветок уже опылен, делать здесь насекомым нечего, просим более не беспокоить!» И желтые, и красные цветы очень яркие, поэтому их состояние можно угадать и издали, детально не разглядывая.

Мне нравится эта деликатная предусмотрительность растения, созданного великой эволюцией органического мира. Нет ли у цветка своего особенного и редкого опылителя, деятельности которого помогает и само растение?

Сейчас на нем я не вижу никаких насекомых. Встретился какой-то крохотный жучок, как будто слоник. Он сидел в самом цветке, лакомясь нектаром. Его я прозвал. Еще в цветке оказались маленькие скопления тлей, но сколько я ни вглядывался в них, не мог сказать, чем они занимались, то ли сосали по своему обыкновению соки растения, погрузив в него хоботок, то ли, быть может, лакомились нектаром, что для этой братии вообще-то необычно. (Один раз мне удалось подметить пристрастие тлей к сладкой жидкости на цветах кендыря. Это наблюдение, как и следовало ожидать, вызвало

свойственное ученым недоумение, так как дело касалось нового, неизвестного и необычного.)

Очень интересно, как длинные и прочные стручки способны так правильно и туго закручиваться в спираль. Очевидно, этот сложный акт, совершаемый под воздействием каких-то механических сил, способствует разбрасыванию семян. Я тормошу, нажимаю, разламываю нераскрывшиеся стручки, надеясь, что они внезапно завьются спиралью, выстрелив семенами, как делает всем известная недотрога, но напрасно. Растение не желает выдавать свою тайну.

Оказывается, нераскрытые стручки кем-то поражены. В них поселились поедатели бобиков — крохотные личинки. Кому они принадлежат и кто из них должен развиваться? Вначале я нахожу крошечного блестящего сине-зеленого наездника. У него красивые большие глаза и изящные коленчатые усики. Он, без сомнения, друг растения и враг поедателей бобиков. Немало времени уходит на поиски, прежде чем находится и сам преступник — тоже крошечный серо-желтый с темно-синей головкой и нежным длинным хоботком слоник. Он очень шустр. Только стручок был разломан, едва оказавшись на свободе и увидев свет, тотчас же раскрыл крылья и собрался отправиться в полет.

Теперь становится понятным, почему в стручках есть очень маленькие, точечные отверстия и отверстия побольше. Первые — сделаны хоботком слоника, чтобы засунуть в полость стручка яичко, вторые — прогрызены как выбирающимися наружу жучками, так и поедателями-наездниками.

Слоник, поселив свое потомство в стручке, нарушает сложный механизм развития спирали и разбрасывания бобиков. И даже оставшиеся целыми бобики не могут освободиться из плена и упасть на землю. Так маленький жучок оказывается врагом растения.

Кто все-таки опылители лядвинца? Брожу по берегу с сачком в руках, вглядываюсь в желтые цветочки, ожидающие визитеров. Голубянки и пчелки-антофоры резвятся на астрагале эспарцетном, не обращая внимания на лядвинец. Теперь мне начинает казаться, что роль опылителей исполняют крохотные слоники-апионы, и они вовсе не враги растения, хотя их личинки и питаются бобиками, а первейшие друзья, так как опыляют это растение, враг же, наоборот, — изящный наездник. Но что значат мои предположения, основан-

ые на одной мимолетной встрече? Надо продолжать поиски.

Вечером ветер затихает, озеро синее, потом, отражая зорьку, становится розовым. Пора думать и об отдыхе, и я бреду к биваку с надеждой закончить поиски ранним утром.

Ночь выдалась жаркая и душная. К утру подул свежий ветер. Потом он разыгрался и к восходу солнца стал сильным и порывистым. Озеро потемнело и зашумело волнами. Половину дня я ждал, когда стихнет ветер, но он не унимался, растения металось из стороны в сторону, кусты тамарисков раскачивались вершинами, непрерывно трепетали сиреневыми головками астрагалы, позвякивали сухими стручками лядвинцы. Голубянки, пчелы-антофоры попрятались в укромные места и не показывались. Не было никаких насекомых и на лядвинце. Так и не удалось узнать, кто же опыляет его желтые цветочки.

Остров Каменный. К острову Каменному (почему он так называется, было непонятно) мы решили подъехать с восточного мыса большого безымянного полуострова. Отсюда остров ближе к берегу. Мыс оказался длинным, узким, изогнутым и, что более всего понравилось, необитаемым. На низкий его берег, поросший кустарниками и травами, набегали волны. Впереди простирался обширный и открытый водный горизонт. Здесь озеро казалось морем.

Наш бивак почти против самой южной оконечности острова. На нем виднелся маяк. К нему мы и направили утром следующего дня наше суденышко.

Западный берег острова низкий; галька переслоена песком. По нему тянется кромка зеленой растительности. А далее — пологие горки, щебень, кое-где останцы скал, выгоревшая на солнце трава. Без особого интереса начал поход по острову. Но вскоре увидел перед собой очертание кургана. Да не одного, а сразу нескольких, настоящее скопление курганов, и не простых, а в некотором отношении особенных. Каждый курган сложен из крупных, окатанных водой булыжников, невысок и окружен кольцом из камней. У одного кургана обрамляющее кольцо состоит из заботливо и аккуратно выложенных двух рядов камней. Курганы не одинаковы: одни больше, другие меньше. Возле них выложены из камней разные площадки, кольца, курганчики, треугольники. Они что-то обозначают, быть

может, имеют астрономическое значение. Все курганы в общем однотипны и принадлежат, наверное, одной родственной группе, клану, династии вождей и их родственников. По каким-то соображениям они избрали этот уединенный остров Балхаша, его самый дальний южный конец, вдающийся в открытое пространство синего озера.

Я в восторге от находки, с интересом несколько раз обхожу курганы, рассматриваю их орнаментировку. Наношу курганы на план, и, когда он возникает на бумаге, передо мной открывается удивительная картина, изваянная несколько тысячелетий назад.

Курганы, окруженные кольцом из камней, встречаются и на территории Семиречья, Южного и Центрального Казахстана. Они принадлежали древнему народу — сакам, одному из племен загадочной Скифии, а также, возможно, и другим народам. Захоронения на островах? Этого никто не знал...

Обитавшие здесь народы не оставили после себя письменных памятников, а китайские летописи крайне лаконичны. Судя по ним, в районах Внутренней Азии в самые отдаленные времена, еще до нашей эры, обитавшие здесь племена имели светлые волосы и голубые глаза. В китайских летописях времен династии Хань в IV—III веках до нашей эры упоминались пять племен голубоглазых русоволосых людей. Они всегда враждовали с китайцами, и не случайно в Китае существовала устойчивая традиция изображать демонов с голубыми глазами и рыжими волосами. По строению черепов они были европеоиды. Племена эти на юге назывались «ди», на севере — «динли». Некоторые ученые относили эти племена к народам индогерманского происхождения. Исследования погребений в Минусинской котловине поколебали это мнение. Рыжие и голубоглазые азиаты представляли собой древнейшую ветвь европеоидов, которая эволюционировала параллельно с нордической расой кельтов. Это были древние охотники за мамонтами и крупными копытными животными. В погоне за добычей они расселились в послеледниковый период по степям Европы и Азии.

Еще раз гляжу на курганы, обхожу их, и тогда приходит неожиданная догадка...

Обычно курганы воздвигались на местности по гребню возвышения, холма или хребта и располагались один за другим цепочкой. Здесь же столь аккуратно

возведенные погребальные сооружения находились как будто в хаотическом беспорядке. Не изображает ли это расположение курганов какое-либо созвездие? Древние жители нашей планеты почитали небо, звезды, Солнце, Луну. В их таинственности они видели сущность потустороннего бытия и всевышнее начало мироздания.

Казалось бы, эту догадку не так трудно проверить, сравнив расположение курганов с картой звездного неба. Но саки жили в нескольких веках до нашей эры, а за два тысячелетия взаимное положение звезд на небосклоне немного изменилось в силу так называемой прецессии. Впрочем, астрономы могут воссоздать карту положения звезд для любого времени.

Интересно, какие еще сюрпризы преподнесет мне Каменный остров? Но едва я отхожу от некрополя древних саков, как вижу еще два кургана, обрамленных кольцами из камней. Правда, у одного из них кольцо несколько иное, сложено из камней редких, но больших. Затем вижу курган тоже из булыжника, но без круга. Зато этот курган окружен вплотную большими, вкопанными торчком красными камнями. Вблизи этой группы выложено просто небольшое кольцо камней без каких-либо признаков захоронения. Еще дальше тоже курган без кольца, но весь из красного камня.

Загляделся на курганы, не заметил сразу самый большой из них, находящийся в стороне. Он в диаметре около пятидесяти метров, сложен также из булыжников, но середина просто из светлой земли. Окружен он большими, размером с табуретку и более, редко поставленными камнями. Все сооружение в диаметре около ста метров. Персона, покоившаяся под землей, была, очевидно, высокого ранга, и ей отвели вершину холма.

Связаны ли в единый ансамбль все курганы? Возможно. Археологам и, наверное, астрономам придется в будущем немало поломать голову над ними, а пока что вездесущие грабители уже попытались забраться в самый первый курган из группы и в самый большой на бугре.

Курганы на острове, где вряд ли когда-либо существовало большое селение человека, само по себе явление исключительное и археологии неизвестное.

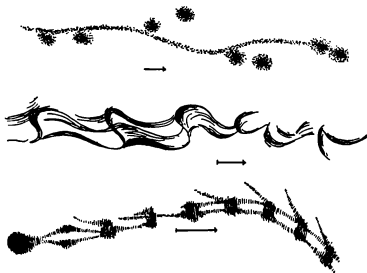
Курганы отняли немало времени. Теперь перехожу на восточный берег и недалеко от него вижу большой

круг, выложенный из двадцати четырех камней. В центре круга нет никаких следов захоронения. Он, видимо, имел ритуальное значение. Камни установлены очень давно, на десятки сантиметров погрузились в землю. Но самое забавное — рядом с каменным кругом, назовем его так, среди реденьких и коренастых солянок на земле проглядывает круг из разреженной растительности. Возможно, это давний отпечаток уплотненной почвы. Пустыня долго хранит следы деятельности человека на своей поверхности, и, например, вокруг старинных курганов, непосредственно к ним примыкая, тоже видны на земле круги разреженной растительности или растительности другой, не создающей фон пустыни.

Далее я вижу настоящие песчаные дюны, песчаную пустыню и кое-где пески большими буграми, так называемые чеколаки, скрепленные кустами тамариска и селитрянки. Никогда не видел на песках это исключительно солелюбивое растение. Тут же растут кустики терескена, полынь, кое-где чингил.

В барханах острова Тасарал. В одном месте на голых барханах разгулялся ветер и выдул глубокие воронки. На склоне одной из них среди песка белеют чьи-то кости, и надо бы спуститься вниз посмотреть, да лень. Впрочем, все же придется себя заставить: опыт научил ничего и никогда не оставлять без внимания.

Я не раскаиваюсь, так как находка очень интересная: берцовая и бедренная кости человека и части черепа. Как жаль, что все остальное разрушено временем. Еще вижу кости, а в них что-то зеленоватое. Это копчик овцы и изъеденный ржавчиной бронзовый нож. И еще что-то твердое. Осторожно разгребаю песок и вижу остатки кувшина, его нижнюю часть, вылепленную руками, а не на гончарном круге. Затаив дыхание, выдуваю из него песок. На дне что-то темное. Вглядываюсь и вижу массу личиночных шкур мух. Найдка озадачивает. В кувшине находилась еда. Вероятнее всего, мясо. В него мухи успели отложить яички. Прожорливые личинки уничтожили еду, окуклились, но выбраться на волю уже не смогли, нашли могилу вместе с погребенным. Хитин насекомых очень прочен, не гниет, долго сохраняется. Интересно, какое положение костяка? Определить нетрудно — череп в одной стороне, кости ног — в другой, противоположной. Вытаскиваю компас: примерно пятьдесят семь градусов. В этом

направлении солнце восходит почти в день летнего солнцестояния в конце июня, когда на земле царит самый длинный день. Археологи, описывая захоронения, обычно упоминают лаконично и приблизительно, куда был направлен костяк. Рождается простая догадка: умершего хоронили, укладывая ногами точно в том направлении, в котором в день похорон восходило солнце.

Таким образом, по положению костяка более или менее точно можно указать время года похорон. Разве это не интересная догадка! В ее рождении мне помогли мухи, вернее, хитиновые оболочки мух. Теперь слово за археологами, и я надеюсь, что, прочтя эти строки, они, принимаясь вскрывать могилы, будут пользоваться компасом.

Следы на песке. Звери и птицы боятся человека, скрываются от него, но часто на местности, на земле записано множество следов ее жителей. Вот почему, чтобы получить представление об обитателях острова, я стал бродить по барханам. На нем оставляют следы и насекомые, в том числе и самые мелкие. Но следы на песке очень недолговечны. Подует ветерок и сразу все сгладит.

Обычно в песчаной пустыне, кажущейся безжизненной, ночью кипит неумная жизнь ее многочисленных обитателей, и рано утром всегда с удивлением видишь,

как весь песок изрисован следами. Записей ночной жизни столько, что не прочтешь сразу и, чувствуя на первых порах себя безграмотным, долго будешь путаться. Вот и сейчас так.

Тихие прибрежные дюны кажутся голыми. Над ними висит жаркое южное солнце. Песок так раскален, что ноги печет через подошвы ботинок. Здесь немало следов. Особенно много наследили ящерицы. (На рисунках проставлены три масштабные линейки: линия с поперечной черточкой и стрелкой равна одному дециметру; линия только со стрелкой на одном конце равна одному сантиметру. Линии-стрелки одновременно указывают направления движения животного, оставившего следы.) Какие-то мелкие, по-видимому круглоголовки. Вот одна выглядывает осторожно из норки. Другая про-

бежалась поверху, но, увидев меня, прижалась к песку, качнулась из стороны в сторону и моментально в нем потонула, исчезла, будто ее и не было. Теперь попробуй ее найти. Вижу и след ящерицы покрупнее, он, судя по всему, принадлежит молодой агаме. Мышка промчалась от норки к норке, оставляя на рыхлом песке следы не только лапок, но и длинного хвостика. Кто-то большой истоптал на краю бархана песок, но следы очень неясные, наложены друг на друга. Чьи они? Джейрана, или косули, или домашней козы? И такое может случиться. Хорошо виден один отпечаток, за ним другой, и сомнения исчезают: копытце с очень нежными острыми носками — след передней ноги джейрана. Не ожидал, что на острове обитает эта редкая газель. Наверное, случайно забрела сюда зимою, а сейчас прячется от человека.

Стройная цепочка следов, вытянутая в струнку, пересекает бархан. Так ходит только лисица или ее меньший брат — корсак. Следы малы для лисицы, значит, принадлежат корсаку.

Любопытная каменка-плясунья увидела меня, подлетела, посидела на кустике, помахала хвостиком, опустилась на песок и помчалась по нему. Нельзя упустить возможность, надо зарисовать ее следы.

Интересный след повстречался на вершине бархана: как будто отпечатки крохотных копыт с едва заметными коготками. Следы принадлежат типичной птице пустынь Средней Азии — быстрокрылой садже. Да, у нее такие странные лапки, будто копытца с тремя крохотными коготками. Видимо, ей чем-то выгоднее иметь копытца, нежели обычные лапки.

Какие интересные извивы оставила на земле змея! Но какая — не скажешь. Никто не изучал различие в следах змей.

Кто-то небольшой, выскочив из норки, не спеша бродил возле нее, присаживался на задние ноги, сделал несколько скачков, а затем поскакал большими прыжками, отпечатывая по парочке следов. Какой интересный отпечаток каждой лапы, с валиком вокруг и узким ровиком по окружности подошвы! Если посмотреть след в профиль в поперечном разрезе, то получится примерно такая картина: хозяин следа обладает своеобразными лыжами, их можно было бы назвать арочными, специально приспособленными для бега по песку.

Сильно заинтересовал неизвестный обладатель песчаных лыж. Узнать бы, кто он. На склоне бархана виден конец следа и норка. Что, если попробовать ее раскопать! Но едва подхожу к норке, как нога слегка проваливается и на песок выскакивает чудесный зверек. Он прыгнул на двух ногах, размахивая длинным хвостиком с белым платочком на кончике, скакнул несколько раз большими прыжками и скрылся. Так вот кто ты такой! Это типичный обитатель песчаной пустыни — мохноногий тушканчик.

Вижу еще следы тушканчика, но другого. Очень характерны его следы. Принадлежат они так называемому трехпалому тушканчику. На следах хорошо видны три его пальчика и точка от пяточки.

Заметили меня на бархане большие песчанки и, поднявшись столбиками, засвистели тревожными голосами. Где только нет этого неприятеля и самого распространенного жителя пустыни! Как-то пробрались сюда, на этот остров? Их следы крупные, похожи на беличьи, задние ноги больше передних и при движении заносятся впереди них. Местами хорошо виден отпечаток длинного хвоста.

Посчастливилось — увидел интересный след! Он принадлежит крупной птице, и в нем нетрудно узнать очень редкую и ныне почти исчезнувшую дрофукрасотку. Шагая по песку, она слегка чиркала по нему кончиком среднего пальца. А уж шла так ровно, такой стрункой протянулись отпечатки... Такая походка, видимо, необходима, когда надо бесшумно и незаметно пробираться среди зарослей трав и кустарников, чтобы не задевать за растительность.

Пора обратить внимание и на мелкие следы, прорисованные многочисленными обитателями песков, насекомыми. Но как узнать, какие отпечатки кому принадлежат? Придется приглядеться к тем, кого не надо разгадывать, кто сейчас разгуливает по барханам. Вот ковыляет по песку большой черный жук-чернотелка блапс, и следы его ног довольно своеобразны и характерны. Усиленно работая ножками-коротышками, семечит мокрица. И ее след характерен. Откуда-то выполз на горячий песок небольшой коричневый жук-слоник. Ему жарко, он торопится и, работая изо всех сил ножками, на каждом шагу клюет по песку своим длинным хоботком, оставляя им следы-точки. Не зная, не догадаешься, откуда эти точки. Какой-то небольшой

серый пустынный клопик, вооруженный острым хоботком, тоже на ходу кивая головой, оставил следы-точки. Решила прогуляться по песку гусеница бабочки-совки, очевидно, в поисках корма или укрытия, и ее след — как гладкая канавка с едва заметными полосками от ног-коротышек. Прополз кургузый жук-чернотелка.

Безумствующие путешественницы. Прекрасный золотистый песчаный пляж протянулся на целых полтора километра до далекого каменистого мыса. Он сверкает чистотой. Сине-зеленые волны, украшенные белыми гребешками, спокойно набегают на него. Добравшись до чистого песка, Кирюшка в упоении кувыркается в нем, выражая таким принятым в его племени способом радость жизни.

Не спеша шагаю по кромке мокрого и твердого песка, стараясь не попасть под волны, посматриваю по сторонам. Загляделся, едва не прозевал интересное под самыми ногами.

По песчаному берегу ползет целая армада гусениц. Они очень нарядны: в красных шишечках с султанчиками белых и черных длинных волос. Это распространенные в пустыне насекомые — гусеницы бабочки оргии дубуа. Самки бабочек без усиков, без ног и глаз — бархатистый комочек, набитый яйцами. Самцы — нормальные, небольшие, коричневые бабочки.

Гусеницы ползут почти вдоль берега на юг, как мне показалось, прямо на солнце. Многие из них попали на мокрую полосу берега, смачиваемую волнами, вода закрутила их, забила, и они застыли. Тех же, что ползут по сухому песку, легкое дуновение ветра сносит, как соринки, в сторону к высокому берегу. Но ни ветер, ни волны не останавливают движения гусениц, и они ползут друг за другом и ползут...

Я прошел уже более полукилометра, а шествию гусениц нет конца. Они пришли сюда с береговой растительности, отправились в вояж все вместе, повинаясь какому-то загадочному и единовременному для всех повелительному сигналу.

Возможно, инстинкт расселения повелел гусеницам отправиться в путь потому, что стало тесно, не хватает еды, возникла угроза опустошительного заразного заболевания, возникающего при массовых размножениях и частом контакте друг с другом. Впрочем, у этой бабочки переселения гусениц могут быть обыденными. Если самки бескрылы, безноги, безглазы и сидят на одном

месте, где окуклились, кому же расселяться, как не гусеницам? На суше эта черта поведения полезна и необходима. Полезен ли на острове этот инстинкт расселения?

Встреча с гусеницами задержала поход по острову. Но я рад. Какой сегодня удачный день: сразу три интересные находки! И я продолжаю наблюдения...

Сейчас дует прохладный ветер, не жарко и песок не нагрет, иначе пришлось бы нелегко гусеницам на горячем берегу. Наблюдая гусениц, еще раз убеждаюсь в том, что приспособляемость к окружающей среде прежде всего обеспечивается изменчивостью поведения, за которой уже следует изменчивость и в строении тела. Вот и здесь автоматизм гусениц в переселении тоже оказался неодинаковым. Я вижу, как часть гусениц повернула обратно, как бы убедившись в бесполезности и небезопасности заранее взятого направления пути по острову. Некоторые гусеницы, испытав удар набежавшей волны, резко меняют путь и уходят от опасности, заворачивая к сухому берегу, тогда как другие настойчиво отдаются во власть волн. И наконец, у части гусениц-путешественниц будто угасает инстинкт к смене мест, и они начинают искать укрытия, где можно передохнуть, собраться с силами после долгого похода. Кое-кто из них забирается на верхушки случайно оказавшихся на пути былинки, кое-кто прячется в тень под вынесенную прибоем всякую рухлядь, хотя еще не жарко, и немало тех, кто продолжает путь по песку.

Золотой пляж кончается. Далее идут скалистые обрывы. Здесь нет береговой полосы растений, нет и гусениц. Теперь мне остается пересечь остров в обратном направлении. Неожиданно из-за сопки выскакивают три сайгака и, опустив книзу горбоносые головы, уносятся за горизонт, поднимая ударами копыт облачка пыли. Забрели сюда во время зимних кочевок и остались.

На следующий день наша лодка вновь мчится наперерез волнам, дует свежий ветер, и брызги воды обдают лицо и одежду. Со скалы снимается большой орлан-белохвост, за ним с криком гонится крачка.

В белом утесе, он почти на самом северном краю острова, волны выбили большие ниши: крупные камни и обломки скал усеяли весь берег. Но почему белые камни, расположенные под нишами, пестрые, все

в черных точках? Поднимаю кверху голову: всюду в нишах расселись большие и хорошо знакомые по лесным островам пауки. Скалы увиты паутиной, в углублениях видны их паутинные трубки, набитые коконами с яичками. Но здесь пауки сидят открыто, им не нужны паутинные логовища, разве что на первое время после изготовления коконов и откладки яичек. Неплохое место выбрали для себя прожорливые хищники! Сюда, в ниши, набивается масса ветвистоусых комариков, и паукам вдоволь еды.

Тут же, по камням, бродят маленькие пауки-скакунчики и пауки-бокоходы. Им тоже перепадает немало добычи. Ползет обыкновенный тарантул ликоза зингорензис. В челюстях он тащит полувысосанного паука-аранеу. Тарантул большую часть жизни проводит в своем жилище — вертикальной норке. В ней он и охотится на случайно заползающую в его убежище добычу. Норки свои покидают только самцы, когда приходит время разыскивать самок, да самки с паучками, когда необходимо их расселять. А здесь тарантул — как бродячий паук-охотник!

Ловко перебирая паутинные нити ногами, тщательно обследует ниши изящная оса-сцелифрон. Она охотница за цветочными пауками, которыми кормит своих личинок. Неспроста тут сцелифрон. Видимо, намерен на камнях построить гнездо из глины для своего потомства.

Выбираюсь на берег. Мне предстоит теперь обследовать вторую, северную часть острова. И вдруг вижу несколько небольших, сложенных из камней курганов. Два из них — на самом краю скалистого обрыва, один полуразрушен обвалившимся берегом. Без сомнения, курганы были сооружены не на краю обрыва, а вдали от него, но прошли тысячелетия, берег, разрушаемый волнами, подвинулся. Потом всюду по берегу, на холмиках и небольших возвышениях, вижу небольшие курганы, тоже сложенные из камня. Всего их, наверное, не менее сотни. Теперь я уже не сомневаюсь: Каменный остров служил некрополем древним жителям этой земли и, видимо, был поэтому своеобразным заповедником.

Постепенно перебираюсь к восточному берегу и попадаю в царство высоких скалистых обрывов. Волны без устали разрушают их основания. Вершины, нависшие над озером, раскалываясь от собственной тяжести,

обрушиваются на берег громадными глыбами. Кое-где на берегу большие ниши, в нескольких из них вода. Не про такие ли ниши мне говорили рыбаки — якобы в них, по рассказам стариков, прежде жили громадные, толщиной чуть не с бочку, змеи. Народная фантазия безгранична!

Очень хороша одна ниша — пещера. Узкий ход в нее приводит в небольшое отверстие — естественный дымоход. Не поэтому ли на стенах этой маленькой пещеры видны следы от копоти костров? Возможно, она не раз служила приютом рыбаков, охотников и отшельников.

Кое-где возле обрывов расположены небольшие рощицы тамарисков и чингиля. Они очень оживляют ландшафт суровых и диких скал.

В этом конце большой и обрывистый утес слегка отошел от берега, и на его вершине орлы сложили из прутьев гнездо. Птицы пользовались им много лет, обновляя каждый год свое строение. Гнездо почти цилиндрическое, больше метра высотой. Но какой-то бездушный негодяй вбил посередине гнезда большой кол, сделав тем самым жилище непригодным для птиц. С трудом перебираемся на утес и вытаскиваем кол.

После долгого пешего пути по острову приятно сидеть в лодке, ощущая ее стремительное движение. Стрекочет мотор, и мы весело мчимся мимо высоких скал.

Кончились скалы, и перед нами знакомый золотистый песчаный пляж. С него снимается стая диких гусей. В воздухе проносятся с мелодичными криками чернобрюхие рябки, на большом камне сидят и, как всегда, галантно раскланиваются каменки-плясуньи.

Пристали к песчаному берегу узнать, что стало с гусеницами-путешественницами. Паломничество в неведомые края закончилось. Нет более легиона гусениц, перекатываемых ветром по песку, нет и погибших у прибойной полосы. Но кое-где видны еще скопления неудачных путешественниц: в теневых участках возле камешков и разного мусора, выброшенного на берег волнами. Сюда они спрятались на самое жаркое время дня и, видимо, как только похолодает, расползутся в разные стороны. Инстинкт расселения угас.

Вот и самая южная оконечность острова с замечательными курганами. Впереди пролив, вдали за ним на темной полоске берега едва различимыми точками видны наша машина и желтые палатки рядом с нею.

Покидая живописный Каменный остров, я думаю о том, что из всех островов он, пожалуй, наиболее интересен. Как было бы хорошо организовать на нем заповедник! Этот необыкновенный по красоте и многообразию ландшафтов уголок достоин того, чтобы сохранить его природу.

После Каменного острова у нас трудный пробег через город Балхаш. Трудный потому, что мы, избалованные, не можем заставить себя остановиться на берегу озера с многочисленными следами, оставленными автомобилистами-туристами. Там, где валяются консервные банки, бутылки, обрывки бумаг, где природа осквернена, чувствуешь себя неуютно, как в грязной комнате, на душе тяжело, и синее озеро теряет свое обаяние.

У нас же твердое правило: уезжая с бивака, мы уничтожаем решительно все следы своего пребывания. Прежде чем сесть в машину, все трое придирчиво осматриваем место стоянки. Одновременно и проверяем: не забыли ли свои вещи. Правило это стало почти автоматическим и настолько укоренилось в наш полевой быт, что, встретив брошенный и захламленный бивак, мы негодуем на человеческую ограниченность в восприятии окружающего и на неуважение к тем, кому еще понадобится это место. Что касается меня, то я не способен понять психологию дикаря-путешественника с его наплевательским отношением к природе и часто задаю себе недоуменный вопрос: «А как сами захламители выбирают место для остановки? Неужели им безразлично, в каком оно находится состоянии?!»

Город для нас кстати. Здесь мы запасаемся продуктами и заполняем емкости пресной водой. Дальше Балхаш соленый, совсем дикий и безлюдный.

Балхаш — полупроточный водоем. Этот заголовок может показаться необычным, и географы не без основания способны вознегодовать. Какой же Балхаш полупроточный?! Нет, это типичное бессточное озеро, в него впадают реки, из него же не вытекает ни одной, и проточности не существует. Но все бессточные водоемы Юга соленые. Таков Арал, Каспий, да и многие другие. Но Балхаш соленый только наполовину, его западная часть, питаемая могучей рекой Или, — пресная. В этом Балхаш уникален. Нет в мире ни одного озера, разделенного на две части, соленую и пресную.

От города Балхаша мы проехали недалеко, придерживаясь дорог, идущих вдоль самого озера. Подъехали к тому месту, где с противоположного берега протянулся длинным узким выступом полуостров Сарыесик. Он низкий, местами слегка заболоченный. Озеро в этом месте кажется неинтересным. Между концом полуострова и северным берегом озера всего лишь шесть километров.

Полуостров возник очень давно, когда река Или протекала через пустыню Сарыесикотырау и впадала в озеро примерно на полторы сотни километров восточнее современной дельты. Здесь она отлагала ил, постепенно создав полуостров. Потом, как и все реки пустыни, блуждая, ушла к западу. Полуостров создал своеобразную обстановку, между ним и берегом возник узкий пролив, разделивший озеро на две половины. Через пролив постоянно протекает вода. В спокойную погоду, а также особенно при ветре, дующем с запада, пресная вода, приносимая рекой Или, передвигается в восточную и уносит в эту часть озера соли, тем самым как бы обновляя и предохраняя от засоления западную часть. Но во время восточных периодических и большей частью кратковременных ветров соленая вода поступает через пролив в западную часть, возвращаясь обратно, как только ветер затихает.

Если бы реки, впадающие в восточную часть Балхаша, — Каратал, Аксу, Лепсы, Аягуз несли бы воды больше, чем река Или, или столько же, то вода в озере была бы равномерно соленая. Но они по стоку меньше, к тому же сейчас почти полностью зарегулированы, то есть используются на орошение сельхозугодий.

Капчагайское водохранилище угрожает существованию Балхаша. В числе многих и большей частью беспомощных мер, предлагаемых для спасения озера, возникла идея строительства плотины между полуостровом Сарыесик и северным берегом. Шесть километров, да еще в месте, где глубина озера не более двух — четырех метров, при современной технике земляных работ — задача несложная. Плотина преградит путь соленой воде в пресную часть озера, утечку пресной — в соленую и замедлит обмеление озера и его угасание в пресной части. Перемычка якобы экономит около трех кубических километров воды для западной части Балхаша.

Все простое и доходчивое легко находит сторонников. Но хороша та простота, которая вытекает из

многообразия фактов, а не из их упрощения. Во-первых, создание плотины, допустим даже со шлюзами (вспомним, кстати, историю с Кара-Богаз-Голом на Каспии), то есть регулируемой, приведет к тому, что бурный Балхаш тотчас же нагонит на нее легко перемещаемый щебень, которым покрыто дно озера, как только соленая часть его начнет обмелевать. Плотина станет глухой и монолитной дамбой. В этой опасности легко убедиться, поглядев на места обмеления озера, где волны моментально намели обширные валы гальки. Во-вторых, как только Балхаш будет разъединен на две части, его пресная половина, став бессточной, превратится в накопитель солей, гербицидов, пестицидов и удобрений, самоочищение ее прекратится, и она станет соленой. Если же соленая часть озера почти безлюдная, то по берегам пресной немало селений, есть и города. И наконец, в-третьих, соленая часть озера, лишенная притока пресной воды, быстро обмелеет, еще больше засолится. А она дает шестьдесят процентов улова рыбы. С обнажившегося дна, кроме того, ветер будет поднимать пылевые бури, и соли начнут развеваться и покрывать земли, в том числе и сельскохозяйственные массивы бассейнов рек Каратал, Аксу, Лепсы, и эта часть озера повторит печальную судьбу Арала.

Минводхоз, как и любое другое ведомство, отстаивающее свои интересы, ухватилось за эту идею, тем более подкупающую грандиозностью масштаба, и приготовилось к ее осуществлению. Надо сказать спасибо общественности и ученым, сумевшим доказать абсурдность этой затеи и временно ее приостановить. Временно... Опасность осуществления чудовищного проекта существует. Потребуется еще доказательства, что не столь просто изменять природу, слагавшуюся во всей своей неизмеримой сложности многими тысячелетиями.

Остров Агазы. Четвертый крупный остров Балхаша — Агазы — самый большой в соленой части озера. Из всех островов он единственный, на котором живут люди. Чтобы подъехать к нему, мы пересекаем длинный, с узким перешейком полуостров Байгабыл. Очень мне нравится этот полуостров тем, что не обжит человеком, дик, безлюден. Лишь немногие дороги, проделанные рыбаками да случайными посетителями, петляют по нему. По одной из дорог мы и добираемся до конечности полуострова, вдающейся в озеро, минуя несколько

старинных, сложенных из глины, простеньких мавзолеев. Через широкий пролив открывается и остров Алгазы с различным в бинокль небольшим поселком на его восточном берегу.

Едва мы стали устраивать бивак, как от берега острова отделилась моторная лодка и, вздымая расходящиеся в стороны волны, стремительно помчалась к нам. В лодке трое загорелых мужчин и мальчик лет шести. Два сильных мотора «Вихрь», каждый по двадцать пять лошадиных сил, нам кажутся сказочной техникой в сравнении с нашим моторчиком «Москва». Прежде на острове был небольшой рыбозавод. Теперь же на нем живут только метеоролог с женой и ребенком, радист и моторист. Они сразу заметили появление нашей машины и примчались с визитом.

Меня беспокоит наш дальний путь, наши запасы горючего не очень богаты, и помощник мой начинает мастерить из фланелевого одеяла парус. Ольге тоже находится работа: под кучками корней тростника, выброшенных на берег, оказались скорпионы. Оба моих спутника заняты и довольны.

Вечером солнце садится в тучу. Завтра может начаться на несколько дней западный ветер. Он погонит пыль вместе с машиной. Езда с попутным ветром — мучение.

Ласточки-береговушки летают стайками над берегом, охотятся на комариков-звонцов. Наступают сумерки, затихает озеро, тучи комариков затевают брачные пляски. В это время с озера на берег летят комарики, только что вышедшие из куколок, и ласточки летают над водой. Видимо, комарики, выбравшиеся из воды, вкуснее тех, которые уже пожили на кустах, похудели. Необычно видеть этих птиц, бодрствующих в сумерках. Только когда становится совсем темно, они исчезают.

Кто только не кормится комариками-звонцами! На прибрежных кустах живет целая армия разнообразных пауков. Ночью упавших на землю комариков поедают многочисленные прибрежные ухвертки. Прибегают и жуки-чернотелки лакомиться этой легкодоступной пищей. Не случайно под камнями на берегу озера нетрудно найти и спящего днем скорпиона. Он тоже не пренебрегает этой мелкой добычей, попутно прихватывая и других насекомых, покрупнее. Немало ящериц кормится только одними звонцами.

Я всегда вспоминаю о наших маленьких экспедициях в лодках и о сухопутных экскурсиях по неисследованным местам с таким восторгом, какого не возбуждали во мне никакие зрелища цивилизованного мира...

Созерцание пейзажа несомненно служило для нас настоящим источником самого высокого наслаждения...

Ч. Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света

◁ Золотой Курган и коса от него

Острова Тасарал

Балхаш. Большие заливы.

Виден противоположный берег

Река Леже — старица

Степной орел

«Картинная галерея»

Кусок метеорита
или шлак с большим
содержанием железа

Остров Тасарал.
Магические кольца
древних

Жук на цветке

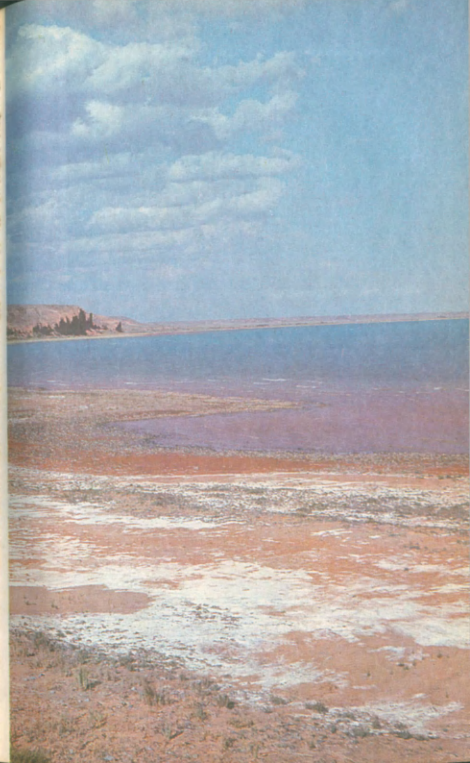
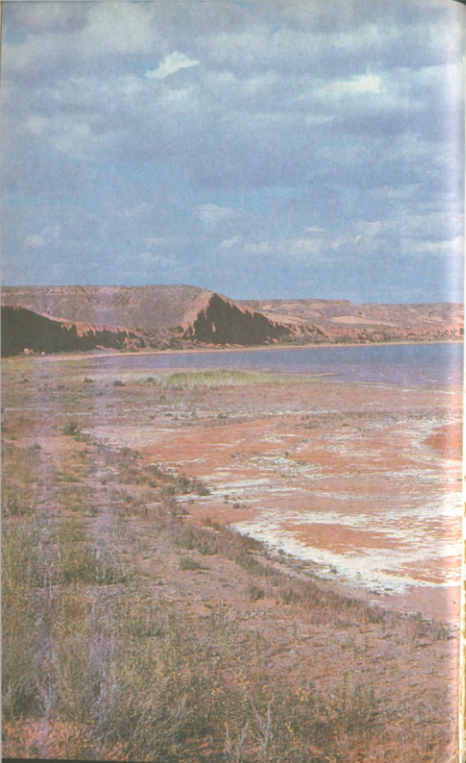
Фаланга

Кузнечик

Пустынная мокрица

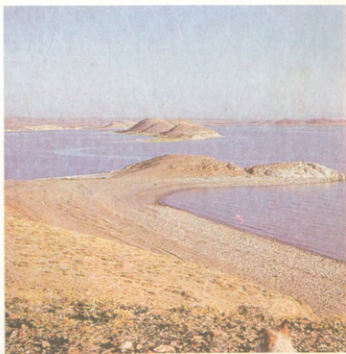
◁ Балхаш. Красные берега
вблизи

Гусеница

Острова Мынарала
и коса

Красный жучок

Острова Мынарала

Остров,
густо заселенный птицами

Колония черноголового
хохотуна

Яйца чегравы

Птенцы чегравы

Черепаша, страдающая бессонницей
Растения берега озера
Здравствуй, Балхаш!
Тугай реки Лепсы ▷

В прибрежных кустах, набитых комариками, копошатся крошечные птички-славки, тихо перекликаясь друг с другом цокающими голосочками. Иногда налетает кочующая стайка скворцов. Даже некоторые чайки, например реликтовая, при изобилии комариков потчуют своих птенцов почти исключительно этими нежными насекомыми. Многих кормят комарики-звонцы!

Большой куст тамариска — отличное убежище для комариков. Их сюда набрались целые тучи. Сидят, пережидают жаркий день, чтобы вечером приняться за брачные пляски. Куст близок к биваку, идя к реке, я обхожу его стороной. Ненароком спугнешь их, и тогда поднимутся роем, забьются в волосы, одежду. А сегодня я был свидетелем своеобразной охоты ласточек-береговушек.

Комарикам не посчастливилось: беспокойным оказалось их убежище. Налетела стайка ласточек и закрутилась вокруг куста дружным и согласным хороводом, все в одну сторону, против часовой стрелки. Не зная, в чем дело, подумаешь, что птицы затеяли веселую игру. У комариков же такая привычка. Не могут они усидеть на месте, если кто-либо окажется возле их укрытия. Взлетят, пожужжат и обратно спрячутся. Этой слабостью и пользуются ласточки, сгоняют с куста и ловят. Хорошо поохотились ласточки, насытились и улетели. Но через полчаса снова наведались и опять устроили хоровод.

Утром царит тишина, озеро застыло, гладкое. Небо в легких слоистых размытых облаках. Без ветра наш самодельный парус ни к чему, не поможет сэкономить бензин.

Западная оконечность острова Алгазы, до которой мы добрались на нашем «Пеликане», низкая, изрезана живописными лагунами. Балхаш здесь намыл галечниковую косу, соединив остров с двумя крошечными островками. Здесь настоящий птичий рай. У берега на воде спят стайки уток, чайки выстроились длинными белыми цепочками на косе, стоят у воды цапли, по голубому заливику плавают солидные пеликаны. Но птичий мир не безмятежен. Завидев нас, утки поднимаются и улетают, тревожатся чайки, а пеликаны, оглядываясь на нас, спешно отплывают в открытую часть озера. Не доверяют птицы человеку, наученные печальным опытом, теми, кто так любит пострелять пернатую дичь. Эта малочисленная часть человечества, не без

гордости именуемая себя охотниками, лишает остальных радости общения с природой, и мне обидно, что животный мир причисляет и меня к своим врагам.

В общем остров представляет собой небольшой, но очень сильно сглаженный хребтик с берегами, поросшими тамарисками да травами. Он приятен своей чистотой. Ранней весной, видимо, остров очень красив: всюду видны засохшие стволы ферул, прутики эремурусов, головки коробочек тюльпанов с семенами, сухие семечки дикого чеснока. С бугра я вижу две светлые точки. Они медленно перемещаются по склону, скрываются за горизонтом. В бинокль едва успеваю разглядеть сайгаков. Тоже остались на лето, как и на Каменном острове.

И здесь человек древности оставил следы своего существования. На вершине одного холма сперва нахожу один курган, затем другой. Оба кургана небольшие.

С южной стороны острова хорошо видны большие барханы пустыни Сары-Ишик-Отрау. Путешествуя по этой пустыне на машине, я пытался проникнуть в эти пески, но не мог, такие они голые, большие и крутые. По сведениям старожилов, там должны быть остатки старинного средневекового городища. Но сейчас о нем никто не знает, и, возможно, теперь его уже занесло песками.

Ветер доносит до меня резкий запах животных. Мой фокстерьер, предчувствуя развлечение в погоне за овцами и коровами, мгновенно мчится вперед, но вокруг никого нет. Сконфуженная собака возвращается обратно и плетется сзади. Ей нелегко ступать по горячим камням, и она наловчилась держаться в тени, падающей на землю от меня.

С вершины холма вижу вдали нашего «Пеликана». Лодка приближается к берегу, и мне надо идти к ней. С подветренной стороны в углублении между холмами лежит небольшое стадо верблюдов. Фокстерьер их не различает (все домашние собаки близоруки), и я, желая избежать опасного для него развлечения, беру его на руки и несу. Верблюды увидели меня, встрепетались, подняли головы, всматриваются. Потом вскочили на ноги и вдруг все сразу поспешию пошли наперерез к берегу. Мне не особенно приятен их маневр. Иногда, особенно весной, верблюды нападают на человека и могут нанести опасные раны.

Собака увидела животных. Теперь с ней не совладать, совсем взбесилась, терзает меня лапами. Приходится спустить на землю. Вскоре большие и грузные животные в панике, преследуемые маленьким фокстерьером, галопом разбегаются во все стороны, одновременно пытаясь поразить неожиданного врага быстрыми ударами передних ног. Довольный фокстерьер, распаленный, бежит к озеру и забирается в воду.

На лодке мы огибаем остров и причаливаем к поселку. Он состоит из нескольких побеленных домиков метеорологической станции. На антеннах радиостанции уселась большая стая ласточек-береговушек. Судя по земле, разукрашенной пометом, здесь их излюбленное место сборища и отдыха.

После непродолжительного знакомства и беседы с обитателями острова мы отчаливаем от него и держим путь на едва заметную точку нашего бивака. Пронулся западный ветер, крепчает с каждой минутой, по озеру бегут волны, и наше суденышко, обдаваемое брызгами воды, настойчиво приближается к цели.

Сверкающее зеркальце. Полуостров Байгабыл нам понравился, и мы на нем задержались. Гостеприимные метеорологи снабдили нас пресной водой, за ней они плавают в устье реки Каратал, от острова в сорока километрах. Я брожу по острову в поисках интересных находок. На земле, покрытой коричневым от солнца щебнем, увидел два крохотных ярких и белых пятнышка. Когда же присел, крохотные пятнышки повернулись вокруг оси и снова заняли прежнее положение. Я собирался отдохнуть после похода, посмотреть с высокого холма на сверкающий синевой Балхаш, но теперь не до этого...

Медленно-медленно тянусь поближе к увиденному, но тяжелая полевая сумка (сколько раз она меня подводила!) неожиданно соскальзывает с тела и ударяется о землю, а белые пятнышки, сверкнув, улетели. Все кончилось. Нет больше ничего. Быть может, и не будет никогда. Сколько раз так случилось!

Теперь можно отдохнуть, полюбоваться озером. Далеко за Балхашем виднеется узкая полоска берегов таинственной песчаной пустыни Сары-Ишик-Отрау. А еще дальше в воздухе повисла линия иззубренных снежных вершин Джунгарского Алатау. Озеро замерло, будто нежится под солнцем, заснуло. Лениво размахивая крыльями, вдоль берега пролетает одинокий

хохотун. Черный, покрытый камнями голый берег, синяя вода, синее небо, тишина, глушь, извечный покой древней земли.

А на камешке опять появились две яркие белые точки. Колыхнулись, покрутились и снова замерли. Теперь я осторожен, весь внимание. Медленный наклон туловища (некстати впились в локти острые камни) — и передо мной незнакомка — небольшая серая, вся в мелких густых волосках мушка с ярко-белым зеркальцем на голове и сверкающей серебряной отметинкой на кончике брюшка. Отчего так ослепительно сияют белые пятнышки, что за чудесные волоски так сильно отражают свет яркой пустыни, неба и озера? Белые пятнышки, конечно, не случайны, они своеобразный светофор для сигнализации друг другу. Вероятно, этот светофор не прост и отражает лучи определенного спектра.

Осторожно целюсь в мушку фотоаппаратом, весь в напряжении, задерживаю дыхание. Лишь бы не спугнуть, хотя бы не улетела. Щелчок, другой. Теперь ловить! Но в нескольких метрах мелькнула в воздухе какая-то темная точка, и моя мушка умчалась за ней.

Более часа я брожу с сачком в руках в поисках мушки с белым зеркальцем. И когда, махнув на все рукой, собираюсь идти на бивак, нападаю на счастливое место: на чистой площадке на камешках сразу несколько мушек сверкают белыми пятнышками!

Нелегко их ловить, таких быстрых и ловких. Но я счастлив. Первая добыча в сачке. Потом в морилке. Сейчас через сильную лупу посмотрю на свою находку. Но в морилке нет мушки с белым пятнышком, а вместо нее лежит самая обыкновенная. Неужели, взмахнув сачком, я поймал случайно другую, а ту, интересную, упустил? Как это могло получиться? Ведь в сачке она как будто была одна?

Но вот теперь попалась вторая. Она жалобно жужжит в сачке крыльями, сквозь белый материал видно ее сверкающее украшение. Теперь поймать хотя бы еще парочку — и тогда можно искупаться.

Но в морилке снова не вижу белолобой мушки. Вместо нее та же серая, обыкновенная. Ничего не могу понять! Будто кто-то снова подменил ее и потешается надо мной.

На долю секунды мелькает сомнение, уж не происходит ли со мной неладное из-за жары и жажды, не

пора ли бросать охоту? В голове шумит, мелькают в глазах красные искорки, пересохло во рту. Не заметил, перегрелся.

На биваке я молчу, ничего не рассказываю. После купания и обеда забрался под тент и, отдыхая, раздумываю о загадочных мушках. Посмотрю-ка их детальнее. Вот они, на крышке коллекционной коробки. Что с ними теперь делать? Зачем они мне, такие невзрачные? Наверное, оба раза они попадали в сачок случайно, вместо тех, с чудесными отметинками. Всяких мух везде много. Может же произойти такая редкая случайности!

Пока я равнодушно рассматриваю свой улов, вытряхнутый из морилки, у одной мушки постепенно светлеет голова, становится белой, начинает светиться и неожиданно сверкает ослепительным зеркальцем вместе с пятнышком на конце брюшка. За первой и вторая мушка преобразилась.

Я ликую, огорчения как не бывало. В морилке, заряженной кусочками резины, пропитанными дихлорэтаном, гигроскопичные и, конечно, особенной структуры волоски мгновенно пропитались парами яда и потеряли способность отражать свет.

На всякий случай я снова кладу одну мушку в морилку, вынимаю ее обратно и вижу преобразование сверкающей красавицы в серую посредственность и обратно. Как я сразу не догадался, в чем дело! Название мушки оказалось цитереа альбифронс.

Черепаша, страдающая бессонницей. Несколько дней назад, подъезжая к берегу, резко очерченному зеленым цветом от желтого фона выгоревшей пустыни, мы увидели черепаху. Неторопливая и медлительная, она не спеша спрятала свои ноги и голову под панцирь, слегка выдвигая из-под него голову с маленькими подслеповатыми глазками. Племя черепах давным-давно погрузилось в долгий сон на все лето, осень и зиму до будущей весны, а эта какая-то необычная нарушительница законов, принятых черепашиным обществом, разгуливает по свету. Но чему удивляться! Никогда не бывает в жизни все одинаковым, обязательно оказывается кто-либо не такой, как все, необычный, как в данном случае наша незнакомка.

Кирюшка, как всегда, устроил над черепахой истерику. Но вскоре привык: черепаха поехала с нами, стала вроде как членом экспедиции.

Сегодня понадобилось резиновое ведро, в котором сидела черепаха, Ольга переложила пленницу в хозяйственную сетку, подвесила ее на железный кол. Черепаха высунула голову и ноги из панциря и уставилась глазами на синий Балхаш. В этот момент милые и всегда любопытные каменки, увидев неведомое существо, начали крутиться над сеткой, повисая в воздухе или садясь рядом на землю. Черепаха для них оказалась явно необычным посетителем этого места.

Долго любопытные птички не могли успокоиться. Может быть, каменки еще бы крутились возле черепахи, да вблизи от бивака внезапно залаяла наша собака, кого-то нашла. Надо идти смотреть.

Собака с яростью раскапывала нору, совала в нее морду, обезумев от ярости, хватала землю зубами. Из норы раздавался резкий и отрывистый крик. Там сидел хорь-перевязка. Отважный зверек, уловив момент, с громкими воплями бросался на собаку, делая ложные выпады, успевая вовремя нырнуть в темноту норы. Я с удовольствием глядел на полосатую мордочку зверька с горящими глазами-угольками. Разъяренный фокс-терьер исцарапал меня лапами, пока я его, сопротивляющегося, нес на руках к биваку. Другого способа прекратить баталию не было.

Прячущиеся на день. На берег озера волны выбросили крупные куски окатанных корней тростника. Где-то на южном и низком болотистом берегу беспокойные воды Балхаша разламывают старые тростниковые крепи, долго их гоняют по воде, затем, выбросив на каменистый берег северной стороны озера, катают их взад и вперед, придавая форму округлых цилиндров

длиной до метра и более. Во время сильного шторма, отброшенные далеко от берега, они остаются лежать на земле, иногда полуприкрытые песком и щебнем.

Сегодня я решил перевертывать эти «окатыши», посмотреть, кто под ними. Самые маленькие обитатели побережья и островов от света и солнца прячутся во всевозможные укрытия и жаркий день проводят в палатке. Обитателей тростниковых окатышей оказалось очень много и самых разных. Поближе к берегу на влажном песке под ними скрываются прибрежные уховертки. Задрав над собою клешни и размахивая ими, они быстро разбегаются в поисках укрытия от жарких лучей солнца. Под окатышами на более сухой почве прячутся уховертки Федченко, темно-коричневые, почти черные, с двумя пятнами на надкрыльях. Ночные бродяги, они на день собираются большими скоплениями по сотне и даже более особей. Обе уховертки процветают там, где много комариков — их легкой добычи. Вместе с ними часты жулики и чернотелки. Еще дальше от берега под окатышами иногда спят фаланги и скорпионы. Очутившись на берегу, фаланга угрожающе подскакивает, поскрипывая своими острыми челюстями, потом мчится искать тень. Если вокруг голая земля, фаланга бежит прямо ко мне, я отбегаю в сторону, но она продолжает как бы преследовать меня. Тот, кто не знает, в чем дело, невольно напугается. Фаланге же нужен хотя бы маленький кусочек тени, в которой можно укрыться от солнца и горячей земли, и человека она воспринимает как крупный неодушевленный предмет.

Скорпион спит крепко и не сразу пробуждается. Очнувшись же, проявляет неожиданную прыть и, подняв над собой хвост с ядоносной иглой на конце, также спешит куда-нибудь скрыться.

Однажды из-под перевернутого окатыша выскочили два птенчика-пуховичка чайки-крачки. Под одним окатышем оказалось пять маленьких ярко-розовых комочков, каждый не более полутора сантиметров. Комочки вяло ворочались. Мельком взглянув на неведомые существа, я опешил от неожиданности: никогда в жизни не видал таких необычных существ.

Ольга, помогавшая переворачивать окатыши, тоже растерялась.

— Да у них есть ручки и ножки! — вскрикнула она.

Тогда, приглядевшись, я узнал в крошечных розовых созданиях новорожденных и еще слепых мышат.

Миф или действительность? Южный берег Балхаша совсем недалек от острова Алгазы, и мне приходит в голову мысль съездить туда. Там расположены непроходимые для автомашин летом пески пустыни Сарыесик-Атырау. Ранее я путешествовал по этой пустыне. По ней в давние времена текла река Или, меняя свое русло, было развито орошаемое земледелие. Остались многочисленные следы мощной ирригационной системы, древние городища. Нашествие монголов смело этот очаг земледелия, река Или вскоре отошла далеко к западу, где и течет поныне. Кроме ранее известных четырёх городищ я обнаружил еще два неописанных. Все городища располагались цепочкой примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, начинаясь от северного склона хребта Малай-Сары, ограничивающего пустыню с юга, и кончаясь километрах в сорока от берега Балхаша. В раннее средневековье (VI—X века нашей эры), к которым относятся городища пустыни, они стояли в стороне от древних центров и торговых путей, идущих с юга через перевалы Курдай и Кастек Заилийского Алатау.

Невольно вспомнилось, как вскоре после Великой Отечественной войны, во время путешествий по Семиречью, мне встретился старик чабан, который рассказал, что в пустыне Сарыесик-Атырау, недалеко от берега Балхаша, он видал разрушенное городище, заносимое песками. Внутри его находился видимый из земли край бронзового котла. Он был так велик, что мог свободно вместить верблюда. Быть может, я не обратил бы внимания на этот рассказ, если бы не услышал его от другого местного жителя. Об этом же городище слышал и егерь, живущий на полуострове Сарыесик, разделяющем пресную западную часть озера от соленой восточной. Казалось, будто я видел обозначение этого городища на старой, когда-то случайно попавшейся на глаза карте переселенческого управления. Потом, уже на других картах, больше не видал этого городища, несмотря на то что пересмотрел их немало. Оно, вероятно, исчезло с лица земли, быть может, занесенное песками. Представлялось, что городище с бронзовым котлом, самое удаленное в глубь пустыни, менее всего пострадало от времени и поэтому наиболее интересно. Но, сколько я ни искал его, найти не смог. Возможно,

его действительно занесло песками. Вблизи озера, в северо-восточном углу пустыни, там, где оно могло предположительно находиться, в урочище Бестас располагались особенно крупные песчаные барханы. Как-то, пролетая над пустыней на маленьком самолете вместе с зоологами, ведущими учет сайгаков, я заметил вдали громадный одиночный бархан с какими-то выступами, выделявшийся своим необычным видом на местности. Не находился ли под ним последний город с бронзовым котлом?

История знает немало примеров, когда в пустынях пески полностью засыпали древние поселения. Так, в 1885 году в пустыне Калахари (Африка) золотоискатель Фарини неожиданно набрел на каменные стены длиной около полутора километров и огромные камни с высеченными на них иероглифами. Вскоре туда была послана экспедиция археологов, которая ничего не нашла. Через полстолетие, в 1933 году, скотовод Коэце опубликовал в печати сообщение о том, что видел развалины, описанные Фарини. На их поиски ринулся археолог Пзвер и тоже ничего не нашел, точно повторив маршрут Коэце. Затем на поиски призрачного города отправился писатель Л. Грин, автор более двух десятков книг об Африке. И его постигла неудача. Таинственный город скорее всего периодически открывали и закрывали пески.

Затея обследовать южный берег Балхаша напротив острова Алгазы казалась трудной и заманчивой. Изнывая от жары, жажды и усталости, я бродил по сыпучим пескам, удалялся далеко от берега, но ничего не нашел. Может быть, придет время, когда пески освободят засыпанное ими городище, и тогда кажущееся ныне мифом может оказаться действительностью и археологи, обследуя находку, прочтут немало страниц из истории далекого и трагического прошлого жившего здесь населения *.

Ураган. День, как всегда, был жарким, и безжалостное солнце лило свои обжигающие лучи с синего неба.

* Сведения о таинственном городище, опубликованные в моей книге «Там, откуда ушли реки», а также в газете «Огни Алатау», привлекли внимание археолога О. Е. Дильмухамбетова. В 1986 году, пролетая над пустыней Сарыесик-Атырау на вертолете, он нашел городище примерно в том районе, где оно и предполагалось. Оно оказалось полностью занесенным песками, и только одна сторона его частично выглядывала наружу.

Балхаш застыл, спокоен. Во второй половине дня небо с запада задернулось легкой прозрачной пеленой. К вечеру на горизонте появились темные облака.

— Если солнце село в тучу, жди, моряк, большую бучу! — напомнила Ольга и, обеспокоенная, предложила покрепче натянуть тент. Далеко за Балхашем зашверкали молнии. Дневной зной спал, но было по-прежнему жарко и душно. В наступившей тишине запылились комары. Звонкие песни завели ветвистоусые комарики. Серебристые чайки с острова Алгазы замолкли, успокоились.

Не спалось. Ночью я проснулся от шума. Полотнище тента угрожающе хлопало по машине, полога трепыхались и грозились сорваться с растяжек. Громко шумело озеро и бросало на берег волны. Бушевал сильный, жаркий и душный ветер. Вода, нагнанная ветром, поднялась, залила берег, подошла к самому биваку. Небо было черным, без звезд. Кромешную темноту озаряли вспышки молнии, но без дождя и грома.

Целый час мы суетились вокруг бивака, натягивали покрепче веревки, прибывали вырванные колья. Над далеким горизонтом озера взвилась красная ракета: терпело бедствие какое-то рыболовецкое судно.

Ураган долго не унимался. Но потом немного ослабел, жаркий ветер умчался к востоку, стало прохладнее. Но озеро бушевало. Постепенно мы забылись тяжелым сном.

А утром яркое солнце взошло над землей, по синему небу плыло несколько белых облачков, озеро успокоилось, плескалось тихо и ласково, день сиял, и как-то не верилось, что ночное буйство природы исчезло без следа. Удивительны контрасты природы!

Мои спутники крепко спали, хотя в обыденной обстановке в это время полагалось уже давно начинать будничные дела. Едва я стал выбираться из-под полога, как поднял целое облако потревоженных мелких ветвистоусых комариков. Все полога, все вещи, все укромные уголки и защищенные от ветра места были серыми, покрыты мириадами этих крошечных насекомых. Под надувным матрацем тент тоже был усеян тельцами полураздавленных комариков, пытавшихся пролезть под постель и найти там защиту от урагана. На нашем биваке они искали спасение. Множество комариков забились под камни, под кустики. Иначе им, таким крохотным, было нельзя. Очутиться вдали

от озера означало верную гибель. Крошечные муравьи-пигмеи развели легкую поживу, и целая их процессия протянулась к нашему биваку.

Вялые и полусонные, мы с трудом взялись за дела. Никому не хотелось приниматься за еду. Отказался от завтрака и наш фокстерьер. Отбиваясь от мелких комариков, мы свернули бивак и, поехав дальше, повезли их с собой целые полчища.

Необычные наклонности. Наш переезд недолог. На полуострове Байгабыл приглянулось хорошее место на берегу залива, у высоких скал. Время есть, и можно весь день бродить по пустыне или по берегу озера. Иду по невысокой прибрежной гряде из щебня, покрытой редкими растениями. Солнце давно поднялось над горизонтом и основательно припекает, но легкий бриз с озера и свеж, и прохладен.

В одном месте цветущий выюнок прикрыл своими листьями гряду большим зеленым пятном. Едва вступаю в эти крошечные заросли, как во все стороны разлетаются комарики-звонцы да скачут кобылочки. Комарики здесь, оказывается, тоже нашли приют. А кобылочки? Что им здесь надо, что-то уж очень много их тут собралось. Неужели едят выюнок? В его тканях млечный сок, и любителей полакомиться этим растением немного. Впрочем, здесь, на щебнистом берегу Балхаша, так мало растений: кустики гребенщика, кое-где низенький тростник, эфедра, полынь да две-три солянки. И все! Но сколько ни приглядываюсь — не вижу следов погрызов растений. Странное скопище кобылок!

Продолжая размышлять над увиденным, иду дальше и резко останавливаюсь. Неожиданно пришла в голову забавная догадка. Она кажется невероятной. Но чего только не бывает в жизни насекомых!

Здесь, на берегу залива Балыктыколь, особенно много ветвистоусых комариков. Ими кормятся громадная рать пауков, ухверток, скорпионов, фаланг, ящериц, многие мелкие птицы. Не едят ли их кобылки?

Задайте, читатель, подобный вопрос энтомологу, и вас сочтут невеждой. Кобылки — типичные растительноядные насекомые. Никакая другая пища им неизвестна. Все же, рассчитывая на провал своей затеи, принимаюсь за опыт.

Несколько взмахов сачком над выюнками — и в нем копошится изрядная кучка ветвистоусых комариков.

Становлюсь на колени, осторожно подсовываю на пинцете к голове устроившемуся рядом со мной на земле богарному прусу примятого комарика и вздрагиваю от неожиданности: кобылка без обиняков хватает мой подарок, ее мощные челюсти заработали как автомат, и не прошло и доли минуты, как от комарика ничего не осталось. Торопясь, вытаскиваю из сачка другого комарика, но в это мгновение с плеча соскальзывает полевая сумка и с шумом падает на землю, а напуганная кобылка, щелкнув задними ногами, исчезает. Сколько раз эта полевая сумка меня подводила!

И все же, окрыленный успехом, подсовываю другим кобылкам комариков. Да, они очень любят плотоядную пищу, уплетают ее за милую душу. Одна съела четыре комарика, другая — десяток, третья, обжора, умяла ровно двадцать штук. Я едва успевал подсовывать ей еду, и она, расправившись с очередной порцией, поворачивалась во все стороны, помахивая своими коротенькими усиками, как бы спрашивала: «Ну, где же там запропастился мой обед?»

Эта кобылка оказалась рекордсменкой. Другие довольствовались десятком комариков, маленьким личинкам, чтобы насытиться, было достаточно двух-трех.

Не всегда кобылки вели себя одинаково. Одни из них относились с предубеждением к первому комарику, затем, разобравшись, в чем дело, рьяно принимались за еду. Другие, будто опытные гурманы, тотчас же набрасывались на угощение. Кое-кто в испуге отскакивал в сторону, если комарик еще подавал признаки жизни, трепыхал крыльями и взмахивал ножками, в то время как у других от этого еще сильнее разыгрывался аппетит. И различали кобылки еду по-разному: близорукие, вернее сказать, «близколапые» опознавали подсунутого комарика только у самой головы, тогда как опытные и «длиннолапые» замечали добычу едва ли не за пять сантиметров. Видимо, опыт и аппетит сказывались на поведении.

Кобылки прусы вообще отъявленные обжоры и поэтому не случайно иногда, появляясь в массе, повреждают растения, в том числе и возделываемые человеком.

Как же относятся к этой необычной еде другие кобылки? Кобылки пустыннощи сфингонотусы тоже охотно принимались свежевать добычу. Никто не отказывался от необычной еды. Но самыми отъявленными все же остались многочисленны прусы. Не спеша, но дело-

вито, они собрались возле меня большой группой, и уж потчевать их пришлось с большой поспешностью, вываливая из сачка добычу целыми кучами.

В общем все кобылки оказались любителями разнообразить меню, и, несмотря на установившуюся за ними репутацию незывблемых вегетарианцев, никто не отказывался от комариков-звонцов. А почему бы и не так! На земле всюду валялись их трупики, и стоило ли пропадать добру попусту!

Приловчившись кормить кобылок, одной из них на прощание я преподнес муху. Она тоже пошла в дело и, перемолотая, исчезла.

Прежде чем уехать с полуострова Байгабыл, я фотографирую паучков, выбрав куст тамариска, сильно обвитый паутиной и облепленный комариками. На этом кусту я застал трех прусов. Они прилежно и не спеша лакомились комариками, попавшими в паутину, и, судя по всему, занимались этим промыслом издавна и с большим успехом. Вот так!

Забегая вперед, скажу, когда я приехал в город и рассказал о хищнических наклонностях кобылок одному энтомологу, он решительно заявил:

— Нет, не могу этому поверить! В ваши эксперименты, коллега, вкралась какая-то ошибка.

— Ну почему ошибка? — стал я возражать. — Посмотрели бы вы своими глазами, с какой охотой кобылки едят звонцов.

— Нет, тут не обошлось без какой-то каверзы, — упрямо бубнил энтомолог. — Необходимы еще дополнительные наблюдения, точные факты, контрольные подсчеты, чтобы исключить субъективизм исследователя. Не могут так себя вести растительноядные насекомые.

Какая сильная логика: «Не может быть, потому что не может быты!»

Так и расстались мы, оставив друг друга в недоумении. Да, укоренившиеся и стандартные представления трудно поколебать.

Архипелаг Абдынарал. Между длинным полуостровом Байгабыл, на котором мы пробыли несколько дней, и коротким и широким полуостровом Балай озеро глубоко прорезает берег узким заливом Балыктыколь, что в переводе означает «рыбный». По его середине почти от самого начала залива тянутся один за другим мелкие острова — настоящий архипелаг. У выхода залива, почти против поселка Каракумы, в котором сейчас на-

ходится рыбозавод «Алгазинский», расположен последний остров архипелага. Местные жители его называют «Шайтанарал», то есть остров Дьявола. Все остальные острова объединены общим названием Абдыкарал.

С самого угла залива Балыктыколь мы и начали посещение архипелага, с первого и крошечного острова. Он оказался большим гранитным монументом, с одной стороны обросшим зеленым тростничком. Здесь жила только пара воронов, опекавшая единственного вороненка. Птенец еще не умел летать, нелепо раскрыв клюв, испуганно смотрел на меня, помахивая жиденькими крыльями.

На этом островке любили отдыхать бакланы. На светлом граните они оставили множество «визитных карточек».

Второй островок выглядел округлым и зеленым холмом. Он зарос селитрянкой и терескеном. Эти два вида кустарничков преобладают здесь. С одной стороны к острову примыкал участок зеленого тростника. Островок диаметром около семидесяти метров был густо заселен птицами. В камнях гнездились три пары галок. На большом кусту селитрянки находилось большое, сложенное из палок гнездо серой цапли. С десятка серебристых чаек подняли страшную панику, а их бедные пуховички моментально покинули остров и отправились плавать. Перепуганные общей паникой, вылетели из гнезд несколько молоденьких галчат. С громкими негодующими криками выскочила из-под камней пустельга. Все это общество пернатых относилось терпимо друг к другу.

Наш мотор приготовил сюрприз. При заводке деревянная ручка на застрявшей во флянце веревке, раскрученная затарахтевшим двигателем, с силой ударила меня по плечу, а затем по пальцам левой руки. На плече оказались две кровоточащие ссадины, а два пальца руки мгновенно опухли и посинели. Поход по острову был испорчен.

На следующий день плывем на другой островок, тоже в бордюре зеленых тростничков. Недалеко от него мель, едва показавшаяся из-под воды. На ней сидели чайки, выстроившись аккуратной цепочкой. Но едва наш «Пеликан» приблизился к берегу, чайки, покинув косу, обеспокоенные, улетели на свой островок. А дальше все происходит как обычно: чайки взвиваются над островком, кричат, серые их птенчики

бросаются в воду. Беспokoясь за их судьбу, я вынужден поспешно обойти островок и ретироваться. На нем главные хозяева — серебристые чайки, колония га-лок и две пустельги. Только одна пара! Хищникам не полагается селиться близко друг к другу.

Остальные острова архипелага, кроме острова Дьявола, я просматриваю издалека, не желая нарушать покоя птиц. Самый большой из них (его названия узнать не удалось) расположен против крошечного и полузаброшенного селения Сарыкамыс. Он очень живописен, сильно изрезан, на нем два больших озера, соединенных узенькой проточкой с Балхашем, несколько чудесных пляжей. Одинокие курганы венчают самые высокие участки островка, а на небольшой равнине вблизи берега вижу круг, диаметром около десяти метров, выложенный из крупных камней, полузанесенных почвой.

Отличная еда. Здесь, на берегу залива Балыктыколь, едва только начинают сгущаться сумерки, изо всех укромных уголков, из-под камней и кустиков, а больше всего из прибрежных тростниковых зарослей выбираются кровососущие комары и спешат к нашему биваку. Днем они не решаются покидать укрытие, опасаясь губельного зноя и сухости. Где им, таким маленьким да с тонкими покровами, летать в жару!

— Слабаки! — с презрением говорит о них Николай.

Но мне кажется, лучше комары, чем гнусные слепни. Мы сидим под тентом, пережидая страшный зной, а вместе с нами снизу на тенте примостились слепни. Предугадать их нападение невозможно. Тихо и незаметно, один за другим они садятся на тело и вонзают в кожу свой массивный хоботок. И успевают вовремя увернуться от удара. Из-за слепней нельзя сбросить с себя лишнюю одежду. От них, начавших охоту на человека, не отвяжешься. Слепень будет тихо, тайно и настойчиво продолжать попытки нападения. Даже в лодке, вдали от берега, нет от них спасения. Отличные летуны, они, видимо, с берега замечают добычу. Думается, что такая способность выработалась у этого кровопийцы с давнего времени, когда дикие животные, спасаясь от гнуса, забирались в воду.

Почему слепни нападают на человека? Найдется ли человек, который выдержит, когда такая большая муха пронзит кожу толстым хоботком и напьется крови? Был ли хотя бы один слепень-удачник, который дал

потомство, напившись человеческой крови? Подобное же недоумение вызывают иксодовые клещи. Ни одного из них, раздувшегося до размера фасоли за несколько дней сосания крови, не потерпит ни человек, ни даже его давнишний обезьяноподобный предок. И все же они продолжают бессмысленное нападение на человека. Очень быстроногие пустынные клещи-гиаломмы, преследуя человека, заползают на него, но, как бы опознав ошибку, присасываются исключительно редко. Слишком давно этот клещ обитал совместно с человеком и приобрел к нему инстинкт спасительного равнодушия.

Когда спадает жара и приближаются сумерки, слепни исчезают. Но в это время появляются комары. Природа мудро распределила время деятельности кровососов: одни деятельны днем, другие — в сумерки и ночью.

— Слабаки, — продолжает храбриться Николай, отмахиваясь от комаров, но сам поспешно прячется от них под полог, не удосужившись как следует подготовиться к ночлегу.

К счастью, и комары и слепни на северном берегу Балхаша водятся только местами.

Сегодня особенно жарко, и поэтому так назойливы слепни. Кровопийцы охотятся за нами, и мы оплачиваем им тем же. К концу дня я с удивлением замечаю, как со всех сторон к нашему биваку поспешно и деловито мчатся муравьи-бегунки. Раньше их не было. Неужели этих неутомимых созданий привлекли остатки нашей еды? К подобным вещам, я знаю, они равнодушны. Что-то случилось в муравьином обществе!

Загадка оказалась несложной. Муравьям-охотникам удалось притащить в муравейник убитых слепней, и тогда был объявлен аврал. Слепень — отличная еда. И свеж, и мягок, и нетяжел. И... пошла заготовка провианта!

Шайтанарал. В конторе рыбозавода Алгазы, находящегося в поселке Каракумы, единственном на северном берегу восточной половины Балхаша, вежливо осведомились о цели нашего приезда. На мой же вопрос о том, почему так назван остров — Шайтанарал, ответили, что сейчас толком никто об этом ничего не знает. Как-то старики говорили, что он издавна считался плохим: кто на нем побывает, с тем случится несчастье, болезнь или еще что-либо нехорошее.

Думалось, не зря назвали остров дьявольским, было что-то с ним связано значительное и несчастливое. Но прошли столетия, а название осталось. Да ради одного названия стоило посетить остров! С берега он выглядел неказистым, маленьким. Самый последний из архипелага залива Балыктыколь, он как бы замыкал собой их цепочку у входа на просторы Балхаша.

Отъехали от поселка несколько километров, преодолев сыпучие пески, забрались на полуостров, почти голый и усеянный большими глыбами красного гранита, и стали готовиться к поездке на остров. Что он собой представляет — посмотрим. А вдруг найдем следы какого-либо «шайтана»? Но едва уселись в лодку, как у самого штуцера лопнул шланг. Поломка была незначительной. Отрезав негодный конец, следовало его надеть на штуцер и для верности переставить стальное стягивающее полукольцо. Но Николай, как часто с ним случалось, запротестовал:

— Не нужно полукольцо, обойдется. Знаю я эти заводские премудрости. Увидите, проходит без него мотор не один год.

Как же, он — капитан корабля, штурман, моторист и механик — разве может последовать советам своего пассажира?!

До острова совсем недалеко. Вблизи берега, куда правил лодку Николай, вода по цвету предупреждала о том, что мелко, есть подводные камни. Но и здесь Николай показал свое упрямство:

— Не беспокойтесь, прорвемся за милую...

Незадачливый капитан не успел договорить фразу, как мотор с грохотом зацепил за камни, за лодкой в воде протянулась полоса густого взмученного ила. Гребной винт уцелел, но шпонка поломалась.

Островок казался неприглядным. Серый щебень, чахлая растительность да множество почерневших и давным-давно выброшенных штормом тростниковых окатышей. Когда-то слегка выходявшие на поверхность воды небольшие скалы послужили опорой для гальки и щебня, и бурный Балхаш постарался: нанес их несколькими валами.

Южный кончик острова выглядел забавно: походил на лихо закрученный хвостик гигантского ската. На нем сидела стая черных ворон и молча, не шелохнувшись, как мне показалось, сосредоточенно, наблюдала за мной. Птицы взлетели неохотно и лениво, когда я

подошел к ним близко. Более ничего не было примечательного. Стал перевертывать тростниковые окатыши. Но под ними не было даже обычных завсегдатаев — прибрежных ухверток. И вдруг под одним увидел парочку самых настоящих домовых мышей. Выглядели они отлично, полненькие, с превосходной лоснящейся шерсткой. Поблескивая черными бусинками глаз, они не особенно растерялись и не спеша скрылись под перевернутым окатышем, явно проявив ко мне любопытство.

Домовые мыши в Средней Азии часто живут в поле, но к зиме многие переселяются в жилище человека, оправдывая тем самым свое название. Как же эти два поселенца оказались здесь? Перекочевали из поселка весной по льду да так и остались здесь на лето? Задумался о мышках, и до моего сознания не сразу дошли крики Николая. Он стоял над лодкой и размахивал руками. Оказывается, во время стоянки шланг сорвался со штуцера, конец его опустился ниже бачка, заполненного почти до верха горючим, и добрая его часть вылилась в лодку. «Заводская премудрость», по определению Николая, все же была необходима. Бензин для резиновой лодки был опасен.

Долго возились, наводя порядок. Потом на обратном пути несколько раз глох мотор из-за того, что в горючее частично попала вода, и уже на биваке пришлось немало повозиться, чтобы обезопасить наше суденышко от горючего и масла. Да, остров действительно оказался с шайтаном. Впрочем, с нашим водителем лодки всегда что-либо случалось, и, если быть суеверным, на всех островах должны были действовать против нас шайтаны.

Остров, соединяющийся с материком. Едем дальше по северному берегу восточной части Балхаша и вскоре видим маленький островок. На карте он обозначен пятнышком без названия. Миражи жаркого дня раздвоили его на две горизонтальные полосы. На верхней он выглядел волнистой полоской, будто из-за близко расположенных на нем друг к другу курганов. С материка к острову тянется длинный и узкий выступ. Косой его назвать нельзя. Мелеющий Балхаш обнажил косу от островка, от конца которой до материка не более двухсот метров. Остров начал соединяться с сушей.

Подобраться на машине поближе к острову не удалось. Гряды очень сыпучего песка с примесью мелкого

щепня преградили путь. Ямы в песке с затолканными в них кустиками, палками и досками красноречиво свидетельствовали о том, с каким трудом приходилось вытаскивать машины обратно легкомысленным водителям, вознамерившимся пробраться дальше.

С длинного выступа полуострова, позади нашего пути, виднелся поселок-рыбозавод Каракумы.

Складывать лодку не хотелось, поэтому я решил переправиться через узкий пролив на надувном матрасе, благоразумно оставив все вещи в машине. Встречные волны основательно охладили мой пыл мореплавателя, и, чтобы добраться до островка, пришлось немало поработать руками и ногами.

Едва я достиг берега, как с небольшой отмели поднялась стая уток пеганок и атаек. Вся она, видимо, состояла из молодежи, пренебрегшей заботами о потомстве: в это время их взрослые сородичи высиживали яйца или даже начали выкармливать выводки и оберегать их от многочисленных врагов. Подобные объединения холостяков встречались среди гусей, журавлей и многих других птиц. Впрочем, могла сказаться и другая причина. Обмелевший Балхаш не в состоянии дать приют птицам, и часть из них не стала заводить потомства. Сколько же было прежде гнездящихся на озере уток, гусей, журавлей, цапель, бакланов, пеликанов, не говоря уже о различных чайках!

Островок был мал, но красив. Ярко-белую полосу из камней, выглянувших на поверхность после отступления воды, оттенял бордюр камней черных. Затем шла каемка свежей зелени тростничков и каких-то других растений, похожих на капорцы, затем росли тамариски и чингиль. Дальше всех от воды укоренилась широкая полоса курчавок, сплошь покрытая красно-коричневыми семенами. Она очень красила островок, далее покрытый желтыми, выгоревшими на солнце растениями. Со всех сторон синело озеро, ровный горизонт его с севера прерывался короткой темной и такой заманчивой полоской из густых деревьев; на противоположном далеком южном берегу в озеро впадала река Каратал.

Меня встретила тревожными криками дружная колония луговых тиркуш. Тиркуши не чайки, рыбу не ловят, но здесь они не испытывают недостатка в пище. Все кустики густо облеплены целыми тучами ветвистых комариков. Чтобы успокоить птиц, пришлось

отойти подальше от берега с их гнездами и подняться на высокую часть острова.

Вся возвышенная часть островка оказалась в курганах. Те, кто возводил курганы, видимо, жили на другой стороне озера в устье реки Каратал у пресной воды.

Кроме курганов вдали виднелись какие-то желтые бугры с темными столбиками. Но едва я прошел к ним десяток метров, как желтые бугры неожиданно зашевелились, темные столбики на них закачались, стали еще длиннее, и передо мною с земли поспешно поднялось небольшое стадо верблюдов. Животные повернули в мою сторону головы: появление человека на необитаемом островке их явно обеспокоило. Корабль пустыни, говорят, плавать не умеет, сюда загнали животных по льду еще ранней весной на все лето.

Тиркуши, отстав от меня, передали эстафету преследования крикливым крачкам. Их истеричные возгласы действовали на нервы. Беспокойство птиц не было беспричинным, и мне пришлось внимательно смотреть себе под ноги, чтобы не наступить на яички или на нежных крохотных пуховичков.

Курганы были старинные, все сложены из крупного щебня, принесенного с берега. Возле каждого находились группы камней. Время изменило их расположение, но иногда они сохраняли очертание правильного круга или прямоугольника. Возле одного из них каменный круг был сложен из больших, вкопанных торчком камней. Все это напоминало сакские захоронения.

Едва я приблизился к самому большому кургану, как с его вершины, заставив вздрогнуть от неожиданности, вылетела утка-пеганка и, обеспокоенная, стала носиться вокруг. На кургане оказались две довольно крупные, возможно, ранее принадлежавшие лисам норы, в которых и поселились утки. Светлая почва бутанчика возле нор вся истоптана птичьими лапками. Желая успокоить утку, я поспешно покинул большой курган, но был вынужден возвратиться к нему. Его окружало темное кольцо, но не из камней, а из засохших растений петросимония сибирика. Какие-то особенные почвенные условия, возможно созданные случайно человеком около двух тысячелетий назад, сказывались до настоящего времени. Для крохотных кустиков кеурека, покрывавших всю сухую и высокую часть островка, этот круг был недостижим, и на нем они не росли.

Вот и конец островка. На небольшом маячке высотой около семи метров, сооруженном из уголкового железа, рядом с сигнальной лампочкой, автоматически зажигающейся с наступлением темноты, расположилось гнездо воронов. Два родителя, громко каркая, взлетели мне навстречу, в то время как пара великовозрастных птенцов напряженно всматривалась в нарушителя их покоя.

Возвращаясь обратно, я увидел, как один из родителей угощал своего отпрыска птенчиком чайки, очевидно, воспользовался последствием переполоха, устроенного птицами. Недалеко от косы с лежащим на ней надувным матрасом я миновал верблюдов. Застыв как изваяния, с презрительно недоброжелательной гримасой на мордах, они не сводили с меня взгляда своих, как мне показалось, злобных глаз. Добравшись до матраса, я с облегчением улегся на него и, подгоняемый волнами, приблизился к берегу.

Вынужденное заточение. В соленой части Балхаша островов мало. До тех же, которые надо посетить, далеко, и мы не спешим прежде времени расставаться с озером, часто останавливаемся. К тому же нам сопутствует удача. Сперва в одном месте, в глубоком логу, примыкающем к озеру, находим крошечный родничок с пресной водой, потом — в другом. Здесь когда-то располагалась геологическая партия, и теперь природа залечивает раны, нанесенные человеком: мусор постепенно заносит песком, закрывает растениями, остатки домишек разваливаются от дождей и ветра, консервные банки ржавеют, лишь битому стеклу ничего не делается, и оно сверкает на солнце, отражая его лучи во все стороны.

Мы останавливаемся на обрывчике над озером. С края обрыва во все стороны видно синее озеро. Легкие волны, набегая на галечниковый берег, шепчут монотонную песню. Слева — выгоревшая пустыня с редкими карликовыми кустиками. Вдали на небе белеют кучевые облака. Пахнет водным простором, душистыми цветами подмаренника.

Каменистая пустыня, окружающая озеро, бедна жизнью, и поэтому, немного побродив по ней, я возвращаюсь к биваку. Вот на пути небольшой муравьиный курганчик размером с чайное блюдце, а в его центре — широкий полузасыпанный ход. Из темной ниши хода что-то светло-желтое с коричневым молниеносно вы-

скакивает и столь же стремительно прячется обратно. Пока я присаживаюсь на корточки, чтобы лучше разглядеть находку, незнакомое существо успевает сделать несколько быстро следующих один за другим бросков вперед и назад. Я поражен. Мне хорошо известны все муравьи Семиречья, я могу их угадать издали по облику. Но этот, такой быстрый, неизвестен, встречаюсь с ним первый раз в жизни. Представляется совсем особенный муравей с необычным темпераментом. Неужели он только один занят делом, требующим такой необыкновенной поспешности? А это уже не похоже на муравьев, всегда работающих сообща, особенно в случаях, требующих быстроты. Склоняюсь еще ниже, пытаюсь разглядеть забавное существо. Но не удается ничего увидеть, кроме мелькания коричневого тельца. Тогда вынимаю из полевой сумки эксгаустер и представляю его трубочку ко входу. Сейчас, как только торопливая крошка выскочит наружу, сделаю энергичный вдох и засосу ее в стеклянный резервуар. Необычный предмет пугает незнакомца, он некоторое время не желает показываться и прерывает работу. Но вскоре успокаивается и принимается за свое требующее поспешности дело. Теперь я различаю: он выскакивает каждый раз с крохотным кусочком земли или камешком — значит, один, без помощников, занят земляными строительными работами.

Но мой эксгаустер беспомощен: не могу изловить этот комочек кипучей энергии. У меня слишком медленная реакция: я не успеваю сделать вдох, как моя добыча уже успевает спрятаться. К счастью, неумный землекоп непуглив, можно продолжать эксперименты и совершенствоваться в охоте на него.

Множество неудачных попыток — своеобразная тренировка — идут на пользу, и я наконец замечаю, как живой комочек устремляется вместе с песчинками в трубочку эксгаустера. Вытаскиваю из полевой сумки лупу, с величайшим интересом подношу ее к глазам и вижу... моего старого знакомого — страшного врага муравьев паучка-парализатора. Впервые я его нашел в горах Заилийского Алатау в гнезде муравья-амазонки. Он ловкий охотник, его яд мгновенно парализует муравьев, и аппетит у него отменный. Это самочка. У нее светло-желтая головогрудь и коричневое брюшко. Вот так муравей!

Дела паука сразу становятся понятными. Суровые

условия пустыни выработали у него способность разыскивать муравейники, раскапывать замурованные в них входы, пробираться в подземные камеры за добычей.

Но кто же она — его добыча и почему общественное жилище закрыто? Уж не ошибся ли паучок и не ломится ли он в опустевший и всеми заброшенный дом? Когда нет добычи, муравьи-жнецы наглухо закрывают вход и сидят в глубоких камерах муравейника без движения, экономя энергию.

Внимательно осматриваю землю вокруг холмика. В пятидесяти сантиметрах через крохотную дырочку в земле высовываются шустрые усики. Они размахивают в воздухе. За ними выглядывает головка, и наконец наружу выскакивает небольшой муравей, но не жнец, как ожидал, а бегунок. Через некоторое время в эту же ловко замаскированную дырочку заскакивает другой, поменьше размерами, бегунок. Странная дырочка!

Но надо приниматься за раскопки. Вход в муравейник вскрыт, и я вижу многочисленных, сильно встревоженных моим вмешательством бегунков. Здесь довольно большая семья. находка ставит меня в тупик.

Бегунки деятельны днем, и если иногда закрывают входы, то только поздно вечером и на ночь. Еще закрывают входы молодые и поэтому очень осторожные семьи. А здесь?!

Неужели бегунки, такие деятельные и быстрые, замуровали парадный ход своего жилища и обрекли себя на вынужденное заточение и столь необычную для них бездеятельность для того, чтобы защититься от заклятого врага-паучка? Впрочем, из одной прогревочной поверхности камеры они пробили крохотный выход, через который и проскальзывают юркие малыши-разведчики. Видимо, паучки-парализаторы основательно надоели муравьям, и они, чтобы избавиться от их набегов, применяют разные уловки.

Как сложна жизнь муравьев и со сколькими неожиданностями приходится сталкиваться при их изучении!

Крошечная роща. Дорога отошла от берега, и синий Балхаш скрылся за желтыми холмами. Вокруг потянулась скучная пустыня. Глаза невольно следят за стороной, где должно быть озеро: не покажется ли голубая полоска воды. Но впереди одни холмы.

Летом пустыня безотраднa. Ни крохотного кусочка зелени, все вымерло, погрузилось в сон. Но вот машина въехала на высокую горку, с нее открываются и

сверкающее изумрудом озеро, и низкие берега, поросшие серо-зелеными солянками, и странные ярко-красные обрывистые горки, подошедшие к самому берегу. Вдали, у самого берега виднеется крошечная рощица из разнолистного тополя. Хорошо бы там остановиться. Но дороги туда нет. Придется пробираться по пухлому солончаку через бугры и сухие кустарники.

Путь к рощице тянется медленно. Но мы довольны. Как хорошо на берегу озера среди деревьев! Листья тополя пожелтели и сверкают золотом, вдоль берега полоска красного песка, красная и вода у берега, а дальше она оттеняется чудесной синевой. Здесь много отличного топлива, и уютно под деревьями. Рощица деревьев — первая, встреченная на северо-восточных горах, совершенно диких берегах соленой части озера. И каждый из нас, утомленный пустынными просторами, вспоминает свое, связанное с лесом, деревьями, шелестом листвы...

Мы не единственные поклонники этой маленькой рощицы. С ветки на ветку весело прыгает синичка, ковыряется острым носиком под корой, заглядывает в щелочки, рыскает среди веточек, искоса поглядывая на нас зоркими черными глазками. Рощица маленькая, не более пятидесяти метров, куда птичке от нас деться, приходится жить вместе.

Из-за кустика неожиданно сверху вылетает с криком и садится на ветку дрозд-деряба. Еще один житель леса оказался в этой пустынной местности! Ну что же, как-нибудь уместимся. Дрозд опасливо сторонится, улетает в заросли солянки, но вскоре я вижу его настороженную головку, мелькающую между травинок на земле под деревьями.

Потом на дереве появляется удод и долго то одним, то другим глазом разглядывает нас и наш бивак. Удовлетворив любопытство, он исчезает и более не показывается.

Один дрозд, одна синичка, один удод, еще, быть может, кто-нибудь найдется?!

Брожу по берегу, рассматриваю следы. Пробежала по кромке озера лисичка, прошелся большой волк. Откуда-то с красных гор приплелся барсук, побродил немного у воды и отправился обратно в пустыню. Вдоль берега летят бабочки белянки и желтушки. Найдут крохотный лиловый цветок осота, усядутся на него, попытаются раздобыть крохотную капельку нектара. Я знаю, эти

бабочки — путешественницы, сейчас они кочуют к югу, и, видимо, далеко. Там они проведут зиму, а весной полетят обратно, как птицы на свою родную сторону. Но на их пути большое озеро, и бабочки не решаются лететь напрямик, обходят его стороной. Далеко им, бедняжкам, отклоняться в сторону от прямого пути!

Иногда появляется стремительный в полете, отличный пилот — языкан. Он недолго крутится в прибрежных зарослях, потом, будто разобрав, что перед ним немалое препятствие, набирает высоту и направляется прямо над озером на юг. Он тоже путешественник, как и желтушки и белянки. Ему хорошо, у него крепкие крылья.

Увлечся следами, и до моего слуха не сразу долетают далекие крики с бивака.

— Скорее сюда! — кричит Николай. — Тут еще какая-то птица появилась!

Ну, раз появилась птица, значит, надо спешить и на ходу не забыть взвести курок фоторужья, приготовиться к «выстрелу». А то, что я вижу, — не могу понять. Ни разу будто не видел такой птицы. Совсем необычная, незнакомая и вместе с тем что-то смутное и близкое чудится в ее облике. Размером с галку, почти черная, с яркими светлыми продольными пестринками на теле, крепким удлинненным клювом, она мне кого-то сильно напоминает. Мучительно пытаюсь вспомнить и не могу.

Незнакомка подпускает к себе близко и милостиво разрешает щелкнуть фотоаппаратом. Так себя ведут обитатели глухих мест, незнакомые с человеком. Но когда я пытаюсь приблизиться, она пугается моей фамильярности и с дерева на дерево мчится в сторону, а потом скрывается в пустыне.

— Пропала моя незнакомка! — досадную я на себя вслух. — Так и не успел узнать, кто такая. Хорошо, если снимок окажется удачным, а если брак?

Опять иду смотреть следы на берегу. С бивака же снова кричат: появилась та же птица.

Теперь я осторожен, и птица проникается ко мне доверием, крутится в рощице, то рыскает в ветках, то копается на земле под деревьями.

Мы прожили в милой рощице два дня. И два дня вместе с нами прожила незнакомая птица. А под вечер забралась на самую высокую вершину и громко, пронзительно закричала. Крик ее сразу же воскресил в моей памяти глухие уссурийские кедровые леса, и живо

вспомнились эти самые темные, с белыми пестринками птицы, с любопытством разглядывавшие наши стоянки с вершин кедров-великанов. Это была кедровка, жительница хвойных лесов, любительница кочевков.

Странно, как я не мог опознать так хорошо знакомую птицу! Не мог лишь потому, что уж слишком необычна была она — типичный житель тайги — тут, в этой крошечной рощице, среди необозримых просторов выжженной солнцем пустыни у синего озера.

А кедровка прокричала еще раз, взмахнула крыльями, как и бражник, поднялась высоко в воздух, полетела прямо через озеро и вскоре растаяла в синеве неба.

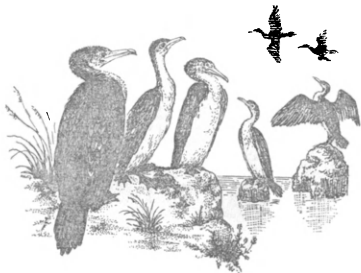
Откуда она взялась? Уж не из северных ли сибирских лесов? Куда она полетела? Не в еловые ли леса Джунгарского Алатау? До них было не так уж далеко, каких-нибудь три — четыре сотни километров. Кто она такая, смелая одиночка-путешественница, что ее вынудило отправиться в столь далекие страны?

СЛЕДЫ РАССКАЗЫВАЮТ

Остров, который мы не решились посетить. Простились с рощицей, поехали дальше. Дорога то отойдет от озера, то вновь к нему приблизится. Слева — далекие горы пустыни, справа — изумрудный Балхаш, впереди среди томительного однообразия, как стол, ровной пустыни, показался какой-то высокий предмет: то ли дом, то ли стог сена, то ли еще что-то. В горячем воздухе он колышется, дрожит, разбивается на несколько полосок, вытягивается столбом или расплюснутым овалом. Едва заметная дорога ровна, как асфальт, и машина мчится на предельной скорости. С каждой минутой странный предмет все ближе, наконец перед нами оригинальный мавзолей, сложенный из плит ракушечника. Здесь хорошее место для стоянки, все озеро на виду.

Против мавзолея виднеется небольшой и низенький остров. Я не решился его посетить... Остров от берега находился в полукиллометре, погода стояла тихая, лодка

и мотор исправны, и бензина хватало на поездку. Но причина была особенная.

Островок узенький, маленький, не более полутора метров длиной и тридцати метров шириной. Весь он состоял из одних камней без единого пятнышка зелени, видимо, появился из-под воды несколько лет назад, как только стал мелеть Балхаш. Я заметил его еще издали, с дороги. Был он какой-то странный, необычно пятнистый, и, как мне подумалось, не случайно. Я не обратил сразу на него внимания моих спутников, подвел машину к мавзолею. Остров был действительно необычный. Покрытый птицами, черными со светлым грудками, он походил на арктический берег с пингвинами. Но пингвинов на Балхаше нет и быть не может. После осмотра мавзолея я направил машину к берегу, нашел место для бивака, помчался к самой воде, лег на камни. Теперь ветер не мешал пользоваться биноклем, положенный на камень, он был неподвижен.

Зрелище же было необыкновенным. Среди голубой синевы воды под небом с кучевыми облаками сверкала полоска каменного островка, усеянная молодыми бакланами. Птицы неподвижны, отдыхали, лишь кое-кто из них, раскрыв крылья в стороны, сушил на легком ветру оперение после подводной охоты. Их очень много, сотни три. Они сидели рядками, будто столбики, дей-

ствительно похожие на пингинов. Светлая грудь обычна у молодых бакланов, тогда как взрослые становятся целиком черными.

На самом краю островка, немного в стороне от общества птиц, сидел одинокий пеликан, возле бережка плавали царственно величавые белоснежные лебеди. Некоторые из них спали, положив головы на спину. Еще на мелких волнах рядом с островком красовались красновато-коричневые утки-атайки. Птичье царство мирно отдыхало, и никто не обратил внимания ни на машину, ни на вышедших из нее людей. Впрочем, до нас было далековато.

Конечно, неплохо бы снарядить лодку, подплыть на ней поближе к островку. Но беспокоить такое большое скопление пернатых!..

Вскоре от островка отделилась группа лебедей и не спеша поплыла в открытое озеро. Караван снежно-белых птиц на темной синеве вечернего озера казался необыкновенным. Это было какое-то колдовство красоты. Впрочем, я не знаю, разве может быть что-либо в природе некрасивое или безобразное? Безобразно и кощунственно поднять ружье на эту птицу, олицетворяющую столь необыкновенное совершенство формы и грации. Лебеди уплыли далеко и слились с белыми гребешками синих волн.

Через телеобъектив я несколько раз фотографировал узкую и пеструю полосу острова. Время шло, мы стали готовиться к ночлегу.

Кончился жаркий день, по небу поплыли размытые облака, заходящее солнце окрасило их в оранжевые тона, оранжевым стал и притихший Балхаш. Легкий ветер подул с суши. Едва солнце скрылось за горизонтом, как на нашу машину с подветренной ее стороны набросились крупные стрекозы анакс. Они носились плотной стайкой, ловко лавируя в воздухе и выписывая замысловатые фигуры пилотажа. Комарики-глупышки продолжали беспечно реять в брачных плясках, не обращая внимания на атаки хищников. Иногда раздавался довольно громкий шорох крыльев, когда стремительные стрекозы слегка сталкивались друг с другом в воздухе. Стрекозы не трогали роя, и, быть может, он поэтому и продолжал свою беспечную брачную песню, призывающую подруг. Хищницам были нужны только более крупные самки, брюшко которых набито созревающими яичками и поэтому более питательно. И здесь

происходила маленькая трагедия. Самцы призывали своих подруг к прожорливым стрекозам.

С каждой минутой темнело. Красная зорька стала гаснуть. Погасли и оранжевые облака, Балхаш стал свинцово-черным, а стрекозы все еще продолжали свой промысел. Они были по-прежнему очень энергичны и торопливы. Днем я их не замечал такими, судя по всему, сумерки они избрали для охотничьих подвигов. В это время полагалось проявлять наибольшую ловкость и энергию, чтобы насытиться почти на целые сутки.

Но вот наступила темнота. Затих нежный и тихий звон облачка крошечных комариков. Только тогда исчезли стрекозы.

Зоологи очень любят объяснять поведение животных и особенно насекомых автоматическими реакциями на окружающую обстановку: свет, температуру, влажность и т. п. Хрущи, например, улавливают ничтожные изменения освещенности в наступающих сумерках, отправляясь все вместе на короткое время в дружный брачный полет, а когда их несколько видов в одном и том же месте, то каждый вид летает строго в свое время, приуроченное к определенному освещению. Так выгодно. За короткое время лёта легче встретиться, к тому же не мешая полету других видов, каждый из которых строго соблюдает установленный жизнью свой черед. Но не всегда столь простой автоматизм руководит их жизнью. Вот и сейчас я убедился, как явно дневные хищники стрекозы, когда выгодно, становятся сумеречными.

Утром следующего дня, едва взошло солнце, с островка раздались несколько резких и громких криков, и в воздух стали подниматься бакланы. Небольшими и нестройными цепочками они покрутились над островком и, отлетев от него в сторону, уселись на воду. К ним тотчас же присоединились утки и несколько чаек-хохотунов. Лишь лебеди, спокойные и величавые, сверкали вдали белыми силуэтами.

Целый час плавали бакланы, то смыкались тесным кружком, то вытягивались длинной цепочкой, то устраивали что-то вроде хоровода. Когда птицы, тихо двигаясь, поворачивались в сторону, вся стая разом становилась то черной от спинок, то светлой от грудок.

Не знаю, может быть, плавание стаи бакланов было хаотичным, но мне казалось, что в этих разворотах и

перестроениях происходило исполнение какого-то сложного ритуала многочисленного и не случайно собравшегося общества.

Потом все бакланы неожиданно снялись с воды, перелетели на берег, освещенный солнцем, посидели на нем, недолго погрелись на солнце, перелетели еще несколько раз и скрылись из глаз — отправились на охоту.

Пора пришла и нам сниматься с бивака и трогаться в дальний путь.

Комариные пляски. Дорога резко отошла от берега. Синее небо без единого облачка. Округлые холмы, однообразные, выжженные солнцем, горизонт, сверкающий струйками горячего воздуха, земля, пылающая жаром. Долго ли так будет? И вдруг справа — синий Балхаш в бордюре зеленых растений и цветов, в тростниках, тамарисках, с желтыми, подступившими к берегу барханами. Острый и приятный запах солончаков, водного простора — как все это прекрасно и не похоже на неприветливую пустыню!

Петляя по нетронутой дороге, мы находим удобное место возле воды на низком бережке рядом с илистым песком, по которому весело бегают кулички. Испуганные нашим появлением, взлетают белые цапли, с воды снимаются дремавшие утки. Не доверяют птицы человеку...

Вечером, когда стихает ветер, мы, забравшись в полога, с облегчением вздыхаем, предвкушая заслуженный отдых, в наступившей тишине раздается тонкий звон. То поднялись рой ветвистоусых комариков. Звон становится все сильнее и сильнее, комарики пляшут над пологам и садятся на них целыми облачками. Здесь их особенно много.

Под нежный и долгий звон комариков хорошо спится.

Рано утром озеро, как зеркало. Застыли тростники. Вся наша машина стала серой от величайшего множества облепивших ее со всех сторон комариков. Но вот солнце притревает металл, и комарики перемещаются на теневую сторону. Потревоженные, они взлетают стайками, садятся на голову, лезут в глаза, запутываются в волосах. Брачный лёт еще не закончился, над тростничками, выдающимися мыском, пляшет громадный рой неутомонных пилотов. Здесь тысячи, а быть может, даже миллионы крошечных созданий, беспре-

рывно работающих крыльями. От них в застывшем воздухе — тонкий, равномерный и нежный звон. Но он не постоянен и неожиданно прерывается резким низким гулом.

Отчего бы это могло быть?

Внимательно всматриваюсь в висящее в воздухе облако насекомых.

Брачное скопище комариков почти целиком состоит из кавалеров, украшенных прекрасными пушистыми усам. Их непрерывная пляска, тонкий звон и эти странные низкие дергающие звуки — испокон веков установившийся ритуал брачных отношений. Он имеет важное значение, когда комариков мало и надо посылать самкам особенно сильные и непрерывные сигналы. Сейчас они вряд ли необходимы, при таком столпотворении.

Вот опять послышался этот дергающий резкий звук. И еще. Он довольно част и как будто возникает через равные промежутки времени. Как же я не замечал его раньше, хотя много раз наблюдал за комариками и их плясками? Приглядываясь, вижу, как одновременно со странным низким звуком облачко комариков вздрагивает и миллионы телец в строгом согласии по невидимому сигналу бросаются вперед и снова застывают в воздухе на одном месте. Так повторяется через каждые две-три минуты.

Какое значение имеют таинственные взметывания всего роя и странное подергивание, каков механизм, управляющий миллионным скоплением насекомых, и, наконец, какие органы чувств обеспечивают эту необыкновенную слаженность сигнальных звуков и движений?

Кто и когда сможет ответить на эти вопросы?

Процветающие каллиптамусы. Давно все посохло, унылой и желтой стала пустыня. Почти исчезли и насекомые. Только одни кобылки туранские прусы все еще благоденствуют. Стойкое и массовое размножение их продолжается последние годы. Еще бы! Давно пропали дрофы, активные истребители саранчовых, исчезли стрепеты, степные куропатки. Очень мало и фазанов. Прежде эти птицы сильно сдерживали численность саранчовых.

Сейчас идешь по пустыне, и всюду во все стороны прыгают прусы, перелетают на небольшие расстояния, сверкают розовыми крыльями. Машина, идущая по до-

роге, тоже их побуждает к полету, и нередко, поднявшись в воздух, кобылки, перепутав направление, сталкиваются с ней, бьются в лобовое стекло, влетают в кузов.

Живется им на совершенно сухом корме нелегко, хотя их организм приспособился усваивать влагу, освобождающуюся от разложения в кишечнике пищи. Воду же они ощущают превосходно: тотчас же издалека сбегаются на мокрую землю под нашим походным умывальником. Если же бросить на землю остатки еды, богатые влагой: кожуру огурцов, корки дынь, арбузов, к ним начинается настоящее паломничество. Отталкивая друг друга мощными задними ногами и слегка награждая соперников тумачами, кобылки с жадностью пожирают еду.

Сегодня я набрел на желтовато-оранжевую полоску, тянувшуюся вдоль самой кромки берега. Она, как оказалось, сплошь состояла из высохших и полуразложившихся трупиков прусов, выброшенных из озера прибором. Кобылки-утопленницы были вначале вполне съедобны, так как ими, судя по следам, помету и погадкам, лакомились птицы и звери.

По-видимому, прусы, собравшись стаей, поднялись в воздух, вознамерившись полететь и сменить свои места обитания, но вскоре, сбитые ветром, попадали в воду. И здесь проявилось стремление к расселению, как только возникло перенаселение. Прусы — неважные летуны, не то что знаменитая перелетами азиатская саранча.

Мы страдаем от жажды. В соленой части Балхаша вскоре истощились наши запасы пресной воды. Когда же ее нет, будто нарочно хочется пить. Затруднение с водой я предвидел и прихватил с собой холодильничек. Перегонять соленую балхашскую воду взялись все вместе и очень рьяно. В горло канистры вставили корковую пробку, пропустили через нее медную трубку, соединили с резиновой, прикрепленной к холодильничку. На треноге, сделанной из дюралевого трубок, служивших опорой палатки, подвесили кастрюлю с водой и от нее провели резиновую трубку к входному и выходному патрубкам холодильничка. Затем из камней соорудили внушительного размера печь. Натаскали солидную кучу сухого плавника. Вскоре печь задымила, в канистре закипела вода и полилась тоненькой струйкой в другую, пустую канистру.

Пробуем на вкус первые порции дистиллированной воды. Она все же соленая! Оказывается, озерную воду в канистре перехлестывает вместе с паром. Небольшая заминка, и снова заработала наша опреснительная установка. Но новая дегустация огорчает: вода с сильным привкусом резины. Следовало как можно меньше пользоваться резиновыми деталями и заменить их металлическими трубками. Будем знать в следующий раз, если вновь придется заниматься дистилляцией воды.

Дело идет медленно. Разжигаем костер больше. Струйка воды увеличивается, вместе с ней вырывается пар. Неожиданно раздается громкий взрыв, пробка вылетает из канистры, пар из нее валит едва ли не на несколько метров. Испуганный фокстерьер с ожесточением лает на опреснительную установку.

Постепенно перегонка воды налаживается, канистра же из белой становится от копоти черной. Теперь к ней собака относится с явным недоверием. Она вообще одушевляет предметы: если, например, со стола упадет какая-либо вещь, храбрый фокстерьер, поджав коротенький хвостик, отбегает в сторону, а затем, успокоившись, внимательно обнюхивает подозрительный предмет, который получает статус неблагонадежного.

Пять часов уходит на то, чтобы заполнить дистиллированной водой пятнадцатилитровую канистру. Но мы довольны. Воды хватит на три дня, если будем пользоваться ею только для питья и приготовления пищи.

Полуостров Кентубек. Не всегда легко определить наше положение на карте, так как берег Балхаша очень извилист, глубокие заливы и далеко вдающиеся в озеро полуострова сменяют друг друга. Но полуостров Кентубек нельзя ни с чем спутать. Станный этот полуостров, как ложка на тонкой и длинной ножке, соединяющейся с материнским берегом. Мы мчимся по этой ножке — по отличной дороге, утрамбованному мелкому щебню. По обе стороны синее Балхаш. По дороге, судя по следам, давно никто не ездил, и это радует. Мы одни, никого, кроме нас, вокруг нет, и от этого ощущения природа и синее озеро кажутся еще более привлекательными.

Длина «ножки» полуострова около двадцати километров, ширина же не более километра, местами еще меньше. Вся она сложена из прибрежных валов. Главный вал — высокий и большой, давно утрамбованный-

ся, поросший травами и кое-где деревцами саксаула, расположен посередине. По сторонам находится по одному валу поменьше, а у самой воды совсем низкий вал, весь заросший травой и кустарниками. Видимо, очень давно расширенная часть полуострова была островом. Штормы с ветрами, дующими с двух противоположных сторон — с востока и запада, постепенно намели своеобразную дамбу, соединив остров с материком.

На возвышенном холме полуострова виднеется одинокий курган. Давний житель этого края пожелал почитать здесь, среди величественного покоя, вдали от человеческой суеты.

Путь к берегу Балхаша, как обычно, преграждал широкий вал из песка, перемешанного со щебнем. Разогнавшись на машине, едва не застряв, проскочил его, рассчитывая потом выбраться по узкой кромке твердой и мокрой песчаной отмели. Место для стоянки было отличнейшее. С обеих сторон длинного выступа полуострова Кентубек виднелось синее озеро. От воды веяло приятной прохладой, пустыня же казалась раскаленной сковородкой.

Подошел к воде. С гранитных камней быстро шмыгнула в расщелину пищуха. Там виднелся снопик сена, подсушиваемого запасливым зверьком. Озеро, тихое и спокойное, медленно плескалось о берег слабыми волнами. Какие-то мелкие светлые насекомые рассеянным роем стремительно неслись к берегу над самой водой, будто скользили по ней. Это были ветвистоусые комарики. Сейчас, выплывшись из куколок, они спешили на сушу в брачные скопления.

Вечерело. Красное солнце медленно садилось в воду, прочертив по ней огненную дорожку.

Песчаный вал, поросший мелким кустарником, сверкал множеством крыльев: в воздухе в брачном танце реяли муравьиные львы. Их было очень много. На песке всюду виднелись характерные ловчие воронки их личинок. Почему-то каждая воронка была устроена у основания растения. Странно видеть здесь такое множество этих своеобразных насекомых, личинки которых охотятся главным образом на муравьев, за что и получили от энтомологов такое название. На рыхлом песчаном валу, непригодном для строительства подземных жилищ, муравьи не жили, и не было видно их муравейников.

Солнце скрылось за горизонтом. Далекую черную тучу прорезала яркая молния. Неожиданно над самой землей заплясали в воздухе крошечные ветвистоусые комарики. Их было так много, что местами земля казалась как бы покрытой полупрозрачной кисеей.

Крошечные комарики падали на землю, многие из них оказывались в воронках муравьиных львов. Во всех ловушках подземные хищники усиленно насыщались столь необычной для них едой. Муравьиные львы здесь, оказывается, охотились только за комариками и на этой легкодоступной пище процветали.

Наш бивак расположен на самом западном, вытянутом длинным уступом кончике полуострова. Близко к нему располагался безымянный островок. Он, вероятно, появился недавно на обмелевшем озере.

Остров напуганных птиц. Этот остров небольшой, не более пятисот метров длиной и двести шириной, и расположен в километре от западного конца расширенной части полуострова Кентубек. От нашего бивака он совсем недалеко, и крики птиц с него хорошо слышны. Над водой далеко разносятся звуки. Островок заселен шумным и беспокойным обществом. Хохот серебристых чаек, низкие гудящие басы черноголовых хохотунов не смолкают ни на секунду. Иногда там что-то происходит, и тогда островок гудит многоголосым хором. После ночной охоты на дневной отдых тянутся сюда цепочки молчаливых бакланов, плавно размахивая крыльями, летят степенные пеликаны. Поверхность острова усеяна белыми точками чаек, а края его у самой воды в черном бордюре бакланов.

Мне хочется пофотографировать птиц, но начало не предвещает удачи, так как еще издали нас встречает воздушная флотилия чаек. Встревоженные, они носятся над лодкой, кричат, беснуются, и я беспокоюсь, как бы чернатые хозяева этого кусочка земли меня не обстреляли содержимым своего кишечника. Некоторые из чаек большие мастера этого дела. Потом молча и деловито снимаются с камней все до единого бакланы и уносятся вдаль на поиски спокойных мест. За ними в воздух поднимаются белоснежные пеликаны.

Тихо высаживаюсь на берег, стараюсь не шуметь, не делать резких движений, медленно ползаю на коленях возле лодки, иногда ложусь на землю, а уж на птиц не смотрю, зная о том, как они хорошо замечают взгляд человека. Вблизи моей посадки расположена

целая колония хохотунов. Среди белоснежных птиц, украшенных черными головками, множество сереньких птенцов-подростков. Кое-кто из них, подгоняемый родителями, уже спускается на воду. За мной зорко наблюдают тысячи глаз. Постепенно, не поднимаясь с колен, стараюсь подобраться поближе к колонии. Часто ложусь на землю, притворяюсь спящим.

Нет, не удастся мне приобрести доверия птиц и обмануть их бдительность, боятся они человека, и число серых птенчиков на воде все больше и больше. Совсем обеспокоилась колония пернатых, весь детский сад собрался густой толпой, приготовился к побегу с острова. Тогда я повернулся к птицам спиной, фотографирую тех, кто у берега, но при помощи зеркала слежу, что происходит у меня сзади. И вот удивительно: птицы успокаиваются сразу, толпа птенцов поворачивает от берега. Тогда я быстро оборачиваюсь и наспех делаю несколько снимков. Серая масса птенцов выстраивается узкой лавиной, спешит к воде. Я знаю, снимки мои не особенно хороши, слишком далеко объект фотографирования. Но подойти ближе не решаюсь, очень жаль птичье население островка.

К громким крикам чаек прибавляется еще один звук — какое-то заунывное гудение. Вначале я не понял, откуда это горестное пение. Потом догадался: это завывали перепуганные и беспомощные птенчики. Мне теперь казалось, что каждый из них был удручен, даже парализован страхом за свою судьбу. Представляю, какой разбой здесь могли учинить добравшиеся сюда лиса или волк!

Очень жалко птиц, я поспешно отступаю, ползу к лодке, преодолевая боль от острого щебня, впивающегося в колени, искоса поглядывая на потревоженное общество. Слава богу! Лавина птенцов остановилась, задержалась на берегу, постепенно направилась обратно.

Скорее отчаливать от острова напуганных птиц и плыть к берегу, к биваку!

На биваке Ольга с удивлением смотрит на мои ноги.

— Что стало с вашими брюками? — спрашивает она меня.

— Как что? — отвечаю я с недоумением. — Чайки вели себя вполне деликатно, и хотя много кричали, но ни одна меня не обстреляла.

— Да вы взгляните на колени!

Тогда я вижу на брюках дыры, через них проглядывают голые колени. Не прошло мне даром ползание по острову. Вот почему так было больно.

Между тем птицы на острове как будто успокоились, крики их затихли. Но зато очень долго, до самой темноты, до нас доносилось негромкое гнусавое и протяжное завывание множества голосов.

— Бедные чайки, наверное, перепутали своих птенчиков и теперь разбираются! — с участием говорит Ольга.

— Слабаки! Как-нибудь разберутся! — добавляет Николай.

Ночью залаяла собака. Выбрался из-под полога. Тишина. Лишь тихий и непрерывный звон комариков царил над берегами. Ярко светила луна. По затихшему Балхашу протянулась огненная дорожка, тысячью огоньками мерцала прибрежная полоска воды. Она металась из стороны в сторону, и все побережье казалось фантастической светящейся каемкой.

Подошел к воде, пригляделся и понял, отчего сверкала вода у самого берега. Здесь носились крохотные мальки рыб. Они охотились за выбирающимися из куколок комариками, которые один за другим вылетали из воды, оставляя тонкие, нежные шкурочки. Над Балхашем царила настоящая комаринная ночь.

Остров Кашкентубек. Удивительно тих сегодня Балхаш, кое-где местами зеркальная его поверхность проречена полосками ряби.

Нам надо побывать на острове Кашкентубек. До него около десяти километров, и мы побаиваемся за свой капризный мотор. Если он откажет, то даже при штиле целый день придется грести маленькими лопатками-веслами. А если случится шторм?

Но моторчик старательно трудится, наш «Пеликан» мчится вперед, оставляя позади себя дорожку из расходящихся волн на воде удивительнейшей синевы. Вот перед нами и остров в берегах, сложенных из крупных камней. Он тих, пустынен, будто заснул. Первое существо, которое я встретил, — это жаба, а у самого берега в небольшом мелком заливчике плавает ее потомство — несколько крупных головастика. Как жаба попала сюда, невольная путешественница? Да и, судя по всему, она живет здесь не одна. Нелегко было ей путешествовать с материка!

Несколько желтых трясогузок подлетают к берегу,

рассаживаются на кустиках терескена и, размахивая хвостиками, с интересом разглядывают нас, редких посетителей.

Времени у нас немного, обратный путь неведом. Поэтому я спешу обследовать остров и быстро шагаю по его выгоревшей поверхности. Из-под ног неожиданно выпархивает трясогузка, волоча крылья по земле, и, изображая из себя немощную и раненую, отбегает в сторону. Она, оказывается, сидела на гнезде, а в нем — четыре темно-коричневых яичка и один уже довольно крупный птеник, раскрывший свой отороченный желтой каемкой большой рот. История с гнездышком кажется необычной. Видимо, хозяйка гнезда, отложив яичко, погибла, а ее место потом заняла другая птичка. Или четыре яичка — болтуны, и бедная мать продолжает их высидывать, одновременно выпестывая птеника. Последнее предположение проверить легко, разбив одно из яичек. Но рука не поднимается на такое злодеяние.

От кустика к кусту перебежало несколько ящериц. Под камнем, который я отвернул, устроились две ящерицы. Они застыли в неподвижности, я подталкиваю их, пытаюсь заставить убежать. У обеих ящериц полные животики, им предстоит откладывать яички.

Остров небольшой, километра два длиной, менее километра шириной. Он вытянут с запада на восток. Его северная сторона низкая, на ней растут несколько крохотных рощиц лоха, тамариска и саксаула. Южная сторона — скалистая и обрывистая. Возле скалистых берегов вся земля поросла диким луком. Заросли его украшены головками со светлыми цветами, кое-где уже завязались семена, но перья уже одеревенели. Луковицы живучи, покрыты тонкой пленкой, предохраняющей от высыхания. Здесь можно было бы весной набрать целую тонну лука.

На острове нет никаких домашних животных: он слишком удален от берега и населенных пунктов. Нет на нем и следов человека. Но на самом высоком его месте установлена триангуляционная вышка, а вблизи нее, у низкого берега, расположена автоматическая метеорологическая станция, видимо кем-то изредка посещаемая.

Кое-где видны норки каких-то грызунов и глубокие норы, вырытые то ли лисицами, то ли волками, охотившимися за ними. Хищники, по всей вероятности, забре-

дали сюда зимой. Один из них мог остаться на лето, выводил потомство, жил, пока не уничтожал свою добычу.

На низком, слегка засоленном берегу много больших и светлых холмиков. Они мне хорошо знакомы. Здесь обосновалась целая колония муравьев-жнецов. Сейчас холмики кажутся безжизненными, единственный вход в жилище закрыт и забросан сверху соринками. Маленькие труженики острова давно заготовили семена, снесли их в свои подземные закрома и теперь живут в полусне и покое, размачивая сухую еду свою в самых нижних камерах, расположенных над грунтовой водой.

Муравьев-жнецов в нашей пустыне живет около десятка видов. Маленькой лопаткой я раскапываю один из холмиков до муравьев-дозорщиков. Это солончаковый светловолосый жнец. Нигде не встречал жнецов такой большой и процветающей колонией.

Одна рощица деревьев кажется необычной, и я, преодолевая усталость и жажду, иду к ней. Это саксаул. Но как он здесь истерзан листоблошками, образующими на его зеленых веточках галлы, подобные миниатюрной еловой шишечке! Галлы уже созрели, раскрылись, почернели; его хозяева справили брачные дела, отложили на зиму яички и погибли. Саксаул так обильно обвешан галлами, что на нем не видно ни одной зеленой веточки. Не без участия саксауловой листоблошки некоторые деревца засохли, не выдержав борьбы со своим недругом. На полуострове Кентубек тоже растет саксаул, и он хотя и поражается галлообразователями, но не страдает так сильно, как его собрат, оказавшийся в изоляции на острове.

В мире нет ни одного насекомого, размножение которого бы не сдерживалось другими насекомыми-врагами, главным образом из мира так называемых наездников, которые откладывают в тело своей жертвы яички. Наездники значительно меньше по размерам своих хозяев. Крошечным наездникам, паразитирующим на саксауловых листоблошках, трудно преодолеть большие пространства и поспеть за своими легко рассеяющимися хозяевами. Добавлю, в мире насекомых царит строгий порядок, особенно среди галлообразователей: каждое насекомое способно жить и образовывать галлы только на определенном растении, каждый наездник способен развиваться только за счет оп-

ределенных насекомых, к которым испокон веков приспособился. Исключения очень редки. С саксаулом на острове произошла та же история, что в новых посадках этого дерева, удаленных от мест его произрастания. На остров саксаул проник недавно и терпит невзгоды лишь потому, что не все общество насекомых, живущих на нем, последовало за своим хозяином. На остров следовало бы завезти с материка хотя бы несколько галлов листоблошки, зараженных наездниками. Они бы быстро навели порядок, и через десяток лет Кашкентубек украсился бы чудесными зарослями саксаула.

Казалось, из-за того, что на острове не выпасаются домашние животные, должна бы процветать растительность. Но как все сложно и относительно! Пастбища пустыни без умеренного и периодического выпаса постепенно деградируют, поверхность земли покрывается особенным засухоустойчивым мхом. Вот и здесь целые плантации мха вытеснили другие растения. Миллионы лет растения пустыни жили вместе с дикими лошадьми, куланами, верблюдами, джейранами, сайгаками. И все они вместе поддерживали гармонию, красоту и порядок.

Полуостров Коржинтубек. Едем и часто останавливаемся, сверяя береговую линию с картой, боимся прозевать дорогу на полуостров Коржинтубек, уйти в сторону от озера, потерять ближайший путь к последнему острову Байкадамаралу. На карте полуостров заканчивается длинной, вытянутой то ли косой, то ли грядой хребтика.

Выбираю одну неторную дорогу, но она заканчивается тупиком у самого берега. И все остальные тоже. Зря жжем бензин и тратим время! Вот наконец настоящее раздвоение дорог, теперь мы уже явно направляемся на полуостров. В лазоревом Балхаше, сегодня он удивительно спокоен и красочен, виден остров, коричневатый, невысокий, с темными кустиками. Здесь, на берегу, старье, очевидно весеннее, следы автомашин, биваков рыболовов и охотников-браконьеров. Но сейчас никого нет, кроме нас, не видно нигде и свежих следов. После рыбозавода в поселке Каракумы мы не встречали ни одного человека, ни одной автомашины.

Бегут от нашей машины в сторону рядышком два журавля, почти соприкасаясь друг с другом, странно кивают головами, будто чем-то обеспокоены. Беспокоиться есть отчего. Между птицами семят два коричневых комочка на длинных ножках, совсем еще малы-

ши. Бедные родители, бедные их дети! Как они напуганы, в каком страхе живут, завидев человека! А что они могли бы предпринять, завидев волка или лисицу? Мне хотелось подобраться поближе к ним с фоторужьем, но до того прискорбно видеть эту картину семейной тревоги.

С берега поднимаются несколько уток-атаек, взлетают пеганки. И они обеспокоены, и у них, по-видимому, есть где-то потомство. Место хорошее для бивака, но жаль птиц — придется немного отъехать подалее.

Подъехали к ровным и совершенно голым скалам, полого опускающимся в воду. Остановились здесь. Пологов решили не ставить, при таком ветре комары не страшны.

Ночью разбудил Николай.

— Посмотрите, над озером в воздухе горит какой-то огонь!

В потемневшем небе ярко мерцали звезды. Перед нами невысоко над горизонтом озера красовался красный Марс. В чистом воздухе он казался особенно большим и величественным. Не таким, как все остальные звезды.

Утром Балхаш все еще шумит, потемнел и бросает гряды волн на берег. Качаются кусты тамариска. Еще вчера решили сплавить на небольшой островок, видневшийся в озере. Но изменилась погода, и я засомневался.

В нашем маленьком коллективе экспедиции Николай вроде бы как главный над водным транспортом, и я стараюсь не ущемлять его самолюбия, когда дело касается поездок по воде.

— Чепуха! — отвечает он. — Прекрасно доплывем до острова. Уж на меня можете смело положиться.

Осторожная Ольга замечает:

— Но ты видишь, какая сегодня погода! Все волны с гребешками и бьют о берег так, что воды в умывальник не набрать.

Но наш устойчивый «Пеликан» после многих испытаний внушает доверие. И вот мы в лодке плывем против ветра, моторчик гудит изо всех сил, и волны осыпают нас брызгами воды. Я сижу спереди и почти ничего не вижу — очки забрызганы... Прижимая к себе собаку, укрываюсь штормовкой. Но она мало спасает, я весь мокрый и дрожу от прохлады. Мокрый и мой

пес Кирюшка, нам обоим холодно, и странно, что у собаки разинута пасть и язык вывалился изо рта. Бедный пес все еще не привык к водным путешествиям — страшно взволнован, ему жарко. Но и на биваке он оставаться не желает.

Долго продолжается наше путешествие, пока не добираемся до спасительного берега островка.

Еще до того, как пристать к берегу, я вижу на нем ярко-белую полоску прибоя. Неужели такая пена! Пока готовимся к высадке, я забываю о белой полоске прибоя, но вспоминаю, как только ступаю на землю. Сюда, на берег острова, оказывается, волны принесли громадное число мертвых ракушек. Они очень маленькие, каждая в диаметре два — четыре миллиметра.

Ветер свиреп и гонит белую волну. От брызг воды прохладно, и приятны жаркие лучи солнца. Мы сидим на берегу мокрые — греемся. Песок теплый, мелодичный шум волн успокаивает. На песке крутится оса-бембекс и маленькая оса-аммофила. Они обе специалисты по гусеницам, затаскивают в норки парализованную добычу, трудятся, заботятся о потомстве. Такова мудрость жизни. Без этой заботы нет смысла существования в мире животных.

И вдруг по песку кто-то небольшой, узенький, серенький быстро-быстро перебегает и шмыгает в первую попавшуюся на пути норку. Я заинтересован, роюсь в песке, но напрасно: он осыпается, ничего в нем не разыскать.

Кто же он, крошечный незнакомец? Придется ждать. Надо узнать, чтобы себя успокоить. Еще несколько таких перебежек — и наконец удача. Да это просто крошечная прибрежная уховертка! Не сидится им, молоденьким, под камнями, вот и мечутся днем, когда всей их братии полагается прятаться от света и солнца. А мне почудилось необыкновенное!

Островок оказался маленьким, приземистым и почти голым.

Последний остров Байкадамарал. Последний остров, прощальный остров... Вечером затихает ветер, озеро становится гладким и ровным. В его зеркальную гладь смотрятся белые облака. Редкое состояние беспокойного Балхаша. Ночью завыл ветер, зашумели волны, и под сиянием луны побежали черные волны со светлыми гребешками... Взошло солнце, пригрело землю, и снова успокоилось, уснуло озеро.

Сегодня оно особенно красивое, бирюзово-зеленое не только потому, что небо сияет синевой, нет, какая-то особенная здесь вода. Тарахтит моторчик, и навстречу нам вылетают с острова серебристые чайки. Снизу они такие же — бирюзово-зеленые, нереальные в своей окраске. Птицы летят с озера на остров и постепенно белеют.

Едва мы ступаем на берег, как со всех сторон раздается истерический хохот его главных обитателей. Других чаек не видно. По берегу заметны уже пустые гнезда серебристых чаек, сложенные из мелких палочек, сухих водорослей и мусора. Иногда из нехитрого строения торчит капроновая веревка или обрывок рыболовной сети.

На берегу всюду белеют мелкие кости. Каких только здесь нет! Большой частью встречаются рыбы. Немало и черепов грызунов, мелких птиц. Сверкает белый череп корсака. Что привело сюда эту маленькую лисичку и отчего она здесь погибла? По берегу острова тянется песчаный вал, заросший даужгуном и тамариском, некоторые кусты еще цветут, излучая тонкий аромат.

Едва я перехожу в заросли трав низенькой эфедры, как со всех сторон раздается тоненькое попискивание, и меня окружает стайка желтых трясогузок. Они явно заинтересовались мной, не желают расставаться и сопровождают меня всюду, продолжая негромко и тонко перекликаться. Но осторожны, к себе близко не подпускают, знакомы с человеком, если не сами лично, то по опыту своих родителей.

Хорошо на необитаемом острове! Почему же здесь так много трясогузок? Меня могут заподозрить в обязательном желании найти на каждом острове что-либо особенное и характерное. Именно так! Каждый остров имеет что-либо свое, сложившееся самостоятельно на изолированном от остального мира кусочке земли. Трясогузки избрали остров, видимо, случайно. Прижились здесь, размножились, держатся друг друга. Вместе сюда прилетают на лето, вместе улетают на зиму. В обществе лучше. Еды хватает. Всюду на кустиках висят ветвистые комарики.

В зарослях коротенькой эфедры, тянущихся параллельно береговой линии, нахожу скорлупу крупных яиц серебристых чаек. Это следы работы ворон-воровок. Здесь, на Балхаше, они большие специалисты подобного разбоя. Но как вороны ухитряются заниматься своим

ремеслом, обкрадывая такую сильную птицу, как серебристая чайка, наделенную недоужинной силой и наклонностями изрядного хищника? А не воровали ли сами чайки яйца друг у друга?

Неожиданно из-за песчаной гряды показывается чудесный пологий берег. С него, напуганные моим появлением, взлетают утки атайки и пеганки. Их здесь собралось немало, нашли потаенный уголок для дневного отдыха. Теперь их покой нарушен. Потом с прибрежной скалы вырывается филин. Я бы и не заметил его, спрятавшегося, и прошел бы стороной, да он сам не выдержал. Появились откуда-то вороны, погнались за филином. Не любят они ночного хищника, достается им от него.

На пологой косе в маленьком заливишке спует кулик-плавунчик. Эта интересная птица гнездится на севере, в тундре. Самочки, отложив яички, сбиваются в стайки и откочевывают к югу, оставив свое потомство на попечение мужского населения. Плавунчики очень доверчивы к человеку, доверчив и этот одинокий, отбившийся от стайки куличок — беззаботная самочка.

На влажном песке у самой воды бегают мушки-береговушки. Взлетая целыми стайками передо мной, они тотчас же усаживаются на свое место, едва только я отхожу дальше. В воде у берега мечутся с величайшей энергией крошечные, около сантиметра длиной, тонкие и совершенно прозрачные черви полихеты. В лупу видны лишь тоненькая полоска кишечника, заполненная серым веществом, мелкими водорослями, да серебристые ниточки трахей. Все остальное, как стекло, неразличимо. Настоящие невидимки!

В озеро вдается узкая гряда крупных черных камней. На ней рядками сидят чайки. В стороне от них возле молодого тростничка застыла серая цапля. На большой скале отдыхает орел. Угомонились и трясогузки, отстали от меня, удовлетворили любопытство. Вокруг царят покой и тишина. Черные камни, бирюзовое озеро, далекая полоска желтой пустыни, синее небо — как красиво это водное раздолье! Хочется запечатлеть его на цветную пленку. Но едва я поднимаю с земли палку для опоры к фотоаппарату и кладу ее на плечо, как все чайки до единой в панике взлетают. Поднимается в воздух серая цапля, поспешно размахивая крыльями, покидает скалу орел. Даже милые трясогузки разлетаются в стороны. Все они, оказывается, зорко

следили за мной, не теряя бдительности и недоверия, и с палкой на плече приняли за лютого врага своего — охотника с ружьем.

Все острова осмотрены. Близко наше расставание с озером. Далеко на горизонте уже видны черными полосками поезда, идущие по Турксибу, над ними повисли едва различимые снежные вершины Джунгарского Алатау.

Поспешное расселение. Слева от дороги, идущей вдоль Балхаша, показались обширные солончаки. Увидев их, я остановил машину, выключил мотор. Интересно взглянуть, что там такое.

Большое белое, сверкающее солью пятно солончака протянулось на несколько километров. Кое-где с его краев синеют мелкие озерца, отороченные рамкой низенького ярко-красного солероса.

Лавируя между шершавыми приземистыми кустиками, осторожно приближаюсь к озеру. Меня сопровождает любопытная каменка-плясунья. Она садится на кустик тамариска и, раскачиваясь на тоненьких его веточках, вглядывается черными глазами в незнакомого посетителя этого глухого мира. Один раз, осмелев, каменка, трепеща крыльями, повисает в воздухе почти над моей головой.

По вязкой почве солончака отпечатались когтистые лапы барсука. Здесь он охотился на медведок. Их извилистые ходы-тоннели, приподнявшие валиком чуть подсохшую поверхностную корочку земли, пересекают во всех направлениях солончаки.

Неожиданно раздаются тоскливые зычные птичьи крики: переговариваются между собою атайки. К ним присоединяются короткие, будто негодующие, возгласы пеганок. Завидев меня, они снимаются с воды, облетают вокруг на почтительном расстоянии и уносятся в пустыню.

Небольшое темно-синее сильно соленое озерко в красном бордюре все ближе. От него доносятся тревожные крики ходулочников, и вот надо мной уже летают эти беспокойные кулички, оглашая воздух многоголосьем хором.

На солончаках немало высоких холмиков, наделанных муравьями-бегунками. Они переселились сюда с бугров, как только весенние воды освободили эту бессточную впадину.

Вот и озерко. Вокруг него носится пеганка, то ли

ради любопытства, то ли беспокоится. Где-то, возможно, находится ее потомство. Ходулочки устали, разлетелись. Иногда одна птица для порядка проведает, покричит и улетит. С воды молча снимается стайка куликов-плавунчиков.

На воде у берега хорошо видна издали темная полоска мушек-береговушек. Иногда они, испугавшись меня, поднимаются роем, и тогда раздается громкий гул жужжания множества крыльев...

Я досадую: птицы меня отвлекли, загляделся на них. Давно следовало не спускать глаз с земли. Что на ней творится! Масса маленьких, не более полусантиметра, светло-желтых насекомых мчится непрерывным потоком от мокрого бережка, поросшего солеросами, в сухую солончаковую пустыню. Мчится без остановки и промедления, все с одинаковой быстротой, как заведенные механизмы.

От неожиданности я опешил. Сперва показалось, что вижу переселение неведомых желтых муравьев. Но странные легионеры оказались везде, по таинственному сигналу они выбрались из мокрого бережка и теперь широким фронтом дружно понеслись вдаль от своего родного озера с синей горько-соленой водой.

С каждой минутой их все больше и больше, поток их растет и ширится. Несколько десятков созданий, оказавшись в эксгаустере, все так же быстро-быстро семеня ногами, бегут по стеклянной стенке, скользя и скатываясь обратно. Они так поглощены бегом, что, оказавшись на походной лопатке и домчавшись до ее края, не задерживаются ни на мгновение перед неожиданной пропастью и без раздумий, сохраняя все тот же темп движения, срываясь, падают на землю. Ими управляет жесткий закон: никаких, даже мимолетных, остановок, вперед и только вперед!

Всматриваюсь в незнакомцев. У них продолговатое, сильно суживающееся сзади тело с двумя длинными хвостовыми нитями, тоненькие, распростертые в стороны слабенькие ножки. Голова с большим, направленным вперед отростком, к которому снизу примыкают две острые и загнутые, как серп, челюсти. Сверху на голове мерцают черные точки глаз. Я узнал в них личинок веснянок.

Личинки некоторых видов веснянок обитают в мокрых илистых берегах водоемов и так сильно их истачивают, что вызывают разрушение береговой линии.

Подобных личинок я встречал в низеньких обрывчиках горько-соленого озера Кызылкуль, недалеко от хребта Каратау. В почве они охотятся за всякой мелочью. Но там они сидели по своим местам. А здесь будто произошло помешательство: внезапно вся многочисленная братия в исступлении бросилась бежать.

С каждой минутой поток личинок захватывает все более широкую полосу земли. Прошло минут двадцать, а они уже растянулись полосой вдоль берега шириной около тридцати метров и длиной около шестидесяти пяти. Сейчас на каждый квадратный метр приходится примерно от тысячи до полутора тысяч насекомых, на всей же площади — около полумиллиона! Кто бы мог подумать, что такое великое множество личинок незримо обитает в почве мокрого бережка соленого озера!

Сегодня пасмурно, солнца не видно за густыми облаками, хотя и тепло после изнурительных знойных дней. В воздухе душно, влажно. Рано утром, на восходе, выглянув из-под полога, я увидел вокруг солнца круг и два ярких гало. Личинки веснянок отлично сориентировались в метеорологической обстановке и выбрали подходящую погоду для своих путешествий. Что было бы с ними сейчас, такими тонкокожими обитателями мокрой почвы, если бы из-за туч выглянуло солнце и его жаркие лучи щедро полились на солончаковую пустыню!

Веснянки будто никому не нужны. Наоборот, жители пустыни обеспокоились внезапным нашествием лавины пришельцев. Потревоженные массовым передвижением, бегут во все стороны паучки. Заметались на своих гнездах муравьи-бегунки. Как отделаться от неожиданных посетителей? Они валят во множестве мимо, заползая во все норки и щелочки, не обращая внимания на удары челюстей защитников муравьиной общины. Лишь один храбрый вояка, крошечный муравей-тетрамориум, уцепился за хвостовую нить личинки, и та поволокла его за собой, не замедляя своего бега. Прокатившись порядочное расстояние, муравей бросает добычу. Инстинкт давний, древний, отработанный длительной эволюцией вида, повелевает животным расселяться во все стороны, когда их становится слишком много. Пусть во время этого безудержного и слепого стремления погибнут тысячи, миллионы, миллиарды жизней, оставшиеся в живых продолжат род.

Кисея облаков, протянувшихся над пустыней, временами становится тоньше, и на землю проникают рассеянные лучи солнца. Над Балхашем уже разорвались облака и проглянуло синее небо. Утки-пеганки привыкли ко мне, облетая, сужают круги, садятся на воду совсем близко. Ходулочники успокоились, замолкли, бродят по воде на своих длинных ножках.

Интересно, что будет с многочисленными путешественниками, когда выглянет солнце? Но они уже прекратили продвижение в сторону пустыни. Одни из них возвращаются обратно к родному топкому берегу, другие мечутся, заползают в различные укрытия. Здесь, под сухой соленой корочкой, земля влажная, а еще глубже мокрая, и, если опереться сильно на посох, он быстро погружается почти наполовину.

Проходит полтора часа с момента нашей встречи. Она мне уже не кажется такой интересной, и ожидание ее конца становится утомительным. Конец всего происходящего наступает неожиданно. Толпы безумствующих личинок редеют, каждая находит себе убежище, и земля, кишевшая личинками веснянок, пустеет. Вспышка расселения потухла.

Потом восходит солнце, и сразу становится нестерпимо жарко. Пора спешить к машине.

Коварная мокрица. На нашем пути превосходная рощица саксаула. Как ее миновать?! В рощице много пустынных мокриц. Вся земля изрешечена их норками в окружении характерных земляных цилиндриков. У семейных пар уже повзрослевшие дети. Подземные труженики, углубляя норки, поедали землю, подобно земляным червям пропускали ее через кишечник, выделяя крошечными твердыми цилиндриками, которые потом и вытаскивали наружу.

Пустынные мокрицы плохо переносят жару, днем не показываются на поверхности, отсиживаясь в своих прохладных норках, и обычно выходят на поиски пищи вечером, ночью и рано утром. Жители сухой пустыни, они любят влажность.

Вечером прошел небольшой дождь. После дождя мокрицы должны быть особенно оживленны, и поэтому, когда наступила ночь, вооружившись электрическим фонариком, я отправился бродить возле бивака. Но все многочисленное население обширного городка мокриц сидело в норках и не желало показываться наружу. Очевидно, в дождливую погоду не полагалось разгули-

вать по пустыне из опасения запачкаться в жидкой глине и увязнуть в ней.

Зато рано утром, когда дожди миновали, вся земля кишела мокрицами и розовые лучи солнца поблескивали на их гладких панцирях. В основном разгуливала молодежь. Старички родители отсиживались в норках, стерегли их от непрошенных посетителей. Все были заняты, сосредоточенны, у всех было дело. Кто тащил в свое жилище сухую палочку или сухой листик, пораженный грибками, кто соскребывал со старых, упавших на землю стволиков саксаула поверхностный слой, проросший грибками. В этом саксаульнике жила громадная колония так называемых рогатых мокриц, хемилепистус риноцёрос. Они легко отличались от других близких видов тем, что взрослые имели на голове среди шипиков по хорошо выраженному рожку. Поэтому я с некоторым удивлением заметил еще другой редкий вид мокриц — украшенную хемилепистус орната. Ее тело блестящее, будто покрыто лаком, голова и грудь украшены многочисленными мелкими шипиками. Еще много лет назад я узнал некоторые особенности ее жизни. Она немногочисленна, живет среди пустынных мокриц других видов, сама норку не роет, а пользуется брошенными и, очевидно не затрачивая сил на нелегкое строительство, за год успевает развиваться не в одном, как все другие виды мокриц, а в двух поколениях.

Про себя я назвал эту мокрицу приживалкой, сейчас же увидел такое, чего никогда не мог предполагать. Украшенная мокрица, поблескивая своим красивым одеянием, волокла детку рогатой мокрицы, ухватив ее за голову своими крепкими челюстями. Ее жертва была еще жива и вздрагивала ногами. Никогда не подозревал у пустынных мокриц столь явно выраженных хищнических наклонностей!

Коварная хищница проволокла свою несчастную жертву с десятку сантиметров и неожиданно нырнула с ней в норку, незаметную под лежащей крупной палочкой.

Помчался за лопаткой и по пути к биваку увидел вторую такую же мокрицу, занятую ремеслом хищника. Сомнений быть не могло. Украшенная мокрица не только пользовалась готовым жилищем своей миролюбивой и косвенной покровительницы, но еще и занималась детоубийством, пожирая беспомощных маленьких мокричек.

В обеих норках я застал супружеские пары, занятые кровавой трапезой. Кроме того, на дне их жилища было запасено немало листиков и палочек, пораженных грибами, то есть исконной пищи вегетарианцев.

По черной тропе. Последний пробег — и мы на самом восточном краю Балхаша, недалеко от устья реки Аягуз, впадающей в озеро. Здесь пологие берега особенно заметно обмелели, и на топком иле остались разнообразные следы. Запасаюсь карандашом и бумагой и отправляюсь в поход за рисунками отпечатков лап зверей и птиц.

В далекие времена человек жил в окружении дикой природы. Земля, поросшая дремучими лесами, густыми степными травами, испещренная непроходимыми болотами, кишела птицами и зверями. Древний предок человека — дикарь был прежде всего следопытом. Он учился читать следы с самого младенчества, изучал их всю жизнь до глубокой старости. Тогда каждый человек умел читать следы, так как «неграмотного» ждали неудачи, голод, жалкое прозябание, презрение окружающих. Следы развивали в человеке наблюдательность, смекалку, зоркость глаза, остроту восприятия окружающего; они тренировали способность сопоставлять, размышлять, анализировать. Книга следов была первой книгой человечества. Она была многоречива, многолика, мудра и полна загадок. Охота кормила и одевала человека. И он, пользуясь щедрыми дарами живой природы, постепенно становился хозяином и вершителем ее судеб.

Разбираться в следах животных — большое искусство, и охота за следами — одно из занимательных занятий. Кроме того, следы зверей и птиц должен знать не только охотник-промысловик или охотник-любитель, но и ученый-зоолог и юный натуралист. Тот, кто не знает следов диких животных, — в природе как слепой. У такого человека, как говорил описанный В. К. Арсеньевым чудеснейший следопыт Дерсу Узала, «глаза есть, а посмотри нету».

Звери и птицы очень чутки и осторожны и, зачуяв человека, бесшумно исчезают с его пути. Поэтому можно неделями бродить по лесам и полям и не видеть крупных диких животных, но все разведать, прочесть о них по следам, узнать их повадки, поведение, все самые разные события их жизни, все — только по одной следовой книге.

По разнообразнейшим следам на земле, снегу и окружающим предметам можно определить, какие животные водятся в той или иной местности, как они добывают себе корм, как охотятся и защищаются от врагов, как нападают на недругов и заботятся о потомстве, болеют, кочуют. По следам в лесу и в поле можно подметить такое, что не всегда увидишь непосредственным наблюдением. Да и как иначе, без следов, узнать диких животных, особенно крупных: они осторожны, всегда вовремя скрываются от взора человека.

Изучение следов, кроме того, лучшая тренировка наблюдательности, смекалки, зрительной памяти человека. Тот, кто постиг грамоту следов, становится зорким в жизни. Такой человек никогда не пройдет мимо того, чего не заметят тысячи лиц, не посвященных в это дело. Следы диких животных — это самая первая древняя школа, развившая дремлющие способности человека. Чтение следов, вероятно, и было одним из главных условий, развивавших у предка человека его ум. Не поэтому ли следопытство — увлекательное занятие!..

Я захватил кусок плексигласа, восковой карандаш и в бутылочке скипидар. Увидев след, положу на него плексиглас, обрисую контур следа восковым карандашом, потом на просвет перенесу его на бумагу, а на плексигласе рисунок сотру скипидаром при помощи тряпочки. Это давнее мое приспособление очень помогает рисовать следы.

Низкие илистые берега оказались отличным альбомом следов. Совсем недавно над ними в воде плавали рыбы, копошились личинки водных насекомых. Теперь же, едва ушла вода, на освободившийся от нее кусочек суши пожаловали наземные жители.

Кто только здесь не наследил! И вскоре у меня богатый улов: целая стопочка бумаги с рисунками следов для моей коллекции.

«Черная тропа» — выражение профессиональное. Так охотники называют следы зверей и птиц, оставленные на земле, на грязи, на иле, по берегам рек, ручьев, озер и болот. «Белой тропой» называют следы на снегу. В отличие от следов по песку следы на черной тропе более долговечны, и они не боятся ветра. Наоборот, иногда, засыхая, они становятся очень прочными, могут сохраняться долгое время, пока их не размоют дожди или воды наступающего озера или реки. Бывает, след

поздней осенью, после заморозка, окаменевают на всю зиму и сохраняются до самой весны.

На обширной отмели у берега озера, как я и ожидал, оказались следы, оставленные в разное время. Они наслоились друг на друга так сильно, что разобрать страницы этого богато исписанного повествования оказалось не так просто. И все же!

Первое, что увидал, — это следы изящных копытцев. После раздумий убеждаюсь, что они по меньшей мере принадлежат не джейрану — тот отличается узкими копытцами — и не сайге, а косуле. Забегая вперед, скажу, нашел я и следы сайги, правда очень старые. Они крупнее, носок их уже. Следовало бы подольше поизучать следы косули, да увидал белую трясогузку. Как всегда, помахивая своим длинным хвостиком и не спуская с меня черных бусинок глаз — такая осторожная, она что-то разыскивала по самому берегу. След, хозяин которого известен, ценен вдвойне. Поэтому, мысленно извинившись перед миловидной птичкой, я тотчас спугнул ее. Возле воды кромка ила оказалась вся истоптанной птичьими лапками. Вот забавный след косолапика кулика-перевозчика. Пятки его ножек поставлены снаружи.

Там, где ил пожиже, косолапистость птички еще больше увеличилась. Видимо, в этом кроется какой-то секрет передвижения по топкому грунту. Какой — пока мне неизвестно. Возможно, на твердом грунте куличок ставит свои ножки совсем ровно, и косолапистость его исчезает. Завидев меня, взлетел с берега чибис. И эта птичка оказалась таким же косолапиком, как куличок-

перевозчик. Но след ее, конечно, значительно крупнее, внушительнее.

На небольшом мыске, вдающемся в озеро, все истоптано следами серой цапли. Она здесь что-то делала, на кого-то охотилась. А может быть, следы не серой цапли, а другой, более редкой цапли,— белой. Но когда мы подъехали к этому берегу, с него, испугавшись человека, слетела серая цапля и, плавно размахивая большими крыльями, полетела искать спокойное место. В одном месте цапля по своему обыкновению долго стояла на одной ноге.

Что-то понадобилось здесь пронырливой сороке. Искала рыбу, выброшенную на берег, или ради чего-то другого посетила это открытое пространство?

Прогулялся по илу дикий кот, и, судя по всему, немалый. Но какой? Степная пятнистая кошка или барханный кот — сказать трудно. Шел он забавно, растопырив в стороны пальцы, чтобы поменьше увязнуть в топком грунте, ради устойчивости широко расставляя в стороны ноги.

Задал мне головоломку заяц-песчаник. И он сюда пожаловал. Наверное, ночью выбрался из овражков да зарослей кустиков на чистое обдуваемое место, напечатал на нем своими лапами. Сперва, когда я увидел его следы у самой кромки воды, не догадался, кто их оставил. Зайчишка на мокром иле лег на животик, оперся всей ступней задних ног и тогда принялся ласкать воду. Бедняжка! Вода-то не пресная, соленая. Видимо, он к ней приспособился. Живут же его родичи в жаркой пустыне совсем без воды, получая влагу из зеленого корма. Казалось бы, попил зайчишка воды — и убирайся подальше от опасного открытого пространства. Мало ли здесь может оказаться недругов! Но не таков был наш зайчик. Побродил основательно всюду, везде побывал, напечатал свои следы по-разному. В этом деле он совсем не такой, как другие зайцы, — скачет, как придется, неодинаково. Вот его след как будто типичный, обычный заячий. Но вдруг ни с того ни с сего он поскакал не так, как всегда, а так называемой четверкой. Охотники за зайцем-беляком или русаком ни за что не поверят, что такой след оставил заяц.

Прогулка зайца была безмятежной. Мест, где он скакал во всю прыть, чего-то испугавшись, немного. Все остальное время он передвигался не спеша, с час-

тыми останковками, сидел на одном месте подолгу, отпечатав глубокий след, привставая слегка на задние лапы и едва прикасаясь к грунту передними.

Вдали от берега кто-то основательно взрыхлил землю. Кому понадобилось ковыряться во влажной почве, поднимая ее целыми валами, как не кабану? Не зря он здесь копался, разыскивал питательные корни водных растений, по пути прихватывая крупных медведок. Сколько здесь паслось свиней и в каком возрасте — узнать трудно, слишком все перековеркали. Но один след все же сохранился. Принадлежит он молодой свинье.

Медведками очень любит лакомиться завсегдай всех ландшафтов, лесов, степей и пустынь, нетребовательный в выборе мест для жизни барсук. Жизнь его тяжела. Ради жира, якобы обладающего лечебными качествами, это животное повсеместно и усиленно истребляют. Если так будет продолжаться далее, скоро барсуков не останется. Здесь должны быть его следы, и мне не приходится их долго разыскивать. Следы его похожи в миниатюре на следы медведя. Оба они, хотя и не родственники, копаются в земле, оба всеядны, и у обоих природа создала одинаковое строение лапы. Барсук умеет копать! Почуввав неизвестно каким образом находящуюся на значительной глубине медведку, он делает узкую, почти отвесную ямку и лапкой достает добычу, проделав небольшой экономный раскоп. Наш барсук неплохо поохотился на илистой отмели.

Насмотрелся на следы, устал от их чтения, бреду тихо к биваку и вдруг — на пыли еще отпечатки копыт. Теперь это не джейран, и не косуля, и не сайга. Кончики копытец округлы, смотрят носками в разные стороны. Немного похоже на следы домашней овцы. Но откуда здесь взяться ей? В этой дикой местности хватает волков, сразу же задерут. Шло же только два животных: одно крупнее, другое меньше. У того, кто крупнее, — копыта массивнее, шире, у другого — уже и нежнее. Первый — самец, второй — самка. Догадался, кому принадлежат следы! Их хозяин — обитатель ближайших каменистых гор, дикий баран-архар. Не ожидал его здесь встретить! Это животное стало очень редким, так как усиленно преследуется охотниками. Там же, где их нет или куда они заглядывают редко, как сюда, в глухую соленую часть северного берега Балхаша, архару достается от серых хищников. Вот и

сейчас по дороге, наверное, зачужав архаров, прошло несколько волков. Жаль, если бедные бараны достанутся серому разбойнику. Но и ему тоже надо как-то жить!

Громадный некрополь. На прощальной с Балхашем стоянке, вблизи устья реки Аягуз, случай подарил мне еще одну находку. Вдоль берега озера идут валы из гальки и щебня. Самый маленький и низкий, современный, находится вблизи воды. Большой — в сотне метров от озера. За ним еще более высокий вал. Теперь он высится над уровнем озера едва ли не на двадцать — тридцать метров, когда-то тоже был берегом. Этот вал — след процветавшего озера, великого древнего Балхаша, хотя, как уже было сказано в начале книги, нашли следы береговой террасы, возвышавшейся над извилистым уровнем на сто сорок метров.

Взглянув на два старых вала, я поразился. По ним близко друг к другу тянулись далеко к горизонту старые курганы. Они кончались на каменистых холмах, подступавших к пойме реки Аягуз несколькими крупными курганами. Курганов очень много, стал считать и сбился. Наверное, несколько сот. Целый некрополь какого-то древнего племени. Они избрали это красивое и необитаемое из-за соленой воды место. Курганы все одинаковые, лишь немногие чуть больше остальных.

Более часа я затратил, чтобы обойти эту цепочку курганов, немых свидетелей когда-то процветавшей жизни загадочных хозяев этой земли.

Курганы кончились. Можно поворачивать обратно к биваку. И вдруг вижу еще камни, уложенные кольцами, множество колец — больших, маленьких, совсем крошечных. Их давно полужанесло почвой, и только немногие отчетливо видны на поверхности. Кое-где некоторые камни отброшены в сторону. Территория внутри колец совершенно ровная, и будто нет здесь никакого захоронения, тем более в маленьких кольцах, диаметром один-два метра.

Два кольца имеют форму вычурной восьмерки, будто пара колец придвинулась друг к другу, соединившись прямой перегородкой. Другие два кольца — собственно, их кольцами назвать нельзя — будто спирали со входами. Для чего, почему, зачем?

К востоку от скопления находятся три самых крупных кольца. Одно из них двухконтурное. К западу от этого скопления высятся два обычных кургана из черных камней, каждый окружен двухконтурными круга-

ми. Эти уже похожи на обыденные курганы саков.

Мне очень хочется нанести на план все это нагромождение захоронений. За работу с усердием берутся мои помощники, и два часа труда проходят незаметно. Вот он, план расположения магических колец!

Интересно бы проверить, какие в кольцах захоронения. Но мы не имеем ни права, ни времени предпринимать раскопки. Подобные кольца возводили племена так называемой андроновской культуры, европеоидным народом, предшествовавшим сакам.

Вот и пойма реки Аягуз. Когда-то она, полноводная, доходила до самого озера, и перебраться через нее было нелегко. Теперь же там, где был вначале мост, затем брод, течет едва заметный ручеек. Река Аягуз перегорожена несколькими плотинами, и воды ее разбираются на орошение полей.

За тем, что осталось от реки, расположена зеленая низина, раньше заливавшаяся вешними водами, а за нею маленькая станция Караташ, на которую мы въезжаем. Отсюда видна узенькая синяя полоска озера.

Прощай, Балхаш! Привыкли мы к его диким берегам, водному простору, шуму волн, набегающих на берег, крикам беспокойных чаек. Каково теперь будет нам на долгом обратном пути к дому без него в сухой пустыне среди посевов и поселений человека?

Какая она ранимая — природа! Пришло время расставаться с Балхашем. Его я часто посещал после войны. Тогда озеро было другим, его природа процветала...

Ныне на нем сказались изменения, произошедшие в природе, пожалуй, всего земного шара. Только одно двадцатое столетие принесло небывалый научно-технический прогресс, быстрый рост населения, усиленную эксплуатацию природных богатств и сопутствующее ей загрязнение окружающей среды отходами производства. Металлургические предприятия, промышленность, машины загрязняют воздух, пожирают кислород. Его количество ежегодно уменьшается на десять — двенадцать миллиардов тонн, углекислого газа возросло на десять — двенадцать процентов, разрушается защитная озоновая оболочка Земли. Различные выбросы в атмосферу загрязняют почву, сельскохозяйственные продукты, попадают в организм человека. В мире ежегодно теряется более миллиона квадратных километров плодородных земель, а за несколько последних десятилетий сельское хозяйство лишилось около девяти миллионов

квадратных километров пахотной земли и пастбищ от ветровой и водной эрозий, засоления и иссушения. За историческое время планета потеряла около двух миллиардов гектаров земли, повсеместно происходит сокращение пахотной земли на душу населения. Важнейшая задача человечества — борьба с прогрессирующим истощением плодородия земли.

Моря, озера, реки загрязняются сточными водами. В прошлом десятилетии выброс сточных вод в год дошел до четырехсот пятидесяти кубических километров, для их обезвреживания затрачивалось шестьсот кубических километров, то есть сорок процентов всего годового стока пресных вод. Многие реки в промышленно развитых странах превратились в сточные канавы. Ядовитыми веществами, употребляемыми в сельском хозяйстве (гербициды, инсектициды), а также промышленными отходами отравляется вода. Нефть, проливающаяся в водоемы, губит водные организмы, затрудняет обмен воздуха с основным производителем кислорода планеты — морскими водорослями. Громадное количество воды стали потреблять промышленность и сельское хозяйство. Пресная вода становится дефицитом, и многие страны ощущают в ней острую нехватку.

Нависла угроза постепенного оскудения органической жизни и ее деградации из-за неразумной эксплуатации природных ресурсов. Обеднела растительность, вытесняемая монокультурами пахотных земель. Индикатором этого процесса может служить пчеловодство. Несмотря на поощрения, эта отрасль сельского хозяйства идет на убыль.

За последние десять тысячелетий человек уничтожил две трети лесов Земли. Сейчас леса сводятся со скоростью около двадцати гектаров в минуту: легкие Земли, чистильщики неба катастрофически тают, уничтожаются. А лес — это влага, влага — урожай, урожай — жизнь. Не случайно еще в начале нашей эры выдающийся государственный деятель и писатель Древнего Рима Цицерон изрек, что люди, уничтожающие леса, — враги общества. Сейчас только одна Швеция успевает выращивать дерево взамен уничтоженного.

Повсеместно и быстрыми темпами происходит оскудение животного мира. Исчезло с лица Земли сто сорок видов птиц и сто десять видов зверей, под угрозой исчезновения находится сто видов птиц и около шестисот видов зверей. И каждый вид, потерянный челове-

чеством, создан величайшим процессом многомиллионной эволюции органической жизни. Велико нравственное значение этих потерь, не менее значима и материальная их сторона. Она обнаружится в ближайшем будущем в том, в чем мы и не предполагаем сейчас. Так называемая любительская охота давно стала дорогим удовольствием, если не варварством. Птицам и зверям, так оживляющим и украшающим природу, без оздоровительного значения которой не может жить человек, попросту говоря, уже негде жить. Те, кто ведет, организует, управляет и истребляет зверей и птиц, не могут преодолеть застарелую инерцию и найти в себе здравый смысл, совесть и мужество признать вред и излишество этого развлечения.

Планете стало угрожать ядерное безумие, катастрофа, могущая в течение короткого времени унести миллиарды человеческих жизней, обрекая на последующее оскудение и вымирание от лучевой болезни и ядерной зимы вместе с человеком и весь органический мир. В дополнение ко всему неожиданно появившаяся инфекция СПИДа грозит превратиться в пандемию, которой не знало человечество.

Сейчас фактически человек создал для себя искусственную среду обитания. Непомерно быстрый рост городов и городского населения одновременно с уменьшением населения сельского, так называемая урбанизация, изменили психологическую обстановку, подвели к разобщению людей, вседозволенности, росту преступности, наркомании и алкоголизму. Бурный технический прогресс оказался в какой-то мере неожиданным и, к сожалению, не сопровождается заметно прогрессом нравственным: человек не способен быстро перестроить свою психологию, природа его организма не в силах принять другой облик за короткое время.

В этом кратком перечислении изменений, постигших человеческое общество, нет ни пессимизма, ни сгущения красок, а чистая правда. Обычно нас всегда поражают неожиданные события, когда же они развиваются постепенно, к ним привыкают и перестают замечать. Кроме того, мы следуем житейскому правилу, предпочитая один раз увидеть, чем сто раз услышать. Видеть и осознавать те катастрофические изменения, которые претерпевает природа во всех масштабах, нам не дано. И все же современное состояние природы обеспокоило человечество. Возникла и успешно развивается наука

об охране природы и рациональном ее использовании. Но, к сожалению, разрабатываемые многообразные и разносторонние меры защиты природы, как правило, отстают, и иногда очень сильно, от ущерба, приносимого ей хозяйственной деятельностью человека.

Давление, оказываемое на природу, обнаружило несостоятельность наших познаний о ней, мы столкнулись с так называемой массовой экологической неграмотностью. Человек — хозяин природы и вершитель ее судеб — оказался неподготовленным к этой своей новой роли. Природа же очень сложна и многолика. Ее сложность раскрывается перед нами большей частью неожиданно и только когда мы нарушаем ее облик. В любом проявлении, в каждом уголке, в большом и малом, она складывалась длительнейшее время. Связи между организмами тонки, чаще всего нам неведомы, и всякое воздействие на нее вызывает непредсказуемые последствия. Большой частью мы следуем примитивной жизненной логике, используя дорогостоящий метод проб и ошибок. Познание сложнейших процессов, управляющих природой, посилено лишь комплексному содружеству самых разнообразных профессий, и то далеко не всегда и не в полной мере. Вот почему всякие попытки преобразования ее лика нуждаются в чрезвычайной осмотрительности и вдумчивом подходе. Поверхностное суждение — этот враг разума (а оно более всего распространено и наиболее опасно), необоснованная прогностика опасны, как правило, приводят к неисправимым ошибкам или тяжким последствиям. К большому сожалению, чувство ответственности перед природой, перед необыкновенной ранимостью ее тончайшей структуры недостаточно развито и у тех, кто призван распорядиться ее судьбами. Сейчас мы слишком часто становимся свидетелями непоправимых и горьких ошибок из-за скоропалительных решений, принятых без достаточных оснований, а то и просто без них. Невосполнимых потерь (которых можно было бы избежать) из-за невежественного отношения к природе стало слишком много.

Расскажу только о нескольких таких последствиях, произошедших всего лишь на небольшом участке территории нашей страны — юго-востоке Казахстана, к которому относится и Балхаш.

После Великой Отечественной войны здесь водилась замечательная птица — стрепет. Сейчас ее совсем нет.

Тогда же в пустынях летали тысячные стаи чернобрюхого рябка (бульдурука). Ныне об этих стаях могут рассказать только пожилые люди: чернобрюхий рябок, так же как и стрепет, занесены в Красную книгу Казахстана. На перевале Курдай зимовали стада самой крупной птицы нашей страны — дрофы-дудака. Сейчас бесполезно искать встречу с этой птицей — ее не стало. Изумительное, грациозное животное, оживлявшее ландшафт пустыни, — джейран, плодовитый, питающийся растениями, которыми пренебрегает даже овца, когда-то был очень многочислен. Перед окончанием войны только в одной Сюгатинской равнине длиной около восьмидесяти и шириной двадцать километров специально проведенным учетом было зарегистрировано около двадцати тысяч джейранов. Сейчас на всей этой обширной равнине нет ни одного джейрана. Повторяю — ни одного! Он исчез отсюда за каких-нибудь десять лет. Его истребили ночами браконьеры на автомобилях со спящими фарами. В той же самой Сюгатинской равнине, пытаясь воспрепятствовать браконьерской охоте, поперек ее были прорыты глубокие борозды, чтобы мешать погоне за джейранами на машинах. Прошло около сорока лет, борозды сохранились до сих пор, только не осталось джейранов. В республике джейран никак не может возродиться. Этому мешают браконьеры, несмотря на штрафы в тысячу рублей за каждое убитое животное и конфискацию оружия.

Возвращаясь однажды с работы, я видел на углу улиц Шевченко и Космонавтов Алма-Аты остановившуюся возле тротуара «Победу», багажник которой был набит сосунками джейрана. С помощью вызванного по телефону и быстро подоспевшего начальника Главохоты В. А. Степанова браконьеры были задержаны. Ими оказались аспирант Академии наук, работник прокуратуры и сотрудник военкомата. Во время охота джейрана они обследовали то место, откуда убегали самки, напуганные машиной, находили и палкой убивали только что родившихся беззащитных и притаившихся детенышей. Какой надо было обладать подлостью, полным падением морального облика, чтобы изобрести и следовать подобному приему охоты!

Теперь утомительный путь по однообразной пустыне не прерывается чудесным видением этого животного-красавца. Как жаль, что вовремя ни у кого не хватило прозорливости восстать против угрозы, нависшей над

дикими животными. Да и хватает ли ее сейчас? Оказывается, быть дальновидным ученым, специалистом, да и просто гражданином не просто! И никто не подумал об этом и не предал широкой огласке проблему спасения джейрана. Да и существует ли сейчас решительная борьба с браконьерством, процветающим в республике? Перестройка сознания, новое мышление медленно проникают в дело охраны природы. Не случайно стала в ходу злая, скептически-мещанская, пророческая шутка: «Браконьеры обязательно изживут сами себя, так как им вскоре не на кого будет охотиться».

На правобережье Капчагайского водохранилища в подгорной равнине гор Чулак организовано заповедно-охотничье хозяйство Казглавохоты. Одиннадцать егерских постов охраняют территорию длиной около ста пятидесяти и шириной пятнадцать — сорок километров. Недавно я побывал в этой знакомой мне по давним путешествиям местности. Здесь единственное место в Казахстане, где в течение двадцати лет налажена охрана джейрана. Они быстро размножились, их стало около двадцати тысяч. Грациозные животные преобразили лик бесплодной каменистой пустыни, напоминающей теперь прославленные заповедники Африки. Весь Южный Казахстан мог стать таким же, если бы не браконьеры!

Когда на северных землях Казахстана поднималась целина, кое-где принялись запахивать и засушливую зону пустыни и полупустыни. Решение принималось просто, единолично, негласно, без какого-либо широкого обсуждения с учеными и общественностью. Только сейчас, по прошествии стольких лет, эти запаханые земли пустыни начинают восстанавливаться, на многих все еще продолжает расти сорная трава. Они не пригодны ни для посевов сельскохозяйственных культур, ни для пастбищ.

Все страны, в том числе и наша, обеспокоены оскудением лесных богатств. Поэтому всемерно поощряется возобновление лесов и их посадка. В представлении учреждений, ведающих лесами, самый простой способ восстановления лесов — посадка саксаула на ровных площадях пустыни с применением современной техники. Несколько десятилетий лесхозы юго-востока Казахстана запахивают и засевают около сотни тысяч гектаров ежегодно. Новые площади, обработанные под посадки саксаула в Казахстане, приближаются к мил-

лиону гектаров. Но что на них выросло? Посадки велись без учета особенностей климата года, биологии этого дерева пустыни, без обоснованного научного подхода к этой проблеме. Саксаул приживается только в особенно богатые осадками весны. А такие весны стали редкими в наше время усиливающейся засушливости климата! Теперь на больших площадях пустыни ни пастбища, ни саксаула. Эти мертвые зоны производят тягостное впечатление своей безжизненностью. Лесоводы, ботаники свыклись с этим широкомасштабным безобразием. Возмущаются чабаны: «Ни барана пасти, ни саксаула нет!»

— А что нам делать?! — ответили мне осквернители пустыни, которых я как-то встретил в Южном Прибалхашье, направлявшиеся на очередную посадку солидной колонной: с тракторами, сеялками и вагончиками для жилья. — У нас план!

— Саксаул — особенное растение, — рассказывают горе-восстановители лесов местному населению. — Он начинает прорастать только через двадцать пять лет после посева!

Какой разительный пример наплевательского отношения к природе во всей системе, начиная от управления (ныне министерства) лесного хозяйства республики и кончая рабочими лесхозов! К тому же пример безнравственности.

И наконец, о последнем примере перестройки природы, особенном по своей уникальности, значимости и последствиям, коснувшемся судьбы Балхаша.

Тяжкая участь Балхаша. Прощаясь с Балхашем, я думаю о том, как он сильно изменился. Сколько прежде на нем гнездились птиц и как воздух оглашался их криками, как много в нем водилось рыбы, если прибрежные тростники трепетали от плававших по дну сазанов! От бывшего изобилия почти ничего не осталось. Балхаш угасает. Уровень его упал на полтора метра и продолжает падать дальше. Пресная вода его западной половины фактически стала непригодной для питья, но ею продолжают пользоваться. Маленькие береговые рожицы деревьев и кустарников, служившие убежищем ветвистых комариков — пищи рыб, высыхают, и нет уже под их голыми остовами живительной тени.

Какова же причина столь безотрадного состояния этого чудесного озера среди безбрежной, сухой и жаркой пустыни? Ее не столь трудно установить. Но преж-

де, чем рассказать о ней, несколько косвенных примеров. В низовьях небольшой речки Курты, протекающей по пустыне и впадающей в реку Или, построено водохранилище. Вода заливает узкое крутосклонное скалистое ущелье, на выходе из которого сооружена плотина. Ни одного гектара ни пастбища, ни пахотной земли не пропало. Природе не нанесен ущерб. Попуски воды, предназначенные для орошения земель, одновременно дают жизнь небольшой электростанции. Казалось бы, почему не следовать этому правилу при создании других водохранилищ при аналогичной обстановке? Но не тут-то было! Идея создания на месте рек больших искусственных озер с катерами, яхтами, пляжами и причалами затмила разум проектировщиков.

Совсем недавно создано Бартогойское водохранилище на реке Чилик, тоже впадающей в реку Или, от него проведен Бартогойско-Алмаатинский канал (БАК). Плотина построена перед самым началом голого крутосклонного ущелья, тянущегося более чем на двадцать километров. Затоплено равнинное высокогорное урочище Бартогой, редчайший тугай горного типа, изобиловавший дикими животными, в том числе и оленями. Такова цена искусственного водоема, созданного убожеством мысли и слепым подражанием, периодически обнажающего или затопляющего голые и обезображенные берега. Проект этого водохранилища не обсуждался, ученых, специалистов и общественность не спросили, биологические учреждения Академии наук смолчали, да и откуда было набраться храбрости, чтобы противостоять этой безумной затее при отсутствии демократии и широкой гласности, той самой гласности, которая ныне оживляет наше общество. Вместе с писателем М. Зверевым мы настойчиво пытались выступить против проекта, публиковали статьи в газетах. На наши попытки никто не обратил внимания, никто к нам не примкнул, не стал единомышленником. Впрочем, обратили внимание, вызывали в высокие инстанции, подвергали «обработке». Ныне Бартогой безвозвратно потеряна, погиб, природа изувечена. А так было просто избежать этого поразительного головотяпства, построив плотину на реке Чилик не на входе ее в крутосклонное ущелье, а на выходе из него!

В предгорьях Заилийского Алатау от этого водохранилища протянули бетонированный канал длиной в сто двадцать километров для орошения земель к западу

от Алма-Аты, тогда как нуждающиеся в поливе земли могли быть найдены гораздо ближе, в двадцати — тридцати километрах. Что станет с этой бетонной ниточкой в сейсмичной зоне даже от небольшого землетрясения? Прорыв плотины, кроме того, может угрожать стихийным бедствием для многих поселений. Сейчас плотину пришлось разобрать и строить заново — она оказалась негодной. Вот так легко рекой Чилик мы отняли воду у мелеющего Балхаша!

История создания Капчагайского водохранилища чрезвычайно поучительна и служит образцом безрассудного, безответственного, если не сказать преступного, необратимого преобразования природы и глумления над нею.

Постановление о строительстве Капчагайского водохранилища на реке Или было принято в 1966 году. Широкого обсуждения этого мероприятия, затрагивающего природу обширного района, не было. Возражения ученых, специалистов, общественности, а также выступления «Литературной газеты» были оставлены без внимания. Шахтеры Караганды в коллективном письме просили: «Не стройте водохранилище, оно погубит Балхаш, лучше мы дадим больше угля для теплоэлектростанций». Рабочие рудников и медеплавильного завода города Балхаш писали: «Наш город окружен суровыми и бесплодными пустынями. Его красит только одно озеро Балхаш, без него жизнь в городе будет омрачена. Пощадите озеро!»

Перед тем как в Казахстане был принят Закон об охране природы в 1962 году, заместитель Председателя Совета Министров республики, ныне покойный, И. Г. Слажнев созвал по этому поводу совещание узкого круга лиц. Попал и я на это совещание как представитель Общества охраны природы. Тогда я обратился к его председателю со словами: «Почему Вы избегаете или даже не допускаете широкого обсуждения Капчагайской проблемы?»

— Мы этот вопрос давно обсудили! — не без неудовольствия ответили мне присутствовавшие на заседании высокие должностные лица.

«Мы обсудили!..» Жизнь нашего общества резко повернулась в лучшую сторону. Гласность, широкое и открытое обсуждение проблем становятся нормой нашей жизни. Не правда ли, каким анахронизмом сейчас звучит приведенный мною эпизод?

Итак, должную творческую и свободную дискуссию подменило чисто административное командование. Оно подавило многочисленные возражения, в которых высказывались не без опасения тревоги о тяжелых последствиях этого шага. Разумные научные, экономические и экологические расчеты не нашли места. Было объявлено, что водохранилище даст электрический ток, позволит ввести в сельхозоборот четыреста тысяч гектаров пахотных земель. Это были главные аргументы. О них вещали по радио, говорили красочные плакаты, установленные на создававшейся плотине, по которой прошла автомобильная дорога, писалось в листовках, сбрасывавшихся с самолета. Капчагайское водохранилище изображалось как величайшее достижение в передке, обогащении и облагораживании природы на благо человека. Плотина водохранилища была построена, так же как и в Бартогое, перед узким крутосклонным каменистым ущельем, протяженностью в тридцать километров.

Прошло двадцать лет. На протяжении полутора километров в обширной подгорной равнине между западными отрогами Джунгарского Алатау и Заилийским Алатау теперь на месте реки Или плещется большое водохранилище с неустойчивой береговой полосой, вычурно названное Капчагайским морем или запросто Капчагаем. В газетах по этому поводу было опубликовано немало победных репортажей. Его рождение — теперь прошлое. Но это прошлое настойчиво просится в настоящее, бросает на него глубокую тень и взывает к совести. Время — лучший ценитель поступков. После десятилетий уместно оглянуться назад и спросить, что же хорошего дало водохранилище, какую оно принесло пользу и какие породило вредные последствия?

Река Или небольшим горным ручьем Текес длиной около шестидесяти километров берет начало в горах Тянь-Шаня на территории СССР. Протекая по территории КНР, получает основную массу воды от притоков, снежников и ледников. Затем она пересекает равнину Кульджинского оазиса с развитым и жаждающим орошения сельским хозяйством и только после этого снова вступает на территорию нашей страны. Небольшие реки, впадающие в нее в верхней части на территории Казахстана, почти зарегулированы. Таким образом, река Или в основном несет воды из-за рубежа. Расчет на чужую воду представляет собой известный риск, реаль-

ность последствий которого растет с каждым годом. Ныне эта реальность уже претворяется в действительность: на реке Каш, притоке Или, строится плотина.

Правый берег водохранилища высокий, омывает бесплодную каменистую пустыню, левый — низкий, засоленный, заболоченный. Предполагалось, что на нем будут образованы новые массивы сельхозземель. Воды Капчагая, подпитав низкое левобережье, стали как бы подпоркой для подземных вод, текущих с Заилийского Алатау. Здесь из-за подъема грунтовых вод, заболачивания и засоления, а также прямого затопления потеряно около ста шестидесяти тысяч гектаров сельхозугодий. Засоление продолжается усиленными темпами. Произошло то, о чем предупреждали ученые и специалисты. Стоило ли торопиться с возведением дорогого Бартогойско-Алмаатинского канала и не следовало ли вместо него пробурить, как предлагалось, ряд скважин для использования подземных вод на орошение сельхозугодий?

Прекрасные, тенистые, протянувшиеся по берегам реки Или на полторы сотни километров приречные леса — тугаи, к тому же богатые превосходными пастбищами, ушли под воду. В безлесном Казахстане легко и бездумно распростились с тугаями.

Бесплодная каменистая пустыня правобережья с давних времен тысячелетиями служила своеобразным некрополем древних обитателей юго-востока Казахстана. На ней всюду высились курганы, немало было, судя по всему, и так называемых бескурганих захоронений. Перед затоплением этой местности никто не позаботился обследовать древнейшие захоронения. Сколько их погибло под водой — точно неизвестно. Одни предполагают двести, другие — две тысячи. Воды Капчагая во время штормов выбрасывали на берег вместе со щебнем предметы древности. Только при одном посещении водохранилища в этом районе я поднял на береговом валу из щебня рукоять бронзового скифского (сакского) кинжала и бронзовый медальон. По существующему законодательству перед затоплением объекты, имеющие историческую ценность, должны быть обследованы или даже перенесены, а средства на эту работу строительные организации обязаны выделить. Археологи не воспользовались этой возможностью.

На выходе из водохранилища построена электростанция. Все инженерные расчеты оказались грубооши-

бочными, заполнить водохранилище до проектной отметки не удалось, и, как оказалось, Капчагай никогда не будет заполнен до намеченного уровня хотя бы потому, что его объем был намечен в два раза больше годового стока реки Или. Эта ошибка показала чудовищную безграмотность и легкомыслие проектировщиков! Поэтому Капчагайская электростанция работает на половину мощности, часть ее турбин бездействует. Когда же зимой по настоянию энергетиков делается единственный раз в году попуск воды на полную мощность электростанции, страшное, нереальное для природы зимнее половодье топит все поселения ниже районного центра Баканас и окружающие реку земли. Такие зимние сбросы воды до озера не доходят, вода пропадает зря между барханами. Немалые потери хозяйств, вызываемые этим попуском, списываются под предлогом стихийного бедствия. Какая ирония: стихийное бедствие, умышленно вызываемое человеком! Теперь, чтобы избежать последствий зимних паводков, предполагается строительство новой плотины на несколько десятков километров ниже первоначальной и ущелья Капчагай, которая бы принимала воду этих зимних попусков. Строительство этого контррегулятора будет дорого стоить. Одна нелепость породила другую! Стоило ли возводить эту электростанцию такой дорогой ценой и не следовало ли прислушаться к советам карагандинских шахтеров! К тому же ныне на западном берегу Балхаша строится ТЭЦ, во многие десятки раз мощнее Капчагайской ГЭС.

Строительство водохранилища велось усиленными темпами. Одновременно с заполнением его водой возводился и город. И стоят теперь его портовые сооружения вдали от воды памятниками дремучему невежеству!

Что же стало со вторым, главным козырем — обещанными четырьмястами тысячами гектаров орошаемой земли? Чтобы компенсировать потери сельхозземель левобережья водохранилища, на его правом берегу построены насосные станции и бетонированные каналы, введено в землепользование восемнадцать тысяч гектаров земель. Только восемнадцать! Из них часть уже потеряна, засолена. Эти земли орошаются десятью крупными насосными станциями, каждая из которых стоит три с половиной миллиона рублей, потребляет ежедневно электроэнергию на двести рублей, обслужи-

вается дежурными, механиками, инженерами... На каждую станцию приходится менее двух тысяч гектаров. Нетрудно догадаться, во что обходится урожай с этих земель.

Остальные земли, их только двадцать две тысячи гектаров, и то семь тысяч из них по существу залежи, используются под рисосеяние и орошаются водотоком, фактически ни в коей мере не связаны с Капчагайским водохранилищем, так как находятся ниже его. На них тоже идет засоление. Где же обещанные ранее четыреста тысяч гектаров? Их нет и в помине, они — мираж, обман, рассчитанный на легковерие и забывчивость населения.

Не обошлось и без других потерь. Под воду ушли замечательные Соленые озера — место массового отдыха трудящихся. Исчез большой поселок Илийск вместе с железнодорожной станцией, железнодорожный и шоссейные мосты через реку Или. Железнодорожный мост построили в другом месте. Кое с чем поторопились. Прежде времени ликвидировали курорт с термальными радоновыми источниками Аяк-Калкан, водохранилище до него не дошло, и место, где он находился, не будет затоплено, но ни у кого не поднимается рука, чтобы восстановить эту, хотя и небольшую, здравницу. Восстановить — значит признать бесполезность предшествовавшего разрушения и быть призванным к ответственности. Но где она, эта ответственность, ее никто не несет!

В водах реки Или находится громадное количество ила. Прежде перед употреблением воды для приготовления пищи приходилось ее отстаивать. Когда-то обширный древнейший очаг земледелия в низовьях реки Или в пустыне Сарыесик-Атырау, надо полагать, процветал благодаря этому плодородному илу. Этот очаг прекратил свое существование во время нашествия монголов в начале XIII века. Сейчас ил оседает на дне Капчагайского водохранилища.

В верхней части водохранилища за счет особенно сильного заиливания образуется новая дельта. Она, как губка, впитывает в себя и задерживает все больше и больше воды, отнимая ее в конечном счете у Балхаша. Постепенно она продвигается вниз. Многочисленные мелкие протоки ее мешают речному судоходству, поэтому одну из них, расположенную у коренного берега, приходится постоянно углублять. Пройдет несколько

десятков лет, и водохранилище превратится в мелко-водную лужу. Инициаторы строительства о будущем не думали, но рассчитали верно: на их век хватит, а потом... с кого спросить? Теперь вода ниже водохранилища кристально чистая, прозрачная. И развиваемое ниже плотины рисосеяние, а оно только там и возможно, питается этой водой, компенсируя недостаток плодородного ила избытком химических удобрений.

Ценная культура, рис обладает особенностью — его надо пропалывать. Ранее проводимая обязательная ручная прополка сорняков теперь заменена химической, гербицидами. Рисосеющие совхозы усиленно их распыляют вместе с удобрениями над рисовыми полями. В воде гибнет рыба, попавшая на посевы из реки Или, вода, содержащая яды, непригодна для возвращения в реку. А ее, отравленную, частично спускают в Или и далее в Балхаш, частично же отправляют в жаркие пески, в бывшее русло реки Четбаканас. Сейчас там возник стихийный оазис, он привлек животных и... массу браконьеров. Для них там сейчас настоящий рай. Как стало известно, вода из рисовых полей, загрязняя грунтовые воды, все же в какой-то мере достигает озера.

Урожай риса низкие, качество его плохое, потребление воды в три раза больше: на дренажный сток используется сорок три процента воды, тогда как полагается всего лишь тринадцать процентов. При этом, как утверждают специалисты, знающие люди, официальные потери воды явно и умышленно занижены и в действительности они больше. Вся ирригационная сеть негодна, необходима реконструкция: потребуется лет десять, ее стоимость обойдется в шестьсот — восемьсот миллионов рублей, а сэкономит только половину кубического километра воды. Не столь богат водой южный Казахстан, и не следует ли подумать о том, чтобы заменить рис менее водоемкой культурой, хотя бы пшеницей?

Водоохранилище изувечило дельту реки Или — этот сложнейший организм. Она была богата тугайными и тростниковыми зарослями, множеством озер. Здесь было царство водоплавающей птицы, избыток фазанов, различных зверей. Были обширные пастбища, процветало ондатровое хозяйство, дававшее около двух миллионов рублей золотом ежегодной прибыли. Сейчас дельта реки деградировала, тугайные заросли высыхают, многие звери и птицы исчезли, выпасы живот-

ных резко сократились. Пытаясь сохранить хотя бы частично луга как пастбища, совхозы самовольно перегораживают протоки дельты для орошения земли, за шестнадцать лет ими построено двадцать самостоятельных плотин и пять вододелителей стоимостью около пяти миллионов рублей. Эти стихийные регулировки еще больше отнимают воды у Балхаша. Решив обуздать этот хаос, перегородили протоку Джидели специальной плотиной, затратив на ее строительство пятнадцать миллионов рублей. При первом же половодье плотину подняло и искорежило. Вода не пожелала пойти по пути, намеченному проектировщиками этого бесполезного сооружения. Как водится, никто не понес никакой ответственности за затраченные попусту миллионы народных денег. Все эти манипуляции наконец убедили в неуправляемости дельты, и тогда пришли к выводу ее больше не трогать, предоставив природе самой налаживать расстроенное здоровье. Урон от деградации дельты реки Или, целого природного комплекса, исчисляется многими сотнями миллионов рублей. Урон материальный. А моральный, нравственный?

Воды реки Или после создания водохранилища стали более засоленными, нежели прежде. Сказывается пропитывание и промывание низких засоленных берегов левой стороны водохранилища, а также испарение с его обширной поверхности. В них появилась примесь удобрений, гербицидов, пестицидов, сбрасываемых в водохранилище. Мало того, обнаружены такие опасные яды, как ДДТ, ГХЦГ, от использования которых более десятка лет назад отказались многие страны, в том числе и наша. Количество этих ядов в воде повышается весной и осенью. Откуда они берутся — загадка, никого не беспокоящая. Из-за неоправданного благодушия и головотяпства недавно в водохранилище прорвалось большое количество сточных вод города Алма-Аты. Размыло автомобильную трассу и два моста, погубило несколько отар овец, унесло несколько человеческих жизней, загрязнило и без того «неблагополучное по чистоте» водохранилище и Балхаш химическими веществами и небезопасными бактериями. Подобный прорыв произошел и несколько лет назад.

Дельта реки с ее могучими тростниковыми зарослями выполняла роль своеобразного естественного фильтра и чистильщика загрязненной воды, чистота пресной части Балхаша в известной мере была обязана

этому природному барьеру загрязнения. Существует проект забирать воду из дельты реки в цементированные каналы для снабжения пресной водой, минуя дельту, поселения западной части озера. Обсуждается и проект спрямления и углубления проток дельты. Он вызовет еще большее загрязнение Балхаша и гибель дельты. Между тем потребность в пресной воде в низовьях реки и западной части будет возрастать, в районе дельты обнаружены большие запасы бурого угля, рано или поздно здесь заработают шахты, пройдет железная дорога.

Немалую долю в загрязнение западной части озера вносит и медеплавильный завод города Балхаша. Он выбрасывает в воздух ежедневно около шестисот тонн далеко не безвредных веществ. Когда дует ветер с севера, они выпадают в озеро, частично же, оседая на землю, постепенно ветрами и внешними водами переносятся в озеро.

Сейчас много говорится о гибели Аральского моря, высказано немало пылких соображений в его защиту. Но проблема Арала в какой-то мере оказалась неизбежной: водами Сырдарьи и Амударьи орошен громадный массив земли для сельского хозяйства ради потребностей резко возросшего населения Средней Азии. Правда, воды этих двух крупных рек пустыни используются нерационально, слишком велики ее потери впустую. Но это уже другой разговор. Но достоин ли подобной участи Балхаш? Его постигла тяжкая участь. Сейчас большое озеро Алакуль, придаток западной части Балхаша, полностью высохло, превратилось в ровную площадь, покрытую пухлой солью, развеиваемой ветрами. Высохли тростниковые заросли — места нереста и кормежки промысловых рыб, убежище водоплавающей птицы. Теперь берега озера — голый песок да камни.

Из-за возросшей солености вода в западной части Балхаша скоро станет непригодной для металлургических заводов побережья, практически она непригодна для питья. Хорошо, что город Балхаш своевременно провел водопровод из Центрального Казахстана, используя воду степной реки Токрау. Но в пресной воде нуждаются кроме города многие другие поселения. Резко упал рыбный промысел. Стало мало сазана, исчезла прославленная рыба маринка. Обеднению рыбных запасов, кроме того, способствовали горе-акклиматиза-

торы ихтиологи: неразумно вселили некоторые породы рыб.

Озеро умирает, его убивает Капчагай, он отнял у него воду и жизнь. Объем Капчагайского водохранилища шестнадцать кубических километров, тогда как годовой сток реки всего лишь тринадцать кубических километров. Только по этому соотношению водохранилище стало не имеющим себе равных чудовищем. Кроме того, оно теряет ежегодно только на испарение более одного кубического километра воды. Теперь в Балхаш поступает только семь кубических километров воды. Сейчас по существу Балхаш становится новым водоемом, создаваемым человеком. Новым, опустошенным, обезображенным и повторяющим судьбу Арала.

Что же хорошего принесло Капчагайское водохранилище?

На левом, западном берегу Капчагая возник песчаный пляж. Сюда за многие километры приезжают горожане. К тому же значительная часть пляжа закреплена между различными учреждениями и недоступна остальным. Периодически санитарная инспекция запрещает купаться из-за ассенизационных вод, дважды сброшенных в водохранилище. Только один голый пляж под жарким солнцем пустыни, к тому же находящийся в антисанитарном состоянии! Да еще небольшой поселок — зоны отдыха. И только! Все остальное оказалось миражем! Не слишком ли дорого куплено это сомнительное достижение?

Что же делать?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо решать судьбу Балхаша: оставить ли жить или прекратить его существование. Половинчатым решением не обойтись. Судьба его стала тревожить давно. В 1982 году по проблеме озера была создана специальная комиссия. Ее деятельность не получила огласки, ее рекомендации были забракованы. Теперь к изучению проблемы Балхаша привлечено около двух десятков учреждений и на исследовательскую работу уже затрачено три миллиона рублей. Один лишь Казахский университет поглотил по хоздоговору миллион рублей. По самым скромным подсчетам, для продолжения исследовательских работ потребуется еще не менее пяти миллионов.

Весной 1988 года в Академии наук КазССР два дня заседала специальная комиссия из двухсот человек. В горячих спорах выяснились разногласия и несовпаде-

ния мнений из-за недостаточной, малодейственной изученности проблемы и сложностей в прогнозе произошедших и происходящих в природе явлений. Воистину, как говорится в пословице, «Достаточно одному глупцу бросить камешек в огород, как его не смогут найти семь мудрецов». В качестве одной из мер спасения предлагается построить дамбу-перемычку между соленой и пресной частями озера.

К чему приведет эта перемычка, уже говорилось. Несмотря на то что подавляющее большинство ученых отвергло этот проект, все же идет негласная разработка этого мероприятия. «Если перемычка окажется вредной, мы ее взорвем» — заявляют приверженцы этой затеи. Порочная мания скоропалительных переделок природы без достаточных оснований прочно владеет умами ведомственных работников. Предлагается всемерно использовать подземные воды, увеличив приток пресной воды в озеро. Проектируется строительство второй плотины для предупреждения разрушительного действия зимних паводков. Об этом уже упоминалось. Никто не решается предложить спустить воды водохранилища и тем самым возвратит Балхаш в его прежнее состояние, предварительно ускорив строительство электростанции на Балхаше. Но тогда во что превратится ложе теперешнего Капчагая и сколько потребуются лет, чтобы оно обрело облик естественного природного уголка? Подчеркнута необходимость усовершенствования оросительной системы, реконструкция водозабора Капчагая и т. п. и т. д. От числа требуемых на все эти работы миллионов рублей рябит в глазах. Общая сумма затрат превышает миллиард рублей.

И наконец, главное и опасное: ведомства, решающие судьбу Балхаша, обладают мощной техникой, она не должна простаивать, ее нужно пускать в дело. И она работает вопреки общественному мнению, продолжает бороздить пустыню новыми каналами и готовить новые территории для рисосеющих совхозов, тем самым компенсируя потери земель от засоления. Стихийно, вопреки здравому смыслу возникает своеобразное кочевое земледелие! Почему-то замена риса пшеницей не устраивает. Рисосеющие совхозы, к тому же до сего времени явно убыточные, готовят окончательную гибель Балхаша. И выходит так: будто сейчас нет сил, которые бы предотвратили гибель озера. Когда же пройдет несколько десятков лет, найдется ли путь обратный? К тому

же над Балхашем нависла другая угроза: по прогнозу метеорологов, природа вступает в период длительного засушливого климата.

Природа часто меняется необратимо от нерасчетливого и небрежного к себе отношения. Она ранима и залечивает раны, нанесенные ей с такой беспечностью человеком, с величайшим трудом. А иногда она умирает и более не возрождается. В свое время не нашли сил остановить неразумное решение. Да, пожалуй, во времена застоя где было взять эти силы? Наука осталась в стороне, ее будто и не существовало, да и сами ученые привыкли к безразличию, ропот их редко нарушал тишину кабинетов начальства и не выходил за их пределы.

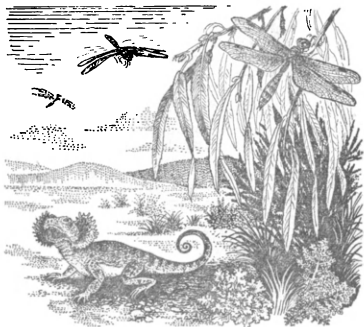
Бездумное отношение к природе портит человека, и мы, сетуя на экономические потери, забываем о нравственной стороне. Положение, в котором оказался Балхаш, прежде всего наносит моральный ущерб, а он не оценим в денежном выражении.

История с Капчагайским морем крайне поучительна. Она — классический пример тирании над природой большого района, его безобразного преобразования по абсурдной логике бюрократизма и ведомственной ограниченности, порожденной обстановкой отсутствия трезвого хозяйственного расчета, гласности и демократии. Переделка природы, подобная Капчагаю, не должна более повторяться, иначе мы ускорим приближение экологической катастрофы, нависающей над миром.

Балхаш требует помощи, и половинчатым решением для его спасения не обойтись. Уникальное озеро пустыни должно жить!

С таким невеселым настроением мы прощаемся с Балхашем. Впереди — обратный путь, но по другому маршруту...

ВДАЛИ ОТ БАЛХАША

Скучным кажется путь по пустыне после Балхаша, и нам, избалованным водными просторами, приходится привыкать к новой обстановке. Я утешаю своих прнунывших спутников: путешествовал же я много лет по пустыне без всякой воды и было интересно. Сейчас наш путь по пустыне тянется к югу вдоль железной дороги. Она отделяет нас от восточной части Балхаша, и кое-где синяя полоска его прерывает горизонт, закрытый жаркими испарениями.

Вскоре добираемся до станции Лепсы; здесь прежде всего заправка горючим, а затем катим по асфальту, но уже на восток, хотя нам надо бы двигаться к дому, к югу или даже к юго-западу. Но, как нам сообщили, через большую низменность нет хорошей дороги. Вскоре за станцией Лепсы с одной стороны дороги появляются похожие на горы Анрахай горы пустыни — Кыс-каш с небольшими ущельями, с другой стороны ленточка тугайной растительности вдоль реки Лепсы. Хорошая здесь местность, можно съезжать в обе стороны.

Предусмотрительные водолюбы. Утреннее солнце глубокими тенями очертило ущелья, и мы заезжаем в них, надеясь найти родник. Но всюду сухо, склоны гор давно выгорели на солнце. От легкого ветра позвякивают в твердых коробочках семена давно отцветших тюльпанов. Ущелье с водой должно быть непременно, и мы его все же находим. Прозрачная чистая вода тихо струится по камням, и, чем выше, тем ее больше и тем гуще зеленые травы по берегам ручейка.

Иду навстречу воде и удивляюсь: всюду против течения плывут жуки-водолюбы, небольшие, около сантиметра длиной. Их здесь немало, целая стая. Среди черных жучков встречаются светло-коричневые. Это или другой вид, или молодь с еще неотвердевшими покровами.

По пути жучки охотятся за мелкой живностью, забираются под камешки, обследуют все закоулки. Иногда плывущие впереди останавливаются. Их как бы берет сомнение в правильности пути, поворачивают обратно вниз по течению. Но, встретив своих соплеменников, вновь продолжают прерванный маршрут к верху ущелья.

Странное поведение жучков заинтересовало. Почему они так дружно плывут вверх по течению, чем вызвано такое согласованное со всеми направление?

Солнце поднимается все выше и выше над горами. Синие тени в ущельях давно исчезли, и легкий ветер порывами приносит из пустынь горячий воздух. С ручьем происходят странные вещи. Вода в нем мелеет, постепенно исчезает, и вскоре там, где плыла стая маленьких жучков, только одни мокрые камни. И они вскоре высыхают, покрываются белым налетом солей.

Но ручей совсем не исчез. Он просто укоротился. В нем стало меньше воды, ее испарил сухой воздух и горячее солнце.

За ночь ручей набрал свою силу, и мимо нашего бивака вновь тихо струится вода. За ночь же сюда, совершая свои охотничьи набеги, спустились и мои знакомые жучки-водолюбы. Пока мы сворачиваем бивак, собираясь ехать вниз по ущелью, как только начало пригревать солнце, бодрая компания жучков направилась в путь, обратный нашему.

В этом ручье многие тысячелетия жили эти жучки, приспособились к его особенностям, стали предусмотрительными и не зря на день отправляются туда, где вода

его не иссякает. А те, неразумные, кто не следовал этому правилу, погибали, не оставляя после себя потомства, еще более утверждая это неукоснимое правило жизни.

Странные проформики. Здесь глухо, на многие километры каменистой пустыни вокруг нет человеческого жилья. Как только мы остановились на бивак, каменки-плясуньи долго и с любопытством разглядывали нас, поблескивая черными глазками и размахивая хвостиками.

Рано утром, не желая будить товарищей, стараясь не шуметь, осторожно выбрался из спального мешка и направился бродить по редким зарослям приземистых кустарников. На одном из них чернели крупные муравьи-проформики. Они были совершенно неподвижны. Рядом, на чистой площадке, располагалось их гнездо. Вход его был основательно прикрыт опавшими члениками стволов саксаула.

Поведение муравьев казалось странным. Зачем им здесь торчать, на кустах? И что значила эта столь необычная для муравьев неподвижность? Может быть, они выбрались сюда в ожидании дождя, намереваясь запастись водой для своего уснувшего под землей общества? Или, быть может, набродившись ночью, сейчас отдыхали возле своего дома? Могло быть и так: после ночного путешествия возвратились домой и, застав дверь закрытой, нашли безопасное место на кустике, устроились на нем в ожидании, когда можно будет пробраться в свою подземную спальню. Или... Мало ли могло быть еще разных причин. Впрочем, я уже догадался, в чем дело, вспомнил одно наблюдение, проведенное в давние годы над этим муравьем. А пока набрался терпения и улегся на землю возле кустика: может быть, муравьи откроют секрет.

Посветлело. Но тучи по-прежнему тянулись друг за другом серыми космами. Они зацепились за вершины далеких гор и закрыли их собою. Упали первые капли дождя, и на светлой почве пустыни появились темные крапинки. Муравьи стали пробуждаться, один за другим спустились на землю, поспешно юркнули в темное отверстие муравейника, ранее открытое мной. Вскоре оттуда крошка муравей высунул свои длинные усики, повел ими во все стороны, как бы принюхиваясь, нет ли где неприятелей, потом выбрался наружу и поспешно стал расчищать вход от сухих соринков.

Теперь все ясно — крупные проформики бродили всю ночь по делам, а когда возвратились домой, были вынуждены ждать, пока откроется дверь их жилища. Давно еще мне удалось наблюдать, как вечером маленькие и юркие муравьи-проформики спешно прятались в свой муравейник, тогда как с наступлением сумерек наружу выходили на промысел муравьи побольше. Днем юрким, маленьким легче спастись, чем муравьям большим и степенным в движениях. Их время — бодрствовать под покровом ночи. Так и работают муравьи-проформики в две смены.

Мышки среди слонов. В пустыне изменчива погода. Вчера изнывали от жары, сегодня же небо серое, кое-где повисли темные облака, дует западный ветер, и мы, прожаренные, надеваем теплые куртки. Двадцать пять градусов с ветром для нас холодно.

Прохладе обрадовались муравьи, выбрались наверх. Повалили толпами муравьи-жнецы, всюду снуют суетливые муравьи-пигмеи, мчатся по делам еще более крохотные муравьи-кардиокондили.

На холмике гнезда красногрудого жнеца между рабочими снуют муравьи-пигмеи, иногда сталкиваются с хозяевами муравейника, но быстро и ловко отскакивают в сторону. Жнецов не волнуют чужаки на их холмике, привыкли к ним, не обращают на них внимания, и те между ними будто мышки между слонами. Что здесь надо малышам, зачем они так настойчиво крутятся возле чужого жилища? Обследовав весь холмик, каждый убирается восвояси, и ни один не пытается проникнуть в чужую обитель, хорошо представляя, насколько это опасно.

Брожу по холмам, поросшим полынью, цератокарпусом и терескеном, нашел еще гнезда жнецов. Но на них нет муравьев-малюток, здесь не их территория. Там же и те и другие живут поблизости вместе и поэтому обязаны знать, у кого как идут дела. Постоянный и взаимный досмотр между муравьями-соседями приходилось наблюдать не раз...

Попутешествовали по горам, теперь спустились вниз к реке Лепсы. Здесь совсем другой мир. Тугайный лес полон звуков: в зарослях лоха, разнолистного тополя, тамариска и чингиля еще распевают соловьи, резко и односложно кричит камышевка, воркуют горлинки, где-то далеко в стороне зычно прокричал фазан. На полянке между деревьями носятся ящерицы, крутится угод,

перелетают с места на место каменки, испуганный нашим появлением, пробежал заяц, а за ним с завыванием промчался наш обезумевший фокстерьер. В низких глинистых берегах тихо несет свои желтые воды река. Местами вблизи ее берегов образовались небольшие болотца, заросшие густыми зелеными травами и тростниками.

Стрекозы секреты. Лежим возле машины на тенте и отдыхаем. Возле небольшая проточка реки, раскидистые тополя бросают на наш бивак тень. Хорошо! Рядом над полянкой, поросшей редкими кустарниками, реют насекомые, а на вершинах веток уселись стрекозы. Это их наблюдательные посты. С них ловкие хищницы высматривают добычу: заметив пролетающее насекомое, бросаются за ним вдогонку.

И я приглядываюсь к стрекозам. Они относятся к роду симпетрум. Почему многие из них постоянно меняют положение крыльев: то поднимают их слегка кверху, то опускают книзу? Что бы это могло значить? Вряд ли это делается попусту или по какой-то неясной причине. Надо достать бинокль.

В бинокль хорошо видна большая глазастая голова стрекозы. Сколько в каждом глазу крохотных восьмигранных глазков? Наверное, несколько десятков тысяч. Хищнику нельзя без отличного зрения. Вот стрекоза опустила крылья и... одновременно слегка вздернула кверху голову. Потом рывком подняла крылья кверху, а голову опустила вниз. Странно! Впрочем, что тут странного! Если набросать на бумаге схему сидящей на кустике стрекозы, то как будто находится ответ на загадку поведения. Крылья мешают обзору. Если добыча пролетает над стрекозой, то лучше ее разглядеть, определить до нее расстояние, опустив книзу крылья, а голову приподняв. И наоборот, если добыча внизу, крылья надо поднять, голову опустить. Объяснение кажется верным. Остается убедиться в правильности догадки. На лету же подобные маневры ни к чему, через трепещущие крылья все видно, как через крутящийся пропеллер самолета.

Быстро бежит время. То одна, то другая стрекоза поднимается со своего наблюдательного поста и, описав замысловатую фигуру в воздухе и схватив добычу, садится на свое место. Одна стрекоза странно реет над проточкой, будто высматривая, кто водится в воде, и вдруг неожиданно бросается в воду. Короткий резкий

всплеск — и стрекоза снова в воздухе. Ее поведение кажется необычным. Неужели она купается? Почему бы тогда этим не заняться в самое жаркое время дня? Сейчас солнце склонилось к горизонту, спала жара, и длинные тени легли между горами. Не сводя глаз со стрекозы, нащупываю в полевой сумке сачок и медленно подкрадываюсь. Стрекоза уселась на веточку ивы. Она не особенно бдительна, и мне посчастливилось: уже трепещет крыльями в плену. С интересом ее рассматриваю. Стрекоза из того же рода симпетрум, с красным брюшком — самец. На ее крыльях много красных клещиков. Они относятся к семейству гидрохиелла, живут в воде и цепляются на стрекоз. Только зачем? Наверное, ради того, чтобы попутешествовать и переселиться на другое место. Каждый расселяется по-своему: кто на крыльях, кто на ногах, кто с водой. Красные клещи нашли себе отличный живой транспорт: приспособились путешествовать на стрекозах.

Стрекозе нелегко носить на себе столько пассажиров, да и, наверное, они мешают летать. Пытаясь от них избавиться, она на лету шлепается о воду, чтобы смыть с себя докучливых пассажиров. А им только это и надо! Такой нырок стрекоза совершает бессознательно, как делали ее давние предки. И благодаря этому красные клещи расселяются по водоемам.

Беру стрекозу осторожно пинцетом и слегка ударяю ее по воде. После нескольких ванн на моей пленнице почти нет назойливых пассажиров, отцепились! Пинцетом же их не легко согнать: сидят на своем «самолетике» крепко, не желают расставаться.

Одной стрекозе не посчастливилось. Ее всю облипли клещики. Вначале я ее фотографирую. Стрекоза удивительно спокойна, как бы позирует. У нее, оказывается, небольшой охотничий участок, с которого она не желает улетать. Потом, поймав ее, я насчитал на ней около семидесяти клещиков. На правых крыльях их оказалось больше, чуть ли не в два раза. Хорошо, что не собрались все на одной стороне!

Возле болотца. — Слышите? — спрашивает Ольга. — Кто-то странно кричит у болотца!

— Тебе всегда чудится. Ничего не слышно! — авторитетно заявляет Николай.

Я напрягаю слух и тоже ничего не различаю особенного. Тогда мы втроем идем к болотцу. Ольга права, с противоположной его стороны из зарослей тростника

доносится странное монотонное и скрипучее покрикивание. Будто какая-то гигантская кобылка завела свое бесконечное стрекотание. Звуки повторяются почти через одинаковые промежутки времени, довольно громки, и я удивляюсь, как раньше их не слышал.

Усиленно всматриваюсь в болотце, но никого не вижу, кроме нескольких лягушек. Они уселись на различном хламе, выглядывающем из воды, греются на солнце.

Предлагаю Николаю идти на другую сторону болотца, а сам буду следить с этой стороны.

Николай обегает болотце, но не успевает к нему подойти, как вдруг тростник заколыхался, в нем раздается громкий шум. Я насторожился, ожидаю появления какого-то зверя, но из зарослей вылетает мой фокстерьер и бросается в воду. Не заметил я, когда он, сообразив в чем дело, успел принять участие в наших поисках. Собака проплывает несколько метров, застревает в густом нагромождении водорослей и растительного мусора и, усиленно работая лапами, совсем запутывается и медленно погружается в воду.

Едва успеваю сбросить с себя полевую сумку, бросаюсь в болотную жижу. Во все стороны от меня бултыхаются в воду перепуганные лягушки. Глаза собаки смотрят на меня безотрывно и как-то необычно серьезно. Дотягиваюсь до морды, сперва ухватив за шерсть, подтаскиваю к себе, цепляюсь за ремешок и вызволяю Кирюшку из водяного плена. Теперь не до таинственного крика. Надо снимать с себя одежду, переодеться.

Загадочный музыкант будто напугался, замолк. Но ненадолго. Снова закричал хрипло и скрипуче, только тише и будто с какой-то жалобной ноткой.

Обхожу болотце, осторожно раздвигаю палкой высокий тростник, приближаюсь к берегу, затаиваюсь, жду. И вдруг крик почти рядом со мною. Тихо-тихо раздвигаю тростники и вижу: крупный красноголовый уж собирается заглатывать лягушку, схватив ее за заднюю ногу. Его голова сильно вздулась, змея не торопится: ждет, когда добыча выбьется из сил, затихнет. Хорошо бы сфотографировать эту сценку. Но надо вытащить удачливого охотника вместе с его несчастной жертвой из зарослей тростника на солнце. Пытаюсь схватить ужа. Он, поняв грозящую ему опасность, скользит к воде и, когда я пытаюсь задержать его палкой, отпус-

кает лягушку. Оба скрываются в болотце. Представление закончилось!

Много лет назад, путешествуя на байдарке по реке Или, я застал подобную же картинку. Но тогда лягушка кричала очень громко, будто ребенок, и я так торопился к берегу, что чуть было не опрокинул свое утлое суденышко.

Но каковы лягушки, обитательницы маленького болотца! Спокойно восседали на поверхности воды, слушая вопли гибнущего собрата. Хотя что им оставалось делать?!

В жару и в прохладу. Нестерпимое жаркое солнце повисло над горячей пустыней, и она, ослепленная его лучами, будто замерла, пережидая зной. Колышется горизонт в струйках перегретого воздуха, пышет жаром раскаленная земля, тело обливается потом...

На кустиках вблизи реки расселась стайка стрекоз, все они замерли в странных позах: брюшко поднято почти вертикально кверху, крылья слегка опущены. В таком виде маленькие охотницы похожи на зенитные орудия, нацеленные в небо. Оказывается, стрекозы спасаются от дневного солнца; в такой позе площадь тела, освещенная горячими лучами, уменьшена до предела.

Приглядываюсь к стрекозам — не все сидят одинаково. Эти (вот забавные!) изобрели свой способ. Повернулись к солнцу головой и большими глазами отражают жаркие лучи. За глазами спрятали грудь, а брюшко согнули книзу под углом, тоже в тень свою устроили. Эта поза хуже защищает от солнца, зато так виднее добычу: заметив мелькнувшую на фоне светлого неба темную точку, охотница срывается с причала, совершает короткий бросок, с добычей возвращается обратно и садится, по-прежнему отражая многочисленными фасетками глаз солнечные лучи.

Очевидно, сидящие головой к солнцу — голодные стрекозы, брюшками — сытые.

Кузнечики и кобылки спрятались в тени камешков. Многие забралась в норки мокриц, песчанок: там прохладнее. А те, кто живет среди травы, все, будто по команде, засели на теневой стороне стеблей. Здесь все же чуточку легче, чем на солнце.

Бабочки тоже страдают от зноя. Плотно сложили крылья и направили их остриями на солнце: как можно меньше соприкосновения с его лучами, как можно

меньше дать от себя тень. Некоторые из них угнездились в кусочке тени в небольшом обрывчике, сбились стайкой, замерли. Пустынный аскалаф нашел себе веточку с листиком и тоже уселся в тени. Солнце медленно перемещается по небу, и тень от веточки с листиком тоже, за нею незаметно передвигается и аскалаф: как-то надо прятаться от жары.

Забрались в свои норки и муравьи пустыни. Нет ни одного возле входа в подземелье. Даже муравьи-бегунки, которым жара нипочем, и те исчезли. Но один разведчик запоздал, где-то далеко был, и сейчас, бедняжка, мчится домой, по раскаленной земле. Как он только переносит такую страшную температуру? Но бегунок знает дело. Заскочил на попутную травинку, посидел там, размахивая усиками, остыл и опять в путь помчался короткими перебежками до следующей спасительной травинки.

Жарко и личинке муравьиного льва в своей раскаленной ловушке-воронке. Где найти прохладу, когда земля так нагрета, не бросать же свое сооружение? И личинки углубляют западню, выбрасывая головами-лопатами землю. От этого жилище хищника становится не таким, как обычно, а напоминает полузасыпанный колодец. Он не особенно хорош для ловли добычи, зато в нем, как бы высоко ни стояло на небе солнце, есть кусочек тени, в которой можно спрятаться, выставив наружу из земли на всякий случай кончики своих острых челюстей. Перемещается по небу солнце, перемещается и тень, движется за нею и страдающая от жары личинка муравьиного льва.

Но склонилось солнце к горизонту, и сразу похолодало. Ночью ярко сверкают на черном небе звезды. Под утро совсем становится прохладно: приходится поверх спального мешка тужурку набросить.

Восходит солнце. Постепенно пробуждается жизнь. За ночь остыли насекомые. Стрекозы, распластав в стороны крылья, вытянули тело на солнышко: ждут не дождутся, когда согреются, прежде чем взмыть в воздух и начать охоту.

Все кобылки и кузнечики забрались повыше на травинки, устроились боком к солнышку, оставили в сторону большие ноги, чтобы не заслонять ими брюшко, — тоже соскучились по теплу.

Черная оса-помпилла, парализатор пауков, выползла из ночного укрытия и легла на песочек боком, подста-

вив свое озябшее тело живительным лучам. Сразу не догадаешься, что за странная поза, невольно подумаешь, что оса заболела.

Озябли и бабочки. Каждая нашла себе солнечное местечко на земле, широко раскрыла в стороны цветастые крылья и уселась так, чтобы лучи солнца падали на них перпендикулярно. Иногда бабочка приподнимает нарядные крылья и отставляет их под небольшим углом. Теперь солнечные лучи, отражаясь от крыльев, как от зеркальца, падают на тело. Некоторые бабочки почему-то пренебрегают этими приемами и, желая согреться, ложатся на бок, подставляя тело лучам солнца.

Соскучился по теплу и аскалаф. Куда делась его смиренная поза? Переполз на освещенную сторону своей травинки, расправил крылья под углом к солнцу, обнажил черное брюшко: так скорее согреешься.

Муравьям ночной холод нипочем. Они провели ночь в тепле, в своих подземельях, и теперь, когда теплые лучи солнца заскользили по остывшей за ночь земле, выбрались наверх и принялись за бесконечные дела.

Змеям и ящерицам, как и насекомым, тоже плохо от утренней свежести. Песчаный удавчик выбрался наверх и, чтобы скорее согреться на солнышке, совсем стал плоским и широким. Ящерица — такырная круглоголовка — еще с вечера приготовилась встретить солнце: улеглась с восточной стороны камешка и, как только лучи солнца побежали по пустыне, окрасив ее в розовые тона, сразу же, как и удавчик, расплющила тело, прижалась к камешку, застыла будто изваяние.

Плохо, когда слишком много тепла исходит солнце, и плохо, когда его не хватает, холодно. Вот и приходится изощряться по-разному в жару и в прохладу.

Комарик-невидимка. Вблизи реки Лепсы громоздятся барханы. Едва на них забрался, как обдало жаром — так раскалились пески. Скоро и ноги стало жечь через подошву ботинок. В барханах интересно. Песок весь в следах ушастых круглоголовок: глубокие извилистые борозды и сбоку — ямочки от ног. Кое-где видны и норки, из них выглядывают головки ящериц. Иногда след ящерицы уходит в песок, и, сколько в этом месте ни ройся, нет хозяйки, уползла под песком куда-то далеко. Некоторые круглоголовки выскакивают из-под ног, показывая уморительные фокусы своим хвостиком, закручивающимся в колечко.

На песке валяются мертвые кобылки-пруссы и почти вокруг каждой — следы круглоголовки. Подбежит ящерица, покрутится, попробует и оставит мертвую добычу. Кобылочки-песчаночки, как всегда, оживленны и подвижны.

Пробежал песчаный бегунок: что-то потащил в челюстях. За ним поспешил другой, такой же.

Меня отвлекает тень от какого-то маленького насекомого. На светлом песке она темная, заметна издали, но ее хозяйина не видно. Очень хочется узнать, что это за насекомое. Я примерно рассчитываю, с какой стороны и в каком направлении от тени должен находиться таинственный незнакомец. Иногда удается в воздухе заметить светлую точку, но уследить за нею трудно, и я ее теряю. И так несколько раз.

Наконец удача, поймал! Осторожно вытаскиваю из сачка, кладу в стеклянную баночку. Передо мной какой-то необычный комарик, совсем светлый, крылья у него не прозрачные, как полагается, а тоже почти белые, матовые. Казалось бы, чем плохи прозрачные крылья, но они могут выдать, отражая лучи солнца. Усики у комарика совсем коротенькие, состоящие из маленьких члеников, и тоже белые. Только одни глаза — два черных уголька. Не встречал прежде такого комарика-невидимку, не знаю, кто он такой, и не уверен, смогут ли мне специалисты по двукрылым его назвать. В мире очень много не известных для науки насекомых.

Мушки-береговушки. Всюду по барханам, подступившим к реке, шмыгают жабята. Здесь для них раз-

долье: кое-где между песками сверкают небольшие мелководные озерца. У одного маленького озерка по топкому и низкому берегу собралась многомиллионная компания мушек-береговушек. Сколько их здесь — даже сказать трудно. Они толпятся тесными стайками, почти вплотную друг к другу, иногда взлетают шумным облачком и почти тотчас же снова садятся. Над ними несколько раз пролетают ласточки. Но мушки не взлетают, будто знают, чем это может закончиться.

Маленький жабенок польстился береговушками и ринулся в озерко. Но мушки резво разлетелись перед ним в стороны, а кое-кто даже в воздух не стал подниматься, отбежал просто в сторону. Ничего не поймал жабенок, всюду перед ним открывалась чистая от мушек вода. Зато другой оказался хитрее. Залез в воду, едва выглядывая из нее, застыл серым комочком. Не отличишь от бугорка глины. Изредка то одна, то другая мушка, не разглядев опасности, садится на него. И тогда изо рта мгновенно выскакивает липкий язычок и добыча отправляется в рот.

Каракурт и песчаная пустыня. Многие почему-то считают, что ядовитый паук-каракурт водится в песчаной пустыне. Наверное, потому, что с горячими непроходимыми безводными песками связывается все враждебное человеку.

В действительности же каракурт не водится в песках, не живет в них, и, сколько я ни искал его, никогда там не находил. А на изучение этого паука было потрачено несколько лет, и о нем написана толстая книга.

«Почему каракурт не может жить в песчаной пустыне?» — спрашивал я себя и не мог найти ответа.

Сейчас же нашлась отгадка. И настолько простая, что мне до сих пор непонятно, как я сразу до нее не додумался.

Каракурт делает тенета из крепких паутинных нитей, которые беспорядочно плетет над самой землей, прикрепляя их к почве и к окружающим растениям. Многие нити идут сверху вниз к земле и как бы натягивают продольные горизонтальные нити. Кроме того, эти вертикальные нити липкие. К ним цепляется добыча. На тенетах паук еще подвешивает своеобразные резонаторы — кусочки земли, мелкие камешки. Насекомые — добыча паука, задевая за паутину, раскачивают эти резонаторы, и до хозяина ловушки доходит ощутимое сотрясение.

В песчаной пустыне каракурт не смог бы плести свою сеть. К чему бы он прикреплял вертикальные нити? К доске их не прицепишь — он рыхлый, и песчинки легко отделяются друг от друга. Поэтому каракурт, попавший в песчаную пустыню, обречен на голод. Без ловушки из паутинных нитей он совершенно беспомощен.

Но в очень давние времена в песчаных пустынях все же приспособился жить каракурт. Он стал устраивать свои гнезда на кустарниках, которые не дают тени, поэтому постепенно посветлел и стал белым. Живет он в песках Средней Азии. Ему дали несуразное название — белый каракурт, то есть белый черный курт*.

Красноглазая тахина. Мы часто отклоняемся в сторону от маршрута нашего возвращения с Балхаша. Сейчас перед нами ровная, как стол, уходящая вдаль, к горизонту, Алакульская впадина: море зелени, тростники, цветы, черные пыльные дороги, цапли, белые чайки и звон комаров. Совсем другой мир после светлой сухой пустыни.

Близится вечер. Вдали виднеется темная полоска деревьев. Неторная дорога к ней — для нас находка, можно надеяться на хорошее место для стоянки. Километр пути — и перед нами спокойная река Тентек в бордюре старых развесистых ив. Под ними такая долгожданная тень, в которой можно укрыться от солнца и отдохнуть. И... влажный воздух.

Посередине реки виден небольшой остров. С него доносятся истошные крики ворон и галок. Наверное, из гнезд вышли сразу вместе воронята и галчата и всем теперь масса хлопот. Крик птиц надоедает. Уже сумерки, а шумное общество не успокаивается.

Ночью просыпаюсь от крупных капель дождя. Но небо чистое, на нем горят яркие звезды. Дождь ли это? Наверное, на старой иве поселились пенницы и роняют вниз крупные капли белой пены. Как будто еще падают мелкие капли, но это так кажется.

Рано утром мы просыпаемся под громкий и непрерывный гул множества работающих крыльев, истошные крики ворон и галок и тихий звон комаров. Но стаи

* В тюркских языках пауков — «эрмекши», но «кара» — черный, «курт» — козявка. Может быть, такое название он получил после того, как укусил человека, в неузнаваемо раздавленном нельзя было опознать паука.

птиц вскоре улетают на луга, комары прячутся в траву от солнца и сухости, а низкий гул крыльев продолжается. Всюду в воздухе невысоко над землей, каждый на своем месте, висит слепень-самец и неутомимо работает крыльями. Иногда совершается резкий рывок в сторону, погоня за ближайшим соперником, вторгшимся на чужую территорию, и вновь полет на одном месте. Самки ползают по ветвям деревьев. Им будто нет дела до брачных полетов самцов.

Солнце начинает пригревать. Пенницы перестали ронять на землю капли влаги. Но что творится с машиной! Она вся пестрая от множества поблескивающих пятнышек. На листьях старой ивы, под которой мы расположились, оказывается, всюду разгуливают элегантные зеленые цикады. Пятнышки на машине — от них. Это сладкие испражнения, предназначенные для муравьев. Но потребителей угощений здесь почти нет. Несколько лет назад река выходила из берегов, и муравьи исчезли.

Когда-то вдоль реки бульдозерами был сделан предохранительный земляной вал против наводнения. Он слабо зарос растениями, и почва на нем не слежалась как следует. Земляной вал среди роскошных лугов — настоящее царство для роющих насекомых. Одиночные пчелы, осы-аммофилы — охотники за гусеницами, осы-церцерисы — истребители жуков, осы-бембексы — гроза слепней и многие другие всюду летают, ползают и скрываются в норках.

Над землей реют осы-церцерисы. За одной осой, точно копируя ее полет, следует какая-то мушка. Иногда она отстает и садится на былинку, поглядывая по сторонам яркими красными глазами на белой голове. Я ловлю маленьких ос-церцерис. Это самцы. Они поглощены долгим и трудным делом, разыскивают своих сильно занятых и к тому же редких подруг. Но зачем же красноглазой мушке понадобились самцы ос, какой от них прок? Если бы мушка собиралась отложить яичко на осу, она могла бы это сделать давным-давно и с большим успехом. Да и какой прок от самца: его жизнь скоротечна. Ей нужны самцы для чего-то другого. Наверное, по самцам она хочет найти норку самки и подбросить свое яичко на запасенных для личинок осы парализованных жучков.

Вот один самец, без усталости реющий на крыльях, ныряет в норку. За ним тотчас же проскальзывает

мушка. Неужели предположение верно? Коли так, то хорош кавалер, приводящий к возлюбленной ее закланного врага!

Норку прикрыл комочком земли, начинаю раскопку. Но из отверстия в земле выскакивает только один самец и его преследовательница мушка. Они забрались в пустующее помещение.

Пролетела крупная самка осы-церцерис, бросив преследование самца, сразу же за нею кинулась мушка. Обе скрылись в норке. Надо вырыть эту норку, изловить обеих и убедиться, что в наблюдениях нет ошибки. Но как сделать, чтобы не упустить мою добычу?

Закладываю камешком норку, спешу на бивак, беру марлевый полог и, накрывшись им, усаживаюсь возле норки. Теперь я смогу смело копать землю. Если кто вылетит из нее, никуда не денется. И как только я не мог раньше применить этот способ! Сколько в жизни было огорчений и неудач при раскопках норок насекомых! В пологе душно, жарко, но зато я спокоен.

Камешек, прикрывающий норку, снят, в норку засунута соломинка, начинаю раскопку. Вот из норы выскакивает стремительная мушка и садится на стенку полога. Это она, красноглазая тахина. А вот и сама самка-церцерис. Норка пуста — оса еще не заготовила в нее добычи. Но тайна красноглазой тахины разгадана. Она злейший враг ос-церцерис, разыскивает их норки, то следуя за самцами, то за самками, за кем придется, лишь бы добраться до чужого добра и, проникнув в норку, подбросить яичко в добычу, предназначенную для потомства осы.

В наблюдениях за осами незаметно проходит день. Вечереет. Постепенно становится громче гул крыльев: над травой в брачном полете опять реют самцы-слепни, тонко звенят комары. Стая ворон и галок прилетела на свой остров, покрутилась и, вдоволь накричавшись, помчалась к далекому озеру Сассыкуль. Когда крики птиц затихли, мы почувствовали облегчение. Теперь остались только комары, пенницы да цикады.

Умелый маскировщик. На каждом биваке почти всегда найдется что-либо интересное. У реки Урджар нам не повезло: выдался очень жаркий день. В тростниках и зарослях ныли комары-анофелесы. Муравьи-жнецы все до единого спрятались в гнезда, и даже неутомимые бегунки забрались в подземные убежища.

Среди кустиков терескена — запутавшаяся в редких

шелковых нитях яркая, красная, в белых полосках куколка какой-то бабочки. Она неспроста в такой заметной одежде, наверное невкусная, ядовита. Устанавливаю фотоаппарат, но куколка не попадает в поле зрения. Вместо нее вижу сухую необычную палочку, и на нее будто уселся паук. Оторвавшись от съемки, смотрю на нее.

Палочка висит вертикально на аккуратно выплетенных круглых тенетах. Самую середину ее занял небольшой серый, с очень забавными выступами и бугорками паук. Ниже его располагается продольная полоска серой паутины, в которую вплетены остатки добычи, а выше — небольшие круглые кокончики, тоже переплетенные паутиной с остатками насекомых. Все вместе: кокончики, паук и серая полоска — походили на сухую палочку, торчащую среди полусохших и выгоревших на солнце кустиков.

«Наверное, очень редки эти ловкие пауки-маскировщики; раньше никогда не встречались», — подумал я. И ошибся. Обманных палочек оказалась всюду масса. Они были везде на излучине реки, где мы остановились. Долго в неведении держал меня паук-обманщик! Если бы не красная куколка с белыми полосками, так и не узнал бы о нем.

Усаживаюсь на походный стульчик, вынимаю лупу и принимаюсь внимательно рассматривать искусное сооружение паука. Прежде всего интересно узнать, что находится в коконах. Они сплетены из тонкой оболочки, внутри выстланы отличнейшей коричневой блестящей шелковой тканью. В самых нижних коконах рядом с пауками находятся недавно снесенные слегка прозрачные, коричневые, уложенные аккуратными рядками яички. Их немного: всего около полусотни. Паук кладет яичек ни меньше ни больше, так как кокон должен быть равным диаметру обманной палочки. В коконе, расположенном выше, находятся молодые паучки. Они только что сбросили свою первую белую линичную рубашку, беспомощны и едва шевелят ногами. В третьем кокончике уже окрепшие паучата, черные с белыми пятнышками, шустрые, быстрые. Они покидают родительский кров и расползаются в стороны. Часто третий кокон пуст или в нем лишь несколько паучат — самые запоздалые. Четвертый и пятый кокончики пусты, в них только линичные шкурки.

Итак, у всех пауков дела идут одинаково и одно-

временно, будто вся их большая компания живет по команде, посылаемой погодой и условиями жизни.

Молодые паучки расселились, некоторые осели тут же, возле родителей, и среди травы раскинули свои крошечные паутинные тенета, выплетенные по всем правилам строительного искусства, переданного инстинктом по наследству от своих предков. Паучкам еще далеко до того времени, чтобы класть собственные яички; быть может, они еще перезимуют, но на крошечной сети у каждого уже есть тоненькая обманная палочка, выплетенная из паутины и остатков первых охотничьих трофеев. В центре этой палочки и сидит сам паучок.

Паутинная сеть — сложное и аккуратное переплетение концентрических и расходящихся от центра в стороны лучами паутинок — непрочное сооружение. Ветер, крупные капли дождя, проходящие мимо животные, да и попавшая в тенета добыча рвут нежные нити, и паукам приходится их все время чинить и, кроме того, заново выплетать, особенно после того, как выплетен новый кокон.

Паучок всегда сидит в самом центре круговых тенет. В это место сходятся со всех сторон нити, по которым полагается следить за всей ловушкой, точно определяя положение попавшей в нее добычи. Первый кокончик выплетается в тенетах рядом с пауком, но чуть выше. Из-за каждого последующего кокончика, выплетаемого ниже первого строго по вертикальной линии обманной полоски, пауку приходится перемещать центр тенет и переделывать все ловчее сооружение заново. Сколько сделано пауком кокончиков, столько раз и реконструируется сеть. Не думаю, чтобы выплетение сетей составляло для паука много хлопот. Материала — тончайших паутинок для постройки тенет — идет немного. Ну а паук в этом деле большой мастер.

Наступает вечер. Жаль, что знакомство с пауком состоялось так поздно. Завтра предстоит путь дальше.

Рано утром наши полога серые. На них сидят темные комары-анофелесы. Я спешно раскладываю дымок-кур и прогоняю непрошенных посетителей. Готовимся к отъезду. Пока в машину укладываются вещи, тороплюсь проведать пауков. Вот несколько замеченных с вечера и умышленно разрушенных тенет, с которых все сооружение было сброшено на землю или оставалось висеть на одной-двух нитях. Всюду вижу идеаль-

ный порядок, и на свежих, поблескивающих на утреннем солнце нитях висят те же обманные палочки из панцирей охотничьих трофеев, кокончиков с многочисленным потомством и серой паутины. Но остатки старой паутины, кажется, не брошены. Материал не пропадает зря. В центре каждой палочки, как всегда, неизменно сидит в позе покоя и ожидания сам хозяин сооружения, весь в забавных бугорках и отростках, неутомимый строитель и охотник, умелый маскировщик и заботливый родитель.

Коллективная защита. Жара заставила нас забраться в небольшую рощицу развесистых карагачей. Среди молодой поросли мелких кустиков я заметил старый и высокий пенёк. Предвкушая удачную охоту на насекомых, отправился к нему, захватив полевую сумку, фотоаппарат и походный топорик.

На пне сохранилась толстая кора. В одном месте она слегка отслоилась. Осторожно засунул в щель лезвие топора; сейчас узнаю, кто тут живет, кто спрятался от жары и света. Но в тот момент, когда кора отошла в сторону, очень сильно запахло клопами. Не задел ли я головой сидящую на листике вонючку и не отомстила ли она по своему клопинуму обычаю за потревоженный покой?

Но я ошибся. Густой клопинуый запах шел из-под коры. Вся щель оказалась забитой множеством сухих клопинуых шкур. Гардероб клопов строго стандартен: все одежды сбросили с себя молодые клопы-пентатомиды, прежде чем превратиться во взрослых франтов.

Линька у насекомых — ответственное дело в жизни. Протекает она медленно, болезненно, насекомые в это время беспомощны. Вот и собрались клопы вместе, подзывая друг друга запахом, для обряда прощания с детством и сообща напустили столько защитной вони, что ее не выдержал бы ни один враг. А клопам хоть бы что, своя вонь не слышна. Зато никто не тронет, не обидит, не убьет. В общем неплохая коллективная защита!

Полет бабочек. Машина мчит нас по шоссе. Опять мелькают мимо поселения, придорожные аллеи, посева, пастбища. Далеко от дороги светлеет поле, засаженное капустой. Здесь особенно много бабочек капустниц. Они летят все, будто сговорившись, поперек дороги к северу. Немногие как будто возвращаются обратно. Сейчас лето. Куда собрались бабочки, почему летят на север, от гор, в пустыню?

Поле капусты далеко позади, а через дорогу все еще летят белянки все так же строго поперек дороги, но уже в двух направлениях: туда и обратно. Оказывается, пересекают дорогу не только белянки, но и репницы, желтушки, голубянки. Летят над самым асфальтом, почти прижимаясь к нему. Среди бабочек есть неудачницы, сбитые автомашинами. Над одной, трепещущей поломанными крыльями, порхает, крутится другая такая же бабочка.

Дорога проходит через аллею из высоких тополей. И здесь с удивлением вижу, как бабочки пересекают ее, но уже не над самым асфальтом, а высоко, выше, чем автомашины, поэтому нет сбитых неудачниц. В аллее стоит неумолчный гомон воробьев. Здесь расположилась их большая колония. Через дорогу в «гости» друг к другу постоянно перелетают птицы, немало из них молодых и неопытных, которых сбивают машины. Не случайно здесь крутятся коршуны, торчат у обочины грачи и вороны. Добычи много, успевай подбирать да увертываться от машин. Выходит, воробьи более неуклюжи, чем бабочки.

Теперь не свожу глаз с бабочек, перелетающих через дорогу. Все же почему они пересекают ее только с юга на север и обратно? Не могу ответить на этот вопрос и теряюсь в догадках. Сезонные перемещения тут ни при чем. И ветер тоже не повинен. Его сегодня нет: пыль, поднятая машиной по ближней проселочной дороге, повисает в воздухе светлой полоской.

Вскоре дорога резко поворачивает почти под прямым углом и идет на север. Но и здесь бабочки пересекают ее строго поперек. Стороны света, оказывается, не имеют никакого значения. На следующий день уже твердо убедился, что все бабочки без исключения пересекают асфальт дороги только поперек и никогда не летят по ней вдоль. Чем вызвано это правило поведения, сказать трудно. Бабочки, летящие по дороге, подвергаются большей опасности от мчащихся машин? Это понимают некоторые звери. В пустыне, например, песчанки всегда стараются перебежать дорогу поперек и протаптывают по ней торные тропинки. Змеи тоже оставляют следы своих путешествий поперек дороги. А бабочки? Невероятно, чтобы из-за грозящей от машин опасности произошел так быстро естественный отбор, изменивший поведение этих, в общем медленно летающих созданий. Не так уж давно развился авто-

мобильный транспорт, да и асфальтовые дороги занимают не столь много места по отношению к остальной площади земли.

Загадка остается как будто нерасшифрованной. Открыть секрет поведения бабочек интересно. Вспоминаю странное поведение летящей над асфальтом стаи стрекоз, и мне кажется, оба этих случая чем-то связаны. Черная лента шоссе, вероятно, воспринимается бабочками как водная преграда, допустим река, которую полагается пересекать только в самом коротком направлении. Подобное правило поведения запрограммировано испокон веков и инстинктивно и неукоснительно соблюдается. Вспомнился еще случай: на северном берегу Балхаша, сильно вытянутого в меридиональном направлении, бабочки-бражники пересекали его строго поперек.

Впоследствии я много раз убеждался в том, что все бабочки всегда пересекают асфальт строго поперек и никогда не летят вдоль него.

Жаворонки и автомобили. Асфальтовое шоссе преподносит мне еще один сюрприз. На одном из участков дороги лежит много убитых жаворонков. Ольга жалеет птиц, не может смотреть, отворачивается. Николаю хоть бы что, от нечего делать он принимается считать неудачников. Получается: на километр пятнадцать — двадцать убитых птичек, сто — на пять километров пути. С дороги то и дело взлетают коршуны, пустельги, канюки, вороны и сороки. Нашли легкую и свежую добычу!

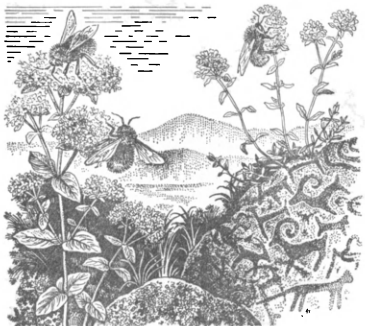
Иногда перед нами с дороги взлетают стайки жаворонков и свободно увертываются, рассыпаясь в стороны. Впрочем, я, как всегда, берегу мотор, экономлю горючее и держу скорость не более шестидесяти километров. Сегодня выходной. По дороге проносятся юркие «Жигули» и «Москвичи», все время нас обгоняя. И тогда я догадываюсь: легковушки сбивают жаворонков, птицы не в силах избежать столкновения с машиной, несущейся на большой скорости.

Глядя на дорогу, стараюсь не останавливать внимания на убитых птицах. Но что это? Возле одной, другой не всегда, но часто сидят жаворонки, целые, невредимые. Сидят, будто поглядывая на убитых. Что это — случайность, выражение участи гибели ближнего? Нет, я не фантазирую, нет у меня никакого желания заниматься выдумками. Все это легко проверить, убедиться

любому. Бедные! Быть может, когда охрана природы станет одной из первоочередных задач и человек научится ее беречь, на дорогах будет установлено ограничение скорости и, кроме того, появится новый знак: «Осторожно, полевые птицы!»

Жаворонки кормят птенцов насекомыми и в какой-то мере помогают земледельцам защищать урожай от захребетников. Человек косвенно иногда их благодарит: машины, везущие зерно с полей, кое-где его просыпают и тем самым кормят птиц. Машины легковые же их убивают.

НА ОБРАТНОМ ПУТИ

Ущелье неумных тружеников. Трудно нам привыкать к новой жизни, к пути по шоссе среди постоянных поселений. А они следуют одно за другим, и, когда день клонится к концу, нелегко выбрать место для ночлега.

Вот и сейчас скоро вечер, пора думать о биваке. Слева — посевы, справа — невысокие горы. Они кажутся такими приветливыми и глухими, но в каждом ущелье видны строения животноводов. Наконец находится безлюдное ущелье, и мы рады ему: здесь и следов скота мало, и растительность цела. Наспех поужинав, усталые, заваливаемся спать.

На рассвете над горами запели жаворонки. Потом рядом с биваком раздалось низкое гудение, затем в другом месте, и всюду послышался гул от чьих-то крыльев.

Выбираться из-под полога не хочется, клонит ко сну, да и все дружно спят, но и узнать надо, кто тут расшумелся на все ущелье... Завел мелодичную песню

удод, свистнула чечевица, а гул все тот же, не прекращается.

После завтрака отправляюсь в поход. Вокруг цветет фиолетовый шалфей, желтыми свечками стоят торжественные коровяки, из зарослей трав выглядывают сиреневые богородская травка и душица, всюду трудятся большие шмели, и воздух гудит от множества их беспрестанно работающих крыльев. Мохнатые труженики, как всегда, очень заняты, ни на кого не обращают внимания, перелетают с цветка на цветок, собирают пыльцу, нектар.

Шмели удивительно трудолюбивы. Это гул их крыльев я слышал на рассвете. Все насекомые еще спят, а они с раннего утра уже в полете. И кончают работу поздно, когда вся шестиногая братия спит. Ни дождь, ни туман, ни прохлада им не помеха.

Почему в этом ущелье так много шмелей? Раньше не приходилось видеть такого скопления этих насекомых. Какие условия так удачны для их процветания?

Шмели — полезные насекомые. Они незаменимые опылители многих растений, в том числе клевера. Там, где нет шмелей, клевер не дает семян. В Австралии не удавалось вырастить клевер до тех пор, пока туда не завезли шмелей. Правда, дело оказалось не столь простым. Шмелей там начали уничтожать мыши. Пришлось ради благополучия опылителей клевера ввезти еще и кошек. Кошки стали уничтожать мышей, шмели стали усиленно размножаться, опылять клевер, а фермеры — получать отличный урожай семян этой культуры.

Чем выше в ущелье, тем выше и лучше трава. Появляется ручей. На илистой отмели видны следы дикого кота. Уж не этот ли хищник — друг шмелей и не ему ли обязаны они своим процветанием? Могут быть и другие причины. На пути я встречаю уже пятого щитомордника, греющегося на солнце. И змеи тоже могут быть косвенными помощниками шмелей.

Рисунки на скалах. В ущелье поднимаюсь выше, ручей стал многоводнее. На склонах гор появились черные от загара скалы, значит, могут быть и наскальные рисунки, и я иду на охоту за ними.

Не богато ущелье рисунками. Они редки, но интересные. Вот верблюд, против него, по-видимому, собака, а между ними фигура человека. Недалеко от этого рисунка очень симпатичное изображение верблюда, выбитое грубыми линиями, а левее — его знак. Потом

вижу изображение лошади с всадником и верблюда также с восседающим на нем человеком, какой-то квадрат и опять кошку с длиннющим хвостом, по-видимому, гепарда, судя по длинным ногам. Вот и необычное. Мне никогда не приходилось встречать такие знаки, похожие на отпечатки птичьих лапок. Что они могут обозначать? Будет ли когда-либо разгадан знак длинной спирали и что он мог означать?

Очень характерна фигура оленя: так изображен, будто животное заглядывает сверху с высокой скалы в глубокое ущелье. Грациозны козлики, бегущие в одном направлении, фигурка между ними непонятна, возможно, молодого козленка. Кто-то, основательно потрудившись, выбил козла. А этот олень был нарисован одним художником, а всадник, стреляющий в него из лука,— другим. Уж очень различны они по стилю и художественным достоинствам.

Рисунок рядом глубок и, судя по слабому загару, выбит сравнительно недавно. На нем всадник преследует какое-то непонятное животное, возможно волка. У двух фигурок оленей рога исполнены в несколько измененной манере «елочки». Зато на другом рисунке изображение рогов более правдоподобное. Впрочем, рисунок одного оленя не закончен, другой относится к козлу. Непонятен рисунок рядом. Здесь как будто, начав уверенными линиями рисовать какое-то, скорее всего копытное, животное, быка или оленя, художник

неожиданно закончил его вычурными и совершенно непонятными линиями. Будто зашифровал свой собственный рисунок. Слева над этим рисунком-загадкой находится изображение стройного жеребенка или козленка. Рисунки оленей очень похожи, они почти одинаковы, быть может, представляют автограф одного и того же человека.

Последний рисунок также загадочен: рядом со стилизованным изображением скачущего козла рисунок другого козла, весь усеянный следами ударов острым предметом. Он явно служил мишенью. Рисунки-мишени я находил и прежде. Но почему именно только один рисунок послужил для этой цели?

Как всегда, при изучении наскальных рисунков множество вопросов остается без ответа.

Стрекозы-стрелки. После похода по скалам в ущелье нашлось отличное тенистое местечко, и я обрадовался возможности передохнуть от жары. Но как ни хорошо возле ручья, интересно узнать, что творится вокруг. Вскоре отправляюсь к холмам, поросшим шиповником и мелкими кустиками таволги. Здесь неожиданно для себя встретил паука аргиопа брюенхи. В последнее время он стал очень редким, не в пример своему родичу, другому пауку — дольчатой аргиопа лобата. Пауки сидели на своих аккуратно сплетенных круговых тенетах, поджидая добычу. Устроились они неплохо: каждый занял небольшое свободное пространство между кустиками, загородив его своей ловушкой. Кое-кто из них удачно поохотился, судя по большому, раздувшемуся от обильного питания брюшку. Тут же, в тени между кустиков, тихо летали две стрекозы-стрелки. Иногда они садились на кустики, отдыхали. Я успел заметить, что у одной из них было хорошо разработанный между кустиками маршрут. Но, подлетая к тенетам, стрелка каждый раз осторожно, едва не касаясь нитей, обходила их вокруг. Поведение стрелки меня поразило. Откуда она знала, что паутинные нити опасны, что их хозяин-хищник непременно воспользуется застрявшей в ловушке добычей? Может быть, она уже попадала в сети паука и благополучно вырывалась из них? Или в ее инстинкте издавна запрограммирован опыт предков и понимание опасности, которую представляют эти красивые круги из тонких нитей? Трудно ответить на эти вопросы!

Хорошее нам встретилось ущелье: с наскальными

рисунками, шмелями-тружениками и ловкими стрекозами-стрелками...

И опять перед нами дорога.

Утром Николай любит посвященнодействовать над приготовлением завтрака. Он должен быть, по его мнению, обильным и сытым, варить же овсяную кашу никому не разрешает. В обеденное время он, как всегда, заранее заявляет о пропавшем курсаке (т. е. желудке), а под вечер, если запаздываем с устройством бивака, несколько раз напоминает о предстоящем ужине. В какой-то мере я этому рад. В долгом путешествии твердый распорядок дня — неперемное условие походной жизни. Вот и сейчас пора устраиваться на обед, но вокруг посева да пастбища — негде остановиться. Наконец в стороне вижу глубокий лог среди поля еще не скошенной пшеницы, целы травы и цветы. Здесь мы и решили заночевать.

Хитрый муравейник. Вблизи бивака на крохотных злаках стали созревать зерна. К ним наведываются черные муравьи-жнецы, будто проверяя, не пора ли приниматься за уборку урожая. Медлить опасно: муравейников много, а урожай трав в это лето неважный. К тому же прозеваешь уборку — зерно упадет на землю, занесет его пылью, не найдешь. Вскоре разведка донесла: созрел урожай. И сразу наступило необычное оживление. Из-под земли муравьи-жнецы растеклись колоннами во все стороны и — пошла заготовка. Еще бы, страда!

В большом старом муравейнике работа идет споро: одни муравьи, а их большинство, сборщики, они носят урожай в подземелья, другие — лушители, очищают зерна от шелухи и выбрасывают ее наверх. По кучкам разбросанной вокруг входа светлой шелухи муравейники видны издали. Иногда налетит маленький смерч, взорвет облачком шелуху, помчит ее над землей, потом разбросает во все стороны.

Всюду происходит спешная работа трудолюбивого народца. Но в одном муравейнике особые обычаи. Он молодой, холмик земли вокруг входа совсем маленький. Муравьи снимают урожай, но не занимаются лущением оболочек. Они живут по своим законам.

Необычный муравейник заинтересовал. Что за отступление от общих правил?

На следующий день урожай зерен с приземистых диких злаков уже собран, зерна на других растениях

еще не созрели. Муравьи успокоились, забрались в подземные жилища, отдыхают, ждут очередной страды. Только не в маленьком муравейничке. Здесь сейчас все заняты лущением зерна. Ежеминутно наверх выбегают рабочие с шелухой в челюстях, относят ее в сторону и — обратно в подземелье.

Так вот почему жители этого молодого поселения вели себя не так, как все! У них каждый труженик на счету, надо было немедля и как можно больше собрать зерен, выдержать соревнование с другими. Ведь семья растет, в каждой камере масса новорожденных личинок. И всех надо кормить. К тому же, может быть, в этом обществе просто еще не развилась как следует специализация его жителей, все универсалы: сперва занимаются одним делом, а потом — другим.

Как бы там ни было, молодой муравейничек выгадал, собрал больше урожая и вроде бы по сравнению с другими оказался хитрее.

Друзья и враги татарника колючего. Далеко позади остался Балхаш, Алакульская низменность, горы с ущельем неумных шмелей-тружеников, долгая дорога с многочисленными поселениями и сельскохозяйственными угодьями. Проехали город Талдыкурган. Скоро конец нашего пути. Вот и последняя наша стоянка — небольшой хребтик Архарлы. Отсюда до города совсем недалеко, около полутораста километров. За синей полоской Капчагайского водохранилища уже виден Заилийский Алатау и там, где должна быть Алма-Ата, — темная полоска дыма.

Горы Архарлы будто небольшая перемычка между тянущимся с востока на запад хребтом Чулак, с одной стороны, и параллельным с ним хребтом Малайсары — с другой. За этим хребтиком к западу начинается возвышенное плоскогорье, которое тянется до Джунгарского Алатау. Когда-то давно в этих горах, по-видимому, было много горных баранов-архаров. От них и осталось название, сохранившееся до наших дней. Сейчас здесь никаких архаров нет и в помине: хребет пересекает асфальтированная трасса, с обеих сторон к нему подошли сельскохозяйственные угодья. Но он по-прежнему очень живописен. Красивы его причудливые скалы с многочисленными нишами выветривания, узкие долинки между холмами, поросшие таволгой и шиповником, высокие скалы, местами выглядывающие на вершинах и в ущельях. Здесь сохранился один чудесный уголок

природы, неторная дорога идет туда мимо большой красной скалы, из-под которой выбивается родничок, затем взбирается на очень крутую гору, которую осилить может далеко не всякая машина. А за нею открывается пологое, с небольшим ручейком ущелье, поросшее травами, разукрашенное цветами. Здесь раздолье насекомым, иногда по склонам кричат чудом уцелевшие от любителей пострелять кеклики.

В самом начале ущелья нас встречают могучие заросли татарника, к которым не подступишься — весь исколешься. Татарник еще не расцвел, но его соцветия уже набухли, вот-вот раскроются зеленые чешуйки и выглянут из-под них лиловые лепестки. Яркой окраской, скромным запахом и сладким нектаром они привлекают к себе многих насекомых. А потом цветы побуреют и превратятся в непривлекательные колючие семена. Они очень крепко, иногда целыми гроздьями, цепляются за одежду, а уж выдрать их из шерсти собаки, гривы и хвоста лошади — мучение.

Сейчас, когда татарник еще не красуется цветами, насекомым, казалось, нечего к нему стремиться. Поэтому я не стал к нему присматриваться. И ошибся. На растении оказалось целое сборище шестиногой братии: все заняты, у всех дело к этому непривлекательному сорняку.

По светло-зеленым стволкам между острыми иголками-колючками тянутся вереницы муравьев-тетрамориумов. Вниз спускаются муравьи отяжелевшие, с раздутыми брюшками, вверх — налегке, поджарые. Неужели на растении завелись тли и их усердно доят муравьи?

Но тлей нет. Муравьи раздирают слой пушистых волосков, покрывающих растение, потом разгрызают толстую кожицу и наконец (какое ликование!) добиваются до сочной мякоти. Из нее они и высасывают соки. Немало муравьев ликует и на соцветиях. Назойливые многочисленные тетрамориумы, оказывается, большие вредители татарника.

Очень много на этом растении черных в белых крапинках хрушиков. Они сидят неподвижно на одном месте, погрузив переднюю часть туловища в соцветия, усиленно сосут растения. Немного меньше серых слоников. В погоне за соками слоники выгрызают в соцветии такую глубокую пещерку, что почти полностью в ней скрываются. Увидишь серый бугорок и сразу не догадаешься, в чем дело.

Осы-веспиды смелые, решительные, торопливые и очень занятые, легко прогрызают сильными челюстями покровы растения, чтобы тоже урвать порцию сока.

Иногда прилетают на татарник коровки-семиточки. Им, бедняжкам, сейчас нелегко: нет их исконной и традиционной добычи — тли. Приходится довольствоваться едой вегетарианцев.

Муравьи-тетрамориумы, пестрые хрущики, серые слоники, коровки, осы-веспиды — все они делают доброе дело, портят соцветия татарника, уменьшают урожай прилипчивых семян, препятствуют процветанию и сдерживают его от наступления на природу.

И в другом месте на татарнике много муравьев: тут и бегунки, и красноголовый формика, и маленькие черные тапиномы. Неспроста крутятся муравьи, надо посмотреть, в чем дело. Поминутно накальваясь на колючки, осторожно рассматриваю растения. В самом центре соцветий сверху их узенькие чешуйки, плотно прилегающие друг к другу, поблескивают, смазанные какой-то жидкостью. Она, видимо, вкусна, даже слегка сладка, ее и лижут муравьи. Вспомнилось множество случаев, когда растения выделяют сладкие вещества, чтобы привлечь муравьев, заполучить против всяческой нечисти шестиногих телохранителей. В горах Тянь-Шаня однажды я наблюдал, как русский василек кормит муравьев сладкими капельками нектара из еще нераскрывшихся соцветий, а там, где не оказалось муравьев, растения очень сильно грызли прожорливые бронзовки.

Неужели и здесь так же? Кроме муравьев всюду сидят мухи-пестрокрылки, серые, невзрачные, покрытые мелкими пестринками. Они не особенно активны, но вот одна мушка, вооруженная черным яйцекладом, уселась на соцветии и погружает в него свою иголку — кладет яички. И тогда (какое совпадение!) муравей стремительно нападает на проказницу.

Не зря татарники приготовили сладкое угощение для муравьев. В этом случае они его друзья, прогоняют врагов — мушек, пестрокрылок, защищают от них растение. Долг платежом красен!

Сложны и многолики взаимные отношения у растений с насекомыми!

Клопциная физзарядка. Девять часов утра, но солнце уже обжигает тело. Что будет сегодня днем? Достанется нам от бога пустыни!

Рядом с едва заметной дорогой жиденская трава

колышется от множества клопов-солдатики. Они образовали большое скопление, почти все молодежь, ярко-красные, с едва наметившимися черными полосками надкрылий. Стариков мало. Они, видимо, заканчивают свои жизненные дела, но некоторые не чуждаются шумного общества.

Солдатики неторопливы. Для них, пустынников, еще нет жары, а так себе — легкая прохлада. Многие забралась на тонкие листики злаков, расселись на самых кончиках, раскачиваются на них от легкого ветерка, нашли себе отличное убежище.

Рассматриваю некоторых одиночек, отрешившихся от суеты, и вдруг вижу необычное: оказывается, каждый цепко держит ногами твердый комочек земли или камешек. Все до единого на травах с такими серыми комочками! Без странной ноши только те, кто бродит по земле.

Пытаюсь отнять у клопов загадочный предмет привязанности. Им не нравятся мои притязания, и если убегают, то не выпуская комочков. Один, забавный, захватил ношу ногой, будто прижал под мышкой, и шустро помчался на остальных пяти ногах. Так удобнее спасать свое добро.

Странное поведение клопов заинтриговало. Надо внимательно изучить объект вождения пустынников. Это плотный комочек земли, твердый, из мелких слежавшихся камешков и песчинок. Тут скрыта какая-то загадка.

— Ребята! — кричу я своим спутникам. — Быстрее, помогите!

И объясняю в чем дело. Они удивлены, заинтересованы. Еще бы! Сколько солдатиков уселось на траве, и у каждого по камешку.

— Клопы ваши, — говорит иронически, но серьезно Николай, — просто физзарядкой занимаются. Делать им нечего: ни на работу спешить, ни домовничать. Вот и таскают камешки.

Ольга возражает:

— Что ты все по себе судишь? Какая тут физзарядка? Просто на травинках удобнее сидеть с камешками, держаться лучше, да и подальше от любителей чужого добра. А может, солдатики о камешки точат свои хоботки? Посмотрите вот на этого, как он им сучит.

На хоботки я сперва не обратил внимания, будто ими клопики не прикасаются к своему непонятному

имуществу. Но теперь засмотрелся: один настойчиво тычет в комочек, наконец воткнул в него свой хоботок, да так крепко, что не оторвешь. Тогда я принимаюсь за то, с чего начал. Снова тщательно рассматриваю комочки, растираю их пальцами и наконец нахожу внутри их крохотное, твердое, как камешек, почковидной формы зернышко.

Странные эти клопы-солдатики! Жители пустыни, они приспособились питаться мертвыми насекомыми, сухими семенами растений и совершенно не употреб-

ляют воды. Прежде чем приняться за свою черствую пищу, они через хоботок выделяют на нее пищеварительный сок и, только обработав ее и сделав жидкой, всасывают в кишечник. Вода же добывается расщеплением органических веществ, или, как говорят химики, они пользуются конституционной водой.

В том месте, где собрались солдатики, в почве, наверное, лежит немало семян. В нынешнюю сухую весну не взошли травы, и многие семена растений, облепленные частицами почвы, заснули в ожидании лучших времен. На них, засонях, и устроили пиршество клопы. Каждый, найдя добычу, спешит уединиться подальше от собратьев. Дружба дружбой, а еда врозь.

И снова рисунки. С бивака разглядываю в бинокль черные скалы. Интересно, есть ли здесь рисунки? Захватив с собой бумагу, отправляюсь за ними. Рисунков здесь много. Но большинство из них, как и следовало ожидать, козлы. Иногда камни целиком изрисованы изображениями козлов самых различных стилей и художественного достоинства. Иногда они очень красивы, выписаны тщательно и больших размеров. Один рисунок очень груб, нечеток, на морде животного какой-то отросток. Может быть, этот рисунок был забит или искажен зашифровкой? Своеобразен рисунок козла с подогнутыми ногами. Такой же был найден в горах Анрахая.

На рисунке изображены три козленка. Это можно объяснить так: два диких прирученных козленка стреножены и пущены в горы, как приманка. К ним подбегает козел. Его легко застрелить спрятавшемуся поблизости охотнику. А вот монументальное изображение. Как бы подчеркивая его величие, рядом с ним — крошечная фигурка козла.

В горах Анрахая я встречал рисунок козла с рогом, загнутым вперед, и здесь точно такой же. Уж не принадлежат ли они одному и тому же художнику?

Пересмотрел, наверное, я несколько тысяч изображений козлов, но такое встречаю впервые: четыре козлика дружно скачут друг возле друга. Самый крайний, левый, изображен чуть в другом стиле. Не подрисован ли он позже? Слева от них — круг со знаком и возле него крохотная фигурка козленочка, вероятно также подрисованная позже.

Задорен, полон силы и изящества козел на рисунке рядом. А вот целое стадо животных, похожих на овец,

Они бредут куда-то в разные стороны. Большой козел высечен раньше, так как фигурки овец наложились на него. И сейчас в отаре бывает так: один или несколько козлов выполняют роль вожака.

Архарлы порадовали редкими находками для моей коллекции копий наскальных рисунков. Впервые вижу изображение скорпиона. В этом уже сомневаться не приходится. Правильно передано строение тела этого широко распространенного в жарких странах паукообразного, его клешни, длинное заднебрюшие или, как его называют проще,— хвост с загнутым концом. У художника только не хватило терпения подрисовать ноги. Что же торчит возле головы скорпиона? Скорее всего, тут был незаконченный рисунок козлика. Потом вижу рисунок волка. Он вцепился в ногу растерявшегося человека. Другой, такой же, бежит ниже. Волк, судя по всему ныне исчезнувший, красный, альпийский, обычно охотящийся за горными козлами, смелый и дерзкий. У него длинные уши.

И снова фигурка гепарда. Был этот зверь в давние времена довольно распространен и обыден. А вот какая-то кошка. Но какая? Для тигра или барса хвост слишком короток. Сама по себе фигурка монументальна: в типичной эпически спокойной позе, мощная, красивая. Редкое изображение! Среди наскальных рисунков змея попадает за поездку второй раз. Здесь кусочек поверхности камня оставлен нетронутым, чтобы получился глаз пресмыкающегося. Кто изображен на этом рисунке, можно только гадать. Мне, перевидавшему множество рисунков, он понятен. Обычно одну из характерных черт строения животного художник даже в сильно стилизованном рисунке всегда изобразит точно. Таким может быть только изображение слона. Но поверят ли мне придирчивые и суровые критики?

Неясен и, возможно, незакончен рисунок. А на рисунке рядом олень с традиционными рогами елочкой, которого преследует собака с лихо закрученным хвостом. И наконец я вижу вновь рисунок лабиринта с хитроумно зашифрованными фигурками козлов. Да, простые с нашей точки зрения рисунки, как будто не имеющие смысла, на самом деле содержат какой-то глубокий сюжет, если потребовались столь сложные приемы их маскировки.

Приближался вечер последнего дня нашего путешествия. В ущелье стояла тишина. На камнях задорно

прокричал скальный поползень и замолк. Склоны гор порозовели от лучей заходящего солнца. Над ними высоко в небе летают быстрокрылые стрижи. Вскоре горы потемнели. Из-за черных скал вышел тонкий серп луны. Загорелись первые звезды...

Преследование. Рано утром, едва взошло солнце, с вершины холма вблизи нашей стоянки раздался настойчивый и громкий стрекот сорок. Что-то произошло, надо выбираться из-под полога, узнать, в чем дело. Дело, действительно, выглядело забавно. Две сороки летят за лисицей совсем рядом с нею, преследуют ее настойчиво и неотступно. Поведение птиц кажется необычным. Может быть, птицы беспокоятся о своем гнезде и потомстве в нем? Но его здесь негде устроить: вокруг только низенькие кустики. Да и сорочата сейчас стали большими, умеют хорошо летать.

Стараясь не выдать себя, спрятался за кустом, вооружился биноклем, наблюдаю. Лисица занята своими обычными делами, охотится, принюхивается к норкам полевок — мышкует, как говорят охотники. Иногда она бросается на птиц, не выдерживая их назойливого приставания, но те легко и грациозно увиливают от нападения. Преследование продолжается.

Зачем сороки летят за лисицей, чем она им досадила? Постепенно я начинаю догадываться, в чем дело. Неужели... Надо наблюдать дальше!

Неожиданно лисица затрусила в сторону от птиц, скрылась за холмом, сороки же остались, уселись на землю. Их теперь интересует что-то другое, они занялись каким-то делом. Я изо всех сил, запыхавшись, бегу в гору к сорокам. Птицы, напуганные мной, разлетаются в стороны. Там же, где они сидели, на земле лежит среди разрытых норок полурастерзанный трупик только что задавленной полевки.

Так вот какие вы, ловкие вымогатели! Одолели лисичку своими притязаниями, требуя от нее подачки. Добились своего!

Теперь пора спешить к биваку...

Мне не надо будить своих молодых спутников. Они проснулись от моего топота, когда я бежал в гору. Дружно принимаются собирать вещи, не в меру торопятся. Сегодня мы должны быть дома. Соскучились по городу! Только не я. За рулем, перебирая в памяти все наше путешествие вокруг Балхаша, я начинаю строить планы других поездок.

СОДЕРЖАНИЕ

- На пути к Балхашу 3**
На пути к Балхашу —
Тесная связь 4
Грязнули 5
Комары-вегетарианцы 7
Охота поневоле 10
Бегунок-летунок 11
Паучья дипломатия 12
Что с ним? 14
Отшельники 15
Ласточки и овцы 16
- В горах Анраха 18**
Неожиданные скалолазы 19
Рисунки на камнях 20
Тайное убежище 23
Голодающая фаланга 28
Древний календарь —
Опять рисунки 29
Зеленый мысок 32
Негостеприимная долинка —
Опасная остановка 34
Кузнечик-хищник 36
Картинная галерея 37
Пустыня в цветах 42
- Пустыня Жусандала 45**
Орел, ежи и кобылки —
Краснохвостая песчанка 47
Неожиданная находка 48
Мох в саксаульнике 49
Черепашки защищаются 51
Обманщица 54
Усердные землекопы 56
Белое безмолвие 57
Подземная история 58
Несостоявшееся свидание 60
Выход в свет 61
- Забывшие острова 64**
Здравствуй, Балхаш! —
Необитаемые острова 67
Паучий остров 69
Приют огородников 71
Сверкающий глазами 72
Интересная находка 73
Ночной огонек 77
Кряковая утка 78
Древние курганы —
Остров Ольджабека 79
Неудачный рейс 81
- Трудная жизнь орлиной семьи 82
После катастрофы —
Тоскливые адотки 85
Крошечный островок 86
Коровий остров 88
Остров крошечных кобылок 89
Золотой курган 90
Босарал — остров Главный 92
После невзгоды 94
Конечный остров 95
Шустрый наездничек 96
Сварливые и воинственные чег-
равы 97
В единении — сила 98
Основная столовая 101
Полуостров, очень давно быв-
ший островом 102
Остров орлана белохвоста 103
- По берегам озера 107**
Стрекозы-путешественницы —
Миролюбивые хищники 109
Вывеска лядвица 110
Остров Каменный 113
В барханах острова Тасарал 116
Следы на песке 117
Безумствующие путешествен-
ницы 121
Балхаш — полупроточный во-
доем 125
Остров Алгазы 127
Сверкающее зеркальце 131
Черепашка, страдающая бессон-
ницей 133
Прячущиеся на день 134
Миф или действительность? 136
Ураган 137
Необычные наклоности 139
Архипелаг Абдынарал 141
Отличная еда 143
Шайтанарал 144
Остров, соединяющийся с ма-
териком 146
Вынужденное заточение 149
Крошечная роща 151
- Следы рассказывают 155**
Остров, который мы не реши-

лись посетить 155
Комаринные пляски 159
Процветающие каллиптамусы 160
Мы страдаем от жажды 161
Полуостров Кентубек 162
Остров напуганных птиц 164
Остров Кашкантибек 166
Полуостров Коржинтубек 169
Последний остров Байкадамарал 171
Поспешное расселение 174
Коварная мокрица 177
По черной тропе 179
Громадный некрополь 184
Какая она ранимая — природ! 185
Тяжкая участь Балхаша 191
Вдали от Балхаша 204
Предусмотрительные водолюбы 205
Странные проформики 206
Мышки среди слонов 207

Стрекозын секреты 208
Возле болотца 209
В жару и в прохладу 211
Комарик-невидимка 213
Мушки-береговушки 214
Каракурт и песчаная пустыня 215
Красноглазая тахина 216
Умелый маскировщик 218
Коллективная защита 221
Полет белянок —
Жаворонки и автомобили 223
На обратном пути 225
Ущелье неуемных тружеников —
Рисунки на скалах 226
Стрекозы-стрелки 228
Хитрый муравейник 229
Друзья и враги татарника колючего 230
Клопная физзарядка 232
И снова рисунки 235
Преследование 237

Мариковский П. И.

**М 26 Забытые острова.— М.: Мысль, 1991.—238,
[1] с., [8] л. ил.
ISBN 5-244-00563-4**

Описывается путешествие автора по пустыням Прибалхашья, северному берегу Балхаша и необитаемым островам озера. Дается описание природы, рассказывается о любопытных фактах из жизни насекомых, пресмыкающихся, птиц, зверей. Кроме того, описываются найденные автором неизвестные археологические памятники, наскальные рисунки, древние курганы, крестейшие астрономические сооружения для определения солнцестояний и равноденствий.

М 1805080900-026 73-91
004(01)-91

ББК 26.89(2К)

Научно-художественное издание

Павел Иустинovich Мариковский
ЗАБЫТЫЕ ОСТРОВА

Редактор Т. И. Кондрашова
Редактор карты Д. Г. Феттахова
Оформление художников А. Н. Вобрович, М. Н. Сергеевой
Художественный редактор А. Л. Сальников
Технический редактор Ж. М. Голубева
Корректор Г. В. Шишова

ИБ № 3366

Сдано в набор 11.06.90. Подписано в печать 04.01.91. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага кн.-журн. Гарнитура типа Таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 13,44 (с вкл.).
Усл. кр.-отт. 16,84. Уч.-изд. л. 14,16 (с вкл.). Тираж 100 000 экз. Заказ № 718. Цена 1 р.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский пр., 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая
Образцовая типография» Государственного комитета СССР по печати. 113054,
Москва, Валуев, 28

Мы страдаем от жажды.
В соленой части Балхаша
вскоре истощились наши
запасы пресной воды. Когда
же ее нет, будто нарочно
хочется пить. Затруднение с
водой я предвидел и при-
хватил с собой холодильни-
чек. Перегонять соленую
балхашскую воду взялись все
вместе, и очень рьяно.

Желтая земля, покрытая высохшими растениями, горячий ветер, ослепительное солнце и громадное синее озеро в опаленных зноем берегах. Вокруг полное безлюдье, посвисты грациозных пшух, крики чаек и стаи величавых планирующих пеликанов. Таков Балхаш! А там, в безбрежном голубом просторе озера находятся неведомые, до сих пор не исследованные острова, где по издревле сложившимся законам живут звери, птицы, пресмыкающиеся и насекомые.

«МЫГЛЬ»

